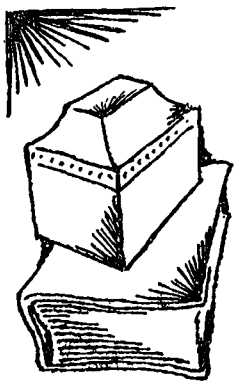

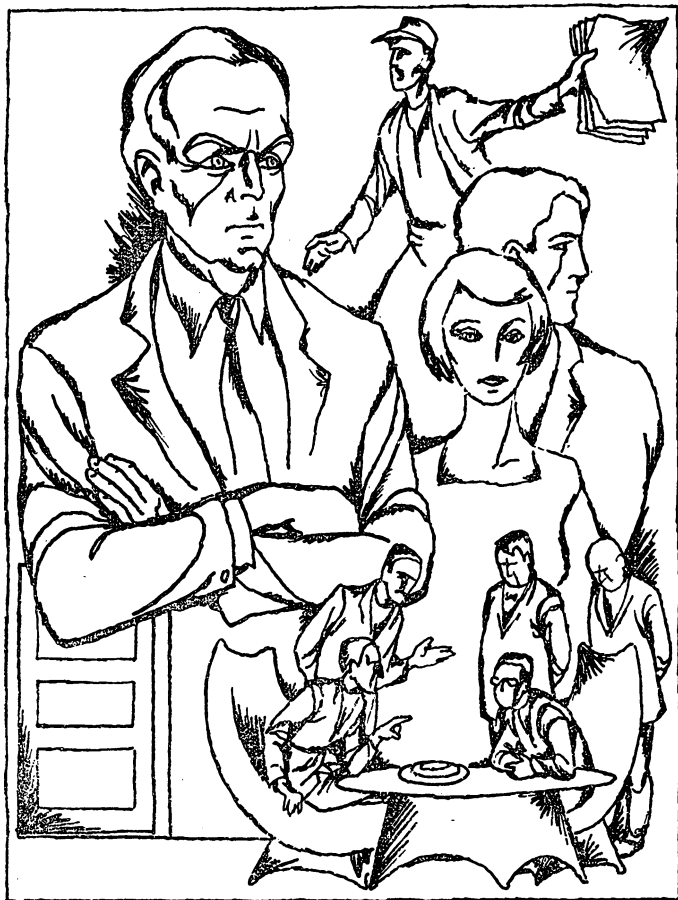
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВИКТОР СУХАНОВ
АВАТАРА

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВИКТОР СУХАНОВ

АВАТАРА

Фантастический роман

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1989

ББК 84Р7
С 91

С $\frac{4702010201-216}{078(02)-89}$ 150-88

ISBN 5-235-00305-5

- © Издательство
«Детская
литература»,
1987 г.
© Иллюстрации.
Издательство
«Молодая
гвардия»,
1989 г.

АВАТАРА — В ИНДУИСТСКОЙ
МИФОЛОГИИ НИСХОЖДЕНИЕ
БОЖЕСТВА НА ЗЕМЛЮ, ЕГО
ВОПЛОЩЕНИЕ В СМЕРТНОЕ
СУЩЕСТВО РАДИ «СПАСЕНИЯ
МИРА», ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЗА-
КОНА И ДОБРОДЕТЕЛИ.

Люди, я любил вас!
Будьте бдительны!

Юлиус Фучик, 9.6.43.
Тюрьма гестапо в Панкратце

ПРОЛОГ

На западном побережье Северной Америки, в семи-десяти пяти милях от города Сан-Франциско среди гигантских вечнозеленых хвойных деревьев расположено живописное местечко Поляна Секвой. Здесь можно встретить кэмпусы¹ с экзотическими названиями вроде «Хижина совиного гнезда», «Убежище горцев», «Пещерный человек». Летом 1945 года в одном из этих кэмпусов собрались очень и очень солидные джентльмены, специально позаботившиеся о том, чтобы никто не мешал их уединению. Они собрались на очередной «мальчишник» обсудить кое-какие дела. Стенографисток, как всегда, не было, но джентльмены знали, что принятые ими решения будут неукоснительно выполнены. Ведь, кроме прочих достоинств, участники встречи были членами не очень известного в Америке Богемского клуба...

На этот раз на «мальчишнике» обсуждался вопрос, сбрасывать или не сбрасывать атомные бомбы на японские города. Решили сбрасывать. Один из присутствовавших так выразил общее мнение: «Бомба сделана, и ее следует немедленно использовать! Надо немного попутать человечество...»

В то лето миллионы людей искренне надеялись, что после разгрома гитлеровского фашизма слово «война» будет все реже и реже встречаться в лексиконе народов, живущих на планете Земля. Джентльмены из Богемского клуба думали несколько иначе...

¹ Кэмпус — так обычно называют в США территорию университетского городка, здесь — загородная территория с находящимися на ней домиками (здесь и далее примечания автора).

ЧАСТЬ I

ПУТЬ НА ЗАПАД ЧЕРЕЗ ВОСТОК

СОЛОНЬ — ПАРИЖ — СОЛОНЬ

— Женщина должна быть сильной, но без жестокости, — сказал профессор Куртьё. — Она должна быть умной, но не сухой, отважной и в то же время не утратившей женского обаяния — словом, настоящая женщина должна работать, думать, бороться и шагать по трудным дорогам наравне с лучшими из мужчин.

Профессор насмешливо посмотрел на меня:

— Вы со мной не согласны, Виктор? Впрочем, это не мои мысли: я позаимствовал их у Ирвинга Стоуна, который, в свою очередь, утверждал, что именно такой представлял себе женщину двадцатого века Джек Лондон. Я не понимаю, почему женщины всего мира не поставили до сих пор памятник Джеку Лондону — чище, возвышеннее о них мало кто писал. Почитав Джека Лондона, так и хочется отправиться на поиски настоящей, «единственной» женщины, забыть, что существуют мелкие любовные интрижки, о которых потом неловко вспоминать. Джек Лондон сумел пронести через всю жизнь удивительно возвышенное отношение к женщине. А знаете, что он не любил в женщинах? Стоун писал, что автор «Маленькой хозяйки большого дома» терпеть не мог женского кокетства, сентиментальности, отсутствия логики, слабости, страхов, невежества, лицемерия, цепкой мягкости прильнувшего к жертве растения-паразита. Джек Лондон полагал, что эти отрицательные качества женской души должны исчезнуть вместе с девятнадца-

тым веком, а в новом столетии появится другой тип лучшей половины человечества, близкий к идеалу, который он прославлял в своих книгах. Бедняга! Недавно я прочитал наимоднейший труд, изданный в ФРГ под названием «Дрессированный мужчина»...

Профессор устроился поудобнее в кресле, взял со стоявшего перед ним низкого столика чашечку черного кофе, отпил немного и продолжал:

— Автор «Дрессированного мужчины», как известно, — женщина. О своих человеческих сестрах она пишет удивительно зло: современные дамы дрессируют-де мужчин, приручают их, а затем становятся эксплуататоршами, посылая мужей во враждебный им мир зарабатывать деньги... Книжка, в общем-то, противная. Увидев на обложке портрет автора, я подумал: некрасивая умная женщина мстит своим более удачливым соперницам... Но есть там одна идея, которая, пожалуй, и не лишена здравого смысла: эмансипация, если она ограничивает в женщине желание иметь хорошую семью, может погубить цивилизацию...

— А вы сами, профессор? — решил я. — Вы причисляете себя к сторонникам Джека Лондона в вопросе о женщинах или разделяете взгляды автора «Дрессированного мужчины»?

— Я слишком долго изучал биологию, Виктор, — тонко улыбнулся Куртьё, — чтобы рассматривать женщину с позиций примитивного метафизика: черное — белое. Я за диалектический подход, как говорят марксисты. К тому же истинный биолог не может не быть пессимистом...

— Простите, профессор, но я с вами не согласен. Мне всегда казалось, что настоящий биолог непременно становится оптимистом и гуманистом высшего типа!

— Да-а... — протянул Куртьё уже с обычной своей иронией. — Может, начинающий в биологии романтик и бывает гуманистом, как вы говорите, высшего типа. Только наши врачи — возьмите, к примеру, рекомендо-

вавшего вас Руайе, — почему-то думают прежде всего о деньгах, об особняках и уже в последнюю очередь — о здоровье пациентов. Сколько вам лет, Виктор?

— Двадцать шесть, профессор.

— Прекрасно! Вернемся к этому разговору... когда вам исполнится сорок.

Он допил кофе, изящным движением поднялся с кресла, поклонился и вышел из гостиной.

Профессор Куртьё был из породы гениев. Не знаю, сколько ему было лет, наверное, около пятидесяти, но этот белокурый подтянутый аристократ выглядел так, что мог в любой момент, не стыдясь, пойти под венец с молоденькой девушкой. Кстати, он не был женат. О гениальности Куртьё говорили с большим почтением в кругу крупнейших биологов мира, хотя, как я подозреваю, эти самые биологи имели весьма смутное представление о роде его занятий. Я тоже не очень хорошо представлял себе характер работы профессора, хотя и служил у него уже несколько месяцев. Тем не менее и того, что я успел узнать, вполне хватало, по моему разумению, на присуждение Куртьё полудюжины всяческих почетных премий. Однако основным принципом работы его фирмы была полная секретность.

Эта секретность несколько настораживала меня. Я не раз пытался понять, что же в действительности представляла собой фирма «Сосьете женераль де рещерш съантифик», в которой я работал. Пока я знал о ней мало. Беспокоила меня и мысль о том, соответствует ли глава фирмы профессор Куртьё тому образу, который я составил в своем воображении.

Внешне все выглядело вполне пристойно. Я имел прекрасные личные апартаменты, возможность работы в великолепно оборудованной лаборатории, а также оклад, превышавший самые смелые предположения. Куртьё был со мной обычно приветлив и лишь временами чуть-чуть холодно-вежлив. Но таков был стиль

его поведения со всеми сотрудниками... Ну что ж, проживем — увидим.

Остаток дня мне предстояло провести в изучении актиномицетов, или, как их называют, лучистых грибов.

В 1945 году С. Ваксман и А. Шатц выделили из культуры актиномицета антибиотик стрептомицин. Собственно, лучистые грибки не моя специальность, но шеф, как я мысленно звал профессора, безжалостно заставлял меня заново штудировать массу материалов по биологии, химии и физике. Сам Куртьё обладает феноменальной памятью и нашпигован таким количеством знаний, что соперничать с ним может, пожалуй, лишь библиотека американского Конгресса. У шефа есть какая-то, только ему и богу известная, система, помогающая раскладывать знания по полочкам и никогда ничего не путать. В нужный момент он извлекает эти знания из глубин памяти со скоростью, превышающей быстроту последней модели ЭВМ. К тому же Куртьё знает уйму разных языков, на которых говорит хотя и с одним и тем же акцентом, но зато без ошибок. Мои разноплеменные бабушки выучили меня с детства: одна французскому и английскому, другая — чешскому и русскому языкам. Жизненные скитания значительно расширили мой лингвистический кругозор, кроме немецкого, испанского и итальянского, мне пришлось говорить на суданских и некоторых азиатских языках. Но Куртьё по сравнению со мной настоящий полиглот, и я невольно тушуюсь, когда он начинает насмешливо пояснять, что означает то или иное выражение в японском языке или на малаялам — есть такой язык в Индии. Потом я специально проверял пояснения шефа по словарям — он не ошибался. Однако, насколько я успел разобраться, основное внимание шеф уделяет не языкам и не биологии, а «наукам-перекресткам», то есть стыкам разных наук — биологии, математики, электроники, механики и т. п.

Итак, Куртьё дал мне кипу папок, содержащих полезные сведения об актиномицетах, посоветовав внимательнее отнестись к работам немца Р. Лиске. Этот Лиске в двадцатые годы скрупулезно обобщил массу данных о происхождении и свойствах лучистых грибков.

Прежде чем сесть за работу, точнее, за учебу, я решил минут сорок погулять по парку. Взглянув в окно, я увидел нашего привратника — малийца Бубакара, который в данный момент выполнял работу садовника. Рядом с Бубакаром стояла небольшая тележка для транспортировки мусора. Мы называли ее «жуком». Это было одним из изобретений шефа, за которое он мог бы получить и Нобелевскую премию, и миллионы долларов, если бы захотел афишировать подобную машину. Впрочем, миллионы долларов не имели для профессора особого значения — Куртьё сам был миллиардером, хотя и скрывал свои финансовые дела не менее тщательно, чем направление научных исследований, проводимых фирмой. Сохранением тайн занималась специальная служба, и дело было поставлено не хуже, если не лучше, чем в первоклассной разведке. Так вот, у этого самого «жука» не было колес — их заменяли шесть ног — копия ног насекомого, только многократно увеличенных и сделанных из новых, не существующих в природе сверхпрочных материалов. Прототипом механизма послужил майский жук. Надо сказать, что у Куртьё было несколько машин, представлявших собой, по сути дела, искусственные системы — копии насекомых; среди них были бегающие, летающие и плавающие.

Я вышел в парк и медленно пошел по одной из желтых дорожек, веером разбегавшихся от особняка.

— Пока будете проходить испытательный срок, вам разрешается ходить и гулять в парке только по дорожкам, посыпанным желтым песком, — строго предупредили меня, когда принимали на работу в фирму. — Запомните это хорошенько. Нарушение данного правила чревато для вас очень тяжелыми последствиями.

Позднее шеф внутренней охраны, белокурый бельгиец Дюшато, сказал мне:

— Мсье Виктор, поскольку первая стадия вашего испытательного срока прошла успешно, я должен кое-что разъяснить вам. В этой части парка четыре вида дорожек: желтые, красные, черные и белые. Вы ни разу не нарушили правила и ходили только по желтым. Знайте, что красные, из кирпичной крошки, означают смертельную опасность для всякого, кто вступит на них без специального снаряжения. Черные, шлаковые дорожки — это практически сама смерть... А вот по дорожкам из белого речного песка вы скоро сможете ходить, получив специальный пропуск.

Парк профессора Куртьё был необычайно красив: здесь гармонически сочетались английские, французские, японские и другие методы садово-паркового искусства. К тому же профессор привез из разных стран богатейшую коллекцию редких растений. Особенно он был неравнодушен к хвойным, не без основания полагая, что многим из них в ближайшее время грозит полное вымирание от загазованности воздуха. «Уничтожение сосны — блестящий показатель неполноценности нашей цивилизации», — любил говорить он. Причудливые по своим формам групповые посадки хвойных: голубых, или, по-научному, одноцветных пихт, напоминавших мне почему-то гибрид серебристой ели с сосной, деодаров — гималайских кедров, канарских сосен, секвой, лиственниц и т. п. — занимали значительную площадь вокруг центрального особняка. Дорожки в этой части парка посыпали только желтым песком.

Заботились об уходе за деревьями садовники-маллийцы, фактически не владевшие французским языком. Подозреваю, что мое знание бамбарá — языка большинства жителей Мали — было для Куртьё досадной неожиданностью: ему вряд ли нравилось, что кто-то из работников фирмы сможет установить прямые контакты с одной из этнических групп его служащих. Я уже

успел заметить, что у Куртё работало несколько обособленных национальных групп: малийцы, индийцы, мозамбиканцы, японцы и европейцы. Аккуратные индийцы занимались исследованиями в лабораториях, мозамбиканцы, которых, видимо, пригласили из-за их веселого, доброго и незлобивого характера, убирали помещения, японцы работали со сверхточными приборами. Внутренняя охрана, если не считать привратников-малийцев, состояла только из европейцев. Начальника охраны, бельгийца Дюшато, мне представили официально. Мои наблюдения за его подчиненными позволили построить кое-какие гипотезы о национальной принадлежности некоторых из них.

Заместитель Дюшато, как и его начальник, был белокур, только значительно более педантичен и аккуратен. По-французски он говорил с акцентом, свойственным языку, на котором удивительно удобно отдавать команды. Хотя он ходил в штатском, мне почему-то всегда чудилось, что на нем мундир полковника и в глазу поблескивает монокль. Среди рядовых охранников резко выделялась огненная шевелюра двухметрового парня, улыбающаяся веснушчатая физиономия которого не оставляла ни малейших сомнений в том, что именно его предки поставляли из поколения в поколение первоклассных полицейских городу Нью-Йорку¹ и некоторое количество террористов — остальной части земного шара. Симпатичное смуглое лицо и живые карие глаза другого охранника показались мне знакомыми. Порывшись в памяти, я обнаружил сходные черты у одного из персонажей фильма «Крестный отец». Бородка и тонкое аристократическое лицо третьего охранника сильно напоминали портрет средневекового французского маркиза в одном из замков Луары. И лишь случайно оброненное «обригаду!»² подсказало мне, что его родственников

¹ Многие полицейские Нью-Йорка по национальности ирландцы.

² Обригаду! (порт.) — Спасибо!

следует искать несколько южнее, в самой западной части Европы. Среди охранников я успел заметить шведа, финна, датчанина, венгра, грека, серба, чеха и испанца.

Особенно дружеские отношения у меня установились с малайцами. И началась эта дружба в первый же день моего пребывания в имении Куртё. Накануне я приехал из Парижа в Блуа, где и переночевал в каком-то маленьком отеле.

Я всегда любил останавливаться в небольших уютных провинциальных отелях, где скрипели деревянные лестницы и была старая мебель. Эти отели вызвали во мне воспоминания об эпохе моих бабушек и о безвозвратно ушедших детских годах. Блуа вообще-то местечко курортное, но уже наступила осень и городок был пустынен. Проснувшись утром, я сначала подумал о хорошенькой горничной Иветт, стройной двадцатилетней блондинке, подававшей мне вечером ужин, а потом уже о Жанне д'Арк, поскольку именно в Блуа собралась она пять веков назад свое войско, чтобы освободить Францию от иностранных захватчиков. Как говорит мой дядя Мишель, половину национальных героев Франции составляют женщины, так как всего этих героев двое: Жанна д'Арк и генерал де Голль, ибо Наполеон Бонапарт все же был корсиканец... Вспомнив слова дяди, я пришел к мысли, что потомки хотя порой и несправедливы к своим выдающимся историческим предкам, все же менее жестокосердны, чем современники этих предков. Особенно отвратительно современники поступили с Орлеанской Девой, отправив ее на костер... А то, что кое-кто из историков до сих пор тешит себя иллюзиями, будто Жанне д'Арк удалось в последний момент сбежать, а сожгли ее сподвижницу, — слабое утешение. Увы, о Наполеоне я тоже слышал, что ему удалось уплыть с острова Святой Елены на первой в мире примитивной подводной лодке и что остаток жизни он прожил в Америке, мышьяком же травили внешне похоже-

го на императора его соратника. Конечно, хочется верить в лучшее, хотя соратников тоже жалко...

Закончив с мысленным экскурсом в прошлое, я позвонил Иветт и, сообщив ей массу интересного по поводу цвета ее глаз и щечек, попросил принести мне кофе и круассан¹. После завтрака я выехал в Солонь, в имение профессора Куртьё, — я имел к нему рекомендательное письмо от старинного друга нашей семьи, модного парижского врача Руайе. Предварительно Руайе говорил обо мне с Куртьё по телефону.

Солонь — это песчаное, заросшее лесом плато, где много старинных замков и прославленных охотничьих угодий. Президент Республики именно сюда приглашает время от времени поохотиться своих именитых гостей. Среди бесчисленных лесных шоссе, украшенных по бокам табличками «частная собственность», я с трудом нашел нужный мне адрес. Имение было огорожено высоким каменным забором. Поставив в сторонку свой «пежо», я бодро направился к солидным металлическим воротам.

После моего звонка калитка бесшумно поползла вбок, и в образовавшемся проеме появился двухметровый малиец, на черной физиономии которого было бы тщетно отыскивать малейшие признаки гостеприимства.

— Мсье желает? — спросил этот антоним радушия.

Я внутренне улыбнулся. Конечно, если бы передо мной неожиданно встал во весь рост и загородил своим телом вход во владения профессора Куртьё пигмей из Конго, я, может быть, и растерялся бы. Но негр, да еще малиец... С этим народом я чувствовал себя достаточно уверенно.

— Инисогóма! Икákэнэ кособó? ² — приветствовала я черного стража на чистейшем бамбара с акцентом города Сегу — колыбели этого языка.

¹ Круассан (фр.) — булочка в форме полумесяца.

² Доброе утро! Надеюсь, ваши дела идут хорошо? (бамбара).

— М'ба! ¹ — машинально ответил малиец, сохраняя на лице свирепое выражение.

— И муссо́ какэнэ? И дэу́ какэнэ? ² — вежливо продолжал я традиционный перечень вопросов африканского приветствия.

— Тóротэ! ³ — все еще хмуро отвечивал мой ви-зави.

— И сомого́ бе какэнэ? И сунгуру́ какэнэ? ⁴ — Последняя фраза ритуалом не предусматривалась.

— Тороситэ! ⁵ — ответил малиец и расхохотался. Лицо его приняло добродушное выражение.

Тогда я перешел на французский:

— Меня пригласил профессор Куртьё. Моя фамилия Руадó.

— Мы вас ждем, мсье Руадо! — поклонился негр.

Так состоялось мое знакомство с Бубакáром Кули-балí. Позднее мы с ним подружились. Бубакар помог мне установить хорошие отношения и с другими малийцами. Особенно часто беседовал я с маленьким веселым Траорé, который рассказывал массу интересных вещей об Африке, ее обычаях, старинных преданиях, народных приметах, а также о колдунах различных племен. Траорé был прирожденным рассказчиком, слушать его было одно удовольствие, однако отличить правду от вымысла в его повествованиях оказывалось не всегда просто.

— Знаешь, Виктор, — обычно начинал он, — у нас в деревнях есть такие колдуны, которые могут умертвить человека, живущего в другой деревне, в нескольких десятках километров от колдуна и которого колдун никогда не видел.

¹ Так (бамбара).

² Как поживает ваша жена? Как поживают ваши дети? (бамбара).

³ Хорошо (бамбара).

⁴ Как поживают все ваши родственники? Как поживают ваши возлюбленные девочки? (бамбара).

⁵ Отлично (бамбара).

Это я знал. Колдун не посылал своей жертве никакого яда — он просто на глазах односельчан совершал обряд убийства человека, живущего в другой местности. И через некоторое время этот человек умирал... Если он узнавал, что колдун обрек его на смерть. Умирал он от самовнушения. В его голове просто не укладывалось, что он может жить, если колдун прописал ему смерть.

— А еще, — продолжал Траоре, — колдун становится перед деревом, произносит заклинание — и у вас на глазах дерево начинает терять всю свою листву, листья сразу же опадают.

— А чем он перед этим поливает корни? — интересовался я.

— Нет, нет, ничем не поливает, — настаивал Траоре, — он заколдовывает дерево...

«Кто знает, — думал я, — может, какие-нибудь экстрасенсы и обжигают дерево биотоками, хотя это маловероятно — скорее всего гипноз... Впрочем, знаменитый фокусник Робер Удэн на глазах у зрителей насыпал в кадку землю, бросал туда апельсиновое зерно и поливал его водой. Из земли появлялся росток, становился кустом, покрывался цветами, которые затем превращались в апельсины. Этими плодами фокусник тут же угощал детей... Фокуса с апельсиновым деревом до сих пор никто не может повторить. Может, в Африке нашлись подражатели Робера Удэна?

Особенно хорошо Траоре разбирался в ядах. Он рассказывал о разных средствах от укусов ядовитых змей, приготовлении смертельных настоев из растений, применении ядов во время охоты на крупных зверей.

— Самый лучший яд, которым смазывают наконечники стрел, делают в нашей деревне так... — говорил он. — Человек (понимай — мужчина) уходит в лес и убивает там большую жабу, кожа которой ядовита. Ее кладут в глиняный горшок, куда должен помочиться маленький мальчик. Горшок зарывают в землю в лесу под тенистым деревом и приходят на это место через год.

Горшок выкапывают, добавляют в его содержимое сок одного редкого растения и ставят на костер. Затем все отходят подальше, чтобы ядовитые пары никого не отравили. Когда костер погаснет и «зелье» остынет, один, наиболее опытный, охотник приближается к горшку и обмакивает в отраву наконечники стрел. Потом горшок с остатками яда зарывают в землю.

— Кстати, Виктор, — продолжал Траоре, — здесь в парке тоже много ядовитых растений. Очень ядовитых. Даже у нас в Африке я таких не встречал.

Мой чернокожий приятель, видимо, решил на всякий случай предупредить меня о возможных опасностях, подстерегающих новичка, если он будет гулять по парку в местах, не предназначенных для прогулок. Видя, что я не реагирую на его слова, Траоре добавил:

— Когда мы здесь обрабатываем землю вокруг ядовитых кустарников и трав, мы надеваем специальные костюмы со шлемами, а то нечаянно заденешь растение или вдохнешь его пары и можешь умереть. Самые страшные растения-убийцы находятся вдоль узких черных дорожек...

— Понятно, — поспешил я успокоить малийца. — Вдоль черных, а также вдоль красных дорожек — ядовитые растения. Но по этим дорожкам я не гуляю. К счастью, в отличие от Африки, здесь нет змей. Ты боишься змей?

— Очень боюсь, Виктор. У меня на родине встреча со змеей — это встреча со смертью. У вас в Европе змея ползает по земле — смотри под ноги, не наступай на нее, и она тебя не тронет. А у нас есть змеи, которые кусают сверху, с дерева. Это страшно. Когда я был мальчишкой, мы пошли ватагой в лес. И один мальчик шел вблизи дерева, а змея обвилась вокруг ветки, и мы ее не видели. Она укусила его в лицо, и он умер через несколько минут на наших глазах. Мы не успели позвать знахаря, чтобы спасти его. С тех пор я очень боюсь змей!

— А знахари всегда спасают жизнь укушенного змеей?

— Почти всегда. У них есть специальные порошки, которыми они посыпают рану. А детям они надрезают перепонки между пальцами рук и ног и в надрезы втирают специальный состав. Тогда не страшен укус любой змеи. Это как прививки. У нас есть очень искусные заклинатели змей, Виктор, — продолжал Траоре. — Они, например, умеют ядовитую змею превратить в палку, то есть змея станет прямой и твердой, как палка. А потом снова будет нормальной и может укусить. Ты никогда в это не поверишь!

— Почему же не поверю, я могу даже научить тебя, как это делается.

Траоре раскрыл рот от удивления.

— В самом деле?

— Конечно! Берешь змею — за шею, разумеется, — чуть-чуть надавливаешь, и змея раскрывает пасть. Ты спокойно приближаешь голову змеи ко рту и плюешь прямо в ядовитую пасть. Змея тут же распрямляется и деревенеет. Вот и все!

Траоре подозрительно посмотрел на меня.

— Ты все шутишь, Виктор!

— Ничуть. Сначала надо пожевать одно растение, чтобы его сок растворился в слюне. Получается наркотик, молниеносно парализующий змею... Все очень просто! Сам я этого фокуса не делал, но секрет знаю.

Размышляя о малийцах, я забрел довольно далеко от особняка, где жил, и, оглянувшись, увидел, что нахожусь около наружной стены, окружавшей территорию Куртьё. Это был уголок, заросший буйной дикой растительностью, которой не касались ножницы садовника. Желтая дорожка, по которой я шел, внезапно обрывалась, разветвляясь на две черные тропинки. И в этот момент я услышал сдавленный стон. Сбоку от дорожки,

в кустах, ничком на земле лежал человек. Видимо, он пробирался сквозь кусты и, почти достигнув дорожки, потерял сознание. Я сделал то, что должен был сделать по инструкции: вытащил из кармана свой номерной транзистор и сообщил дежурному диспетчерского пункта, что вижу в таком-то месте парка человека, судя по всему, потерявшего сознание.

— Не прикасайтесь к нему, — сказал мне диспетчер, — сейчас вылетаем.

Со стороны диспетчерской поднялось огромное механическое подобие стрекозы. Через минуту «стрекоза» приземлилась рядом со мной, из аппарата выпрыгнули два дежурных охранника, подбежали к неизвестному и наложили ему на лицо кислородную маску. Лежавший открыл глаза. В это время приземлилась еще одна «стрекоза», из которой вышел профессор Куртьё. Он подошел к неизвестному и, чеканя слова, сказал:

— Вы отравились, продираясь сквозь ядовитые растения. Через пять минут вы окончательно потеряете сознание и еще через пятнадцать умрете, если я немедленно не дам вам противоядия. Но я дам его только при условии, что вы честно ответите на все мои вопросы. Если вы солжете, я позабочусь, чтобы противоядие не оказало нужного действия... Согласны?

Умирающий закрыл и тут же открыл глаза.

— Хорошо, будем считать, что это знак согласия, — буркнул Куртьё. Он вынул из кармана коробочку со шприцем и какой-то пузырек, наполнил шприц мутноватой жидкостью и сделал неизвестному укол в руку. — Перенесите его в мою лабораторию, ту, что рядом с кабинетом, — приказал профессор охранникам. Потом, обернувшись ко мне, добавил: — Виктор, пойдите со мной, я хочу, чтобы вы присутствовали при допросе.

Когда мы вошли в лабораторию, неизвестный уже немного оправился, хотя лицо его было еще бледным. Он сидел в кресле, рядом на стульях расположились два охранника. Задержанный оказался сухощавым

блондином не старше тридцати лет. Куртьё сел напротив пленника.

— Итак, — отрывисто начал он, — фамилия, имя, род занятий?

— Гастон Легран, — ответил тот. — Безработный с высшим образованием. Химик. Живу в Париже. Меня наняли, чтобы я проник в ваш парк и выяснил, что здесь происходит. Потом я должен был подробно рассказать обо всем, что увидел.

— Как вы преодолели внешнюю стену?

— Меня перебросили через нее на стреле автокрана. Там в одном месте стена близко подходит к шоссе. Автокран на минуту замедлил ход, развернул стрелу над стеной — и я соскользнул в парк. Через три часа меня должны снова забрать с помощью стрелы в том же месте.

— Что вы знаете о тех, кто вас нанял?

— Какая-то небольшая фирма, мсье. Но может быть, и гангстерская организация. Выглядят подозрительно. Меня пригласили, пообещав работу по специальности в тропиках. С очень высоким окладом. Но в качестве предварительного условия потребовали попытаться посмотреть, на что похожи работы в конкурирующей фирме, то есть у вас. Вот и все.

— Как выглядели люди, которые привезли вас сюда?

— До Солони меня везли на легковой машине два блондина с невыразительными лицами. Они со мной не разговаривали. А в автокране, который ожидал нас недалеко от вашего имения, сидели двое. У одного на переносице вроде родинки с маленькую монетку, на левой щеке шрам. Акцент южанина. Низкий череп, похож на гориллу.

— Это и есть «горилла», — усмехнулся профессор. — Известен в уголовном мире как «красавчик Антуан». Один из подручных марсельского клана Гверини, старой банды, во главе которой был до своего ареста

Меме, он же Бартелеми Гверини. Значит, против нас подключили мафию. — Он немного помолчал, потом добавил: — Ладно, Легран, как вы сами понимаете, возвращаться вам нет смысла. Вас просто ликвидируют. Задания вы не выполнили, а лишний свидетель им не нужен. Вы производите впечатление честного человека. Поживите у нас, под охраной, разумеется, а там посмотрим, что с вами делать.

Когда мы остались одни, Куртьё сказал мне:

— Виктор, мы тщательно изучали вас эти месяцы. О вас сложилось благоприятное мнение. У нашей фирмы, в конечном счете, гуманные цели, хотя нам далеко не всегда приходится работать в белых перчатках. За исключением части технического персонала, не посвященного в наши секреты, мы подбираем себе людей по принципу порядочности и убежденности в том, что наше дело необходимо... — Куртьё помолчал. — Мы решили вам довериться. Отныне вы получаете право ходить по белым дорожкам — они ведут в специальные лаборатории — и будете посвящены во многие наши тайны. Я редко ошибаюсь в людях и полагаю, что вы не обманете моего доверия. Однако честно предупреждаю: за измену нашему делу мы караем смертью. Впрочем, — Куртьё вдруг широко улыбнулся, — думаю, до смерти дело не дойдет. Открою тебе маленький секрет, — он перешел на «ты», — я ведь знаю тебя и твою семью очень давно. В Париже мои родители дружили с семьей твоей русской бабушки Александры. Дружили много лет. И я помню тебя мальчуганом, когда ты гостил у бабушки. Вот почему тебя так легко приняли на работу в нашу фирму. А теперь о деле.

Куртьё рассказал, что его фирма имеет несколько филиалов, разбросанных по всему свету, достаточно замаскированных. У фирмы две задачи. Одна чисто коммерческая — производить различные вещи и продавать их, чаще всего с этикеткой: «Сделано в Гонконге».

— Впрочем, — заметил он, — сделанные фирмой

магнитофоны и транзисторы не уступают лучшим японским образцам. Мы создаем также много электронных игрушек. Наши собачки на батарейках могут бегать, лаять и приседать на задние лапы не хуже настоящих... Другая задача фирмы — большая научно-исследовательская работа, главным образом на стыке различных наук. Результаты исследований мы используем в производстве.

Куртьё добавил, что в исследованиях фирмы есть еще один, как бы филантропический, момент. Пожалуй, его можно было назвать и фантастическим: профессор раздумывал над тем, как облегчить человечеству жизнь... в будущем.

— Я очень богатый человек, — сказал Куртьё, — и о происхождении своего богатства, может быть, когда-нибудь расскажу тебе... Так вот, я могу позволить себе роскошь подумать о будущем человечества.

Куртьё считал — и, на мой взгляд, не без оснований, — что человечеству грозят две естественные опасности: во-первых, истощение ресурсов планеты, особенно энергетических, и при этом загрязнение атмосферы и воды; во-вторых, генное вырождение. Он предполагал и третью опасность — атомное взаимное уничтожение, но это уже опасность не природная, а субъективная, связанная, как он сказал, с глупостями, свойственными отдельным представителям гомо сапиенс, то есть рода человеческого.

Машины, которые Куртьё изобретал, еще раньше были изобретены природой, в этом смысле он считал себя не изобретателем, а скорее подражателем. Смысл всех его машин — высочайший КПД при небольших энергетических затратах.

Пустить эти машины в массовое производство сейчас, по словам профессора, нельзя: хищные фирмы неизвестно что могут с ними сделать, а самые хищные и самые могущественные, например нефтяные компании, предпримут все возможное, чтобы уничтожить и изобре-

тения, и изобретателя. Я представил себе, что будет, если все откажутся от автомобилей, перестанут покупать бензин и пересядут на «жуков» и «стрекоз», которые двигаются с помощью небольших и емких аккумуляторов. Да, Куртьё прав: нефтяные магнаты не замедлят сбросить на его владения водородную бомбу, не пожалевав при этом не только Солонь, но и Париж...

— Теперь ты понимаешь, почему у меня такая охрана и такие строгости при сохранении секретов фирмы, — усмехнулся профессор. — А что касается генного вырожждения, — продолжал он, — то на этот счет у меня есть своя собственная теория, или, если хочешь, гипотеза. Каждый организм — это система. Любая система не вечна. Твой «пежо» может ездить три-четыре года, а потом начнет ломаться. «Роллс-ройс», который англичане делают с 1904 года, система более надежная и более тщательно сделанная. На этом автомобиле можно ездить лет двенадцать, а то и двадцать. Но продолжение человеческого рода, то есть воспроизводство человека человеком, — это тоже система. Гены не могут передаваться неизменными вечно — начинаются поломки. Ты слышал что-нибудь о том, почему вымерли динозавры?

— Я читал, что есть несколько объяснений. Одно — похолодание климата, другое — возрастание концентрации двуокиси углерода в атмосфере от частых извержений вулканов... и так далее.

Куртьё грустно улыбнулся:

— Может быть, но я лично думаю, что передача динозаврами наследственных черт будущим поколениям была запрограммирована на какое-то количество миллионов лет. Динозавры прожили примерно сто сорок миллионов лет. А потом всё: система разладилась. Так же и человек. Пока он существует на Земле около четырех миллионов лет. Он запрограммирован к воспроизводству, допустим, на несколько миллионов или десятков миллионов лет. Потом начнутся сбои, мутации, рак, психические болезни... Понимаешь, автомобиль

можно починить, заменив старые детали новыми, и постепенно его можно обновить весь. То же самое я хочу сделать с человеческими генами с помощью генной инженерии.

Куртьё задумался. Я слушал его, не прерывая.

— Чтобы ты лучше понял природу моей филантропии, я расскажу тебе немного о своих взглядах на жизнь. Я достаточно поездил по земному шару и повидал всякое. Испытал множество доступных человеку удовольствий, разумеется, кроме наркотиков да еще курения, которое считаю тоже своеобразным наркотиком. Деньги и любознательность позволили мне наслаждаться жизнью на Западе и на Востоке, в цивилизованных столицах и на заброшенных островах Тихого океана. И надо сказать, я не разочаровался в человеческом существовании, но пришел к выводу, что истинных и достойных человека жизненных ценностей не так уж много. Тщеславие, жажда власти, богатства — все это, в итоге, пустое, если является самоцелью. Остается любовь к ближним, которые чаще всего ее не заслуживают, стремление сделать счастливым свой народ — цель безусловно благородная, видимо возможная, но очень трудная: при попытках достигнуть ее лучшие умы человечества терпели неудачу. Есть еще бесконечное познание мира, тайн природы... Последнее вполне достойно человека, его разума. Это, кстати, помогает и самому мозгу сохранять свои главные качества, свою спортивную форму, если хочешь... Мозг ведь стареет, и тогда, без большого разумного дела, человек становится с годами либо глуповато-эйфорическим, либо — и это происходит чаще, — разочаровавшись во многом, оказывается человеконенавистником, что выражается в агрессивности, скупоści, черствости.

Куртьё взглянул на меня с грустной иронией.

— Не подумай, Виктор, что я ненормальный. Во многом я разумный эгоист. И не считаю себя оторванным от жизни. Но пойми: получив от судьбы с

момента рождения так много — богатство, возможность поездить по земному шару, — я искренне хочу отдать взамен на пользу человечества свои знания, силы, наконец, свои деньги и умение использовать способности других людей на общее благо!

— Простите, профессор, ваши слова невольно вызвали у меня два сравнения. Первое — из восточной мифологии. У индусов, как вы, конечно, знаете, есть понятие «аватара»...

— Когда божество спускается на землю, воплощается в смертное существо, чтобы «спасти мир», восстановить закон и добродетель, — перебил меня Куртьё. — Что ж, сравнение весьма лестное. Ненавижу зло! Зло, которое порождает как отдельный человек, так и большая группа людей, из-за чего миллионы других обречены на голод, безработицу, нищету. Я считаю, что голод и нищета не обязательны для человечества... Я создал машины, с помощью которых можно было бы ликвидировать наступающий энергетический кризис, но дать людям эти машины я не могу — их уничтожат, а заодно и меня с моими сотрудниками... Ну, а второе сравнение?

— Моя бабушка Александра, которую вы, оказывается, знали, рассказывала мне об одном русском богатыре. Он был необыкновенной силы и всегда побеждал своих врагов. Но однажды ему предложили поднять с земли небольшую сумочку. Богатырь попытался это сделать, но надорвался и умер. В той сумочке была заключена вся земная тяжесть.

— Понял, Виктор. Ты хочешь сказать, что я взялся за дело, которое одному человеку поднять невозможно. Может быть, ты и прав. Но ничего не делать тоже нельзя! — Куртьё остро взглянул на меня. — Моя большая любовь к человечеству, Виктор, не исключает безжалостной борьбы с теми, кто становится на моем пути и, как хищник, затаившийся в зарослях, приготовился к прыжку, чтобы запустить когти в мой затылок.

Таких я вынужден уничтожать. В конце концов, жизнь есть борьба, и нужно уметь постоять за себя и свои идеалы.

Профессор помолчал. Потом, глядя мне в глаза, продолжал:

— Все это я говорю потому, что сегодня тебе предстоит участвовать в операции, которая закончится уничтожением людей — тех самых, которые заслали к нам Леграна. Если мы не убьем их, они уничтожат нас. Они признают только силу. Банда Гверини не страшна. У нее мы отобьем охоту совать нос в наши дела. Но Гверини, конечно, выполняет чей-то заказ. В конце концов, для самих марсельских бандитов наша фирма интереса не представляет, однако известно, что Гверини тесно связан с «Триадой» — крупным международным гангстерским синдикатом. Видимо, разгадку засылки к нам разведчика следует искать в «Триаде». Придется, в свою очередь, заслать туда наших людей. Только «Триаде» мы тоже не нужны. Остается предположить, что кто-то дал заказ синдикату «пощупать» нас... Я предельно откровенен с тобой, Виктор, и не спрашиваю твоего согласия на участие в операции. Полагаю, что ты с нами.

— Хорошо, — выдавил я, а про себя подумал: «А что бы произошло, скажи я «нет»?»

Впрочем, я неожиданно понял, что люди, заславшие к нам лазутчика, — скорее всего гангстеры, а поэтому и мои личные враги. Куртьё — великий ученый, и то, что он сделал в науке, достойно всяческого поощрения, а не уничтожения. К тому же я с детства ненавидел бандитов, гангстеров — всех тех, кто, пользуясь силой, навязывает свою волю слабым и глумится над ними. И я немало получил в жизни синяков, заступаясь за беззащитных.

Однажды мне пришлось участвовать, не желая этого, конечно, в довольно серьезной истории. Я учился в университете и как-то вечером провожал домой свою

сокурсницу. Дело было в 16-м округе Парижа. Мы вышли из метро и углубились в тихий, безлюдный переулок. Это был квартал для обеспеченных людей. Обычно здесь не хулиганят. Сначала я подумал, что эти трое пришли из Булонского леса, находившегося рядом, где, видимо, рыскали в поисках неожиданной добычи. Они были пьяны, и у них были ножи. Возникли они перед нами внезапно из какой-то ниши в стене. Чувствовалось, что это не профессионалы, просто им хотелось позабавиться. Упиваясь своей силой, наглостью и безнаказанностью, они прижали нас к стене, и только тут я заметил на противоположной стороне улицы тихо урчавший «ситроен» последней модели. «Это не шпана из Булонского леса, — пронеслось в голове. — Это бандитствующие сынки, ищущие острых ощущений». Я знал эту публику — наглые, трусливые и безмерно жестокие. Они могли пойти на бессмысленное убийство. В нашем неблагоустроенном обществе насилие стало одной из наиболее доступных форм самоутверждения.

— Вот что, юноша, — заявил тот, кто был в центре, — мы заберем у тебя всего-навсего кошелек и твою курочку. Кошелек ты вынешь из кармана добровольно. Курочка пойдет с нами также добровольно. Ничего плохого, с точки зрения развития человечества, мы ей не сделаем... — И он довольно загоготал.

Меня стало трясти. Это еще больше развеселило нападавших. Тогда я полез руками в правый и левый боковые карманы куртки якобы в поисках кошелька, неожиданно вынул маленькие черные пистолеты и выстрелил в лица тех, кто стоял слева и в центре. Пистолеты были всего лишь безобидной имитацией «вальтера» и заряжались шестью пистонами каждый. Из них нельзя было ни убить, ни даже ранить. Однако в стволе каждого пистолета находился картонный патрон со слезоточивым порошком, который при выстреле распылялся метра на два вперед. Оба бандита взвыли от острой боли в глазах, а я сделал шаг вправо и, направив те-

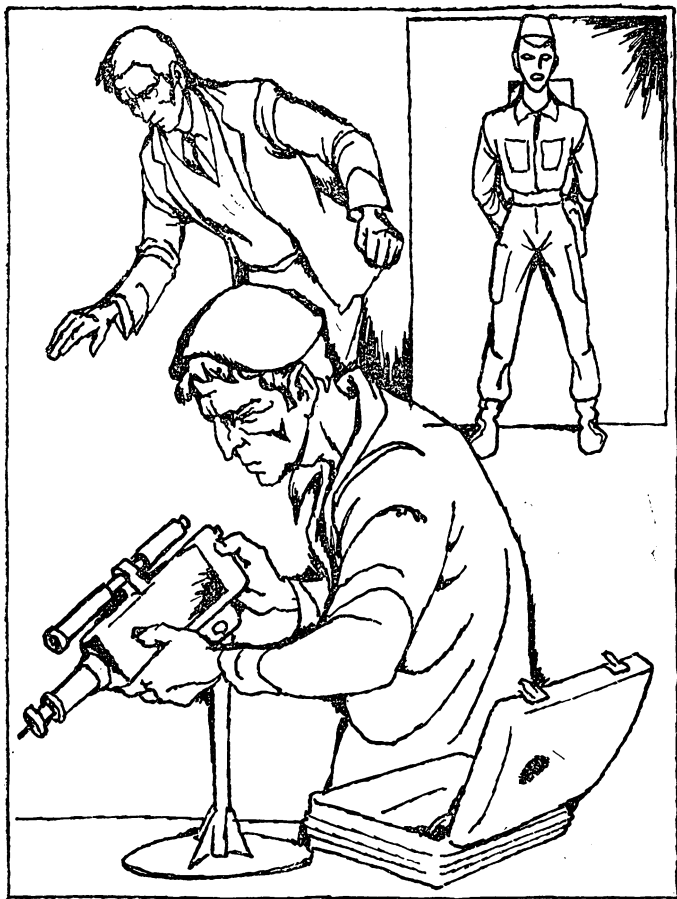
перь уже абсолютно безвредные пистолеты на обалдевшего третьего, резко ударил его ногой в низ живота. Он охнул и опустился на тротуар. Все это произошло молниеносно. Схватив свою спутницу за руку, я бросился к урчавшему «ситроену», почти втолкнул перепуганную девушку в машину, сел за руль и резко рванул с места. Через несколько кварталов я остановил машину недалеко от площади Этуаль, помог выйти спутнице, стер платком отпечатки пальцев на руле и ручках двери, а ключи от автомобиля выбросил в водосточную канаву. Когда мы спустились в метро, я объяснил девушке, что сегодня ей лучше переночевать у какой-нибудь родственницы, а маме, чтобы не тревожилась, позвонить по телефону...

— Сейчас я вызову Жоржа, — прервал мои воспоминания Куртё, — и он объяснит тебе, что следует делать.

Худощавому, подтянутому парижанину Жоржу Ривэ я симпатизировал. Мы с ним иногда совершали совместные прогулки (думаю, у него было задание профессора подружиться со мной) и болтали о всякой всячине. Парень он был веселый, знал массу занимательных историй из парижской жизни начиная от Бурбонов и кончая нашими днями.

Особое место в его рассказах занимали истории о Сопротивлении. Дело в том, что отец Жоржа был активным участником Сопротивления. Когда немцы оккупировали Париж, старший Ривэ учился в Сорбонне. В то время студенты активно распространяли в Латинском квартале¹ подпольные листовки, в которых издевались над оккупантами и их приспешниками. Одну из таких листовок, сохраненную отцом, Жорж показал мне. В ней было написано: «Настоящий ариец должен быть таким же белокурый, как Гитлер, таким же стройным,

¹ Латинский квартал — район, где находится Парижский университет.

как Геринг, таким же молодым, как Петэн, и таким же порядочным, как Лаваль...» Гитлер, как известно, к арийцам-блондинам не относился, Геринг поражал своей толщиной, Петэну было 84 года, а подлость предателя Лавалья вошла в поговорку.

Позднее отец Жоржа сблизился с коммунистами и полностью ушел в подполье, затем перебрался в маки. Отец был для Жоржа непререкаемым авторитетом и сумел передать сыну свою принципиальность, ненависть к фашистам и стремление быть порядочным во всех своих поступках. Правда, порою Жорж казался мне немножко Робеспьером. Но самое удивительное, что его робеспьеризм уживался с веселостью натуры, умением интересно рассказывать всякие истории и анекдоты. Среди них действительные и вымышленные случаи из жизни генерала де Голля, о которых Жорж знал со слов отца, пользовались большой популярностью у слушателей. В рассказах Жоржа особенно доставалось одному из участников Сопротивления — Бидо, занявшему после освобождения Парижа пост министра иностранных дел. Дело в том, что лидер католического Народно-республиканского движения, ставший впоследствии одним из руководителей ОАС¹, имел непозволительное пристрастие к спиртному, из-за чего нередко почти полностью терял работоспособность после обеда...

— Однажды, — рассказывал Жорж, — вернувшись с де Голлем из заграничной поездки, Бидо должен был докладывать парламенту о ее результатах. Министр иностранных дел поднялся из-за стола президиума и нетвердым шагом направился к трибуне. Упершись в нее руками, Бидо внимательно оглядел зал и неожиданно изрек: «Я не знаю, куда мы идем... Но мы там будем!» И рухнул на пол...

¹ ОАС — секретная вооруженная организация: нелегальная военно-фашистская террористическая организация, созданная французскими ультраколонистами в начале 60-х годов с целью не допустить предоставления независимости Алжиру.

Другую запомнившуюся мне историю с Бидо я услышал во время послеобеденной прогулки с Жоржем по парку, когда предложил своему спутнику приступить после моциона к изучению сложной темы, заданной нам Куртьё. Речь шла о механизмах старения организма, о взаимосвязи старения и роста, о соотношении старения и деятельности эндокринной системы. Куртьё просил, чтобы мы попробовали разобраться в механизмах старения насекомых, у которых стареют только имаго — особи, находящиеся на конечной стадии развития. Другими словами, насекомые начинают стареть тогда, когда у них появляются крылья и способность к размножению. Личиночные стадии, или стадии нимф, — самоподдерживающиеся системы, стремящиеся к завершению метаморфоза. Куртьё спрашивал нас: как долго личинки могут оставаться самоподдерживающимися равновесными системами при задержке метаморфоза на неопределенно длительный срок? И какими при этом будут механизмы старения? Я понимал профессора: он стремился четко разобраться в общих закономерностях развития живой природы, чтобы резко затормозить процесс старения любого живого организма, включая человека. Итак, я предложил Жоржу вернуться в лабораторию и начать новую тему.

— После обеда? — насмешливо переспросил Жорж. — Нет, завтра утром, пожалуйста!

И, улыбнувшись, рассказал, что у генерала де Голля была привычка: начав заседание кабинета министров, выкладывать перед собой на стол пачку сигарет. Когда генерал выкуривал последнюю сигарету в пачке, он немедленно закрывал заседание правительства. Как-то, выкурив все сигареты, де Голль сказал: «На сегодня все!» Министр иностранных дел Бидо, у которого оставался какой-то нерешенный вопрос, стал просить, чтобы продолжить заседание после обеда. Де Голль взглянул высокомерно на своего министра иностранных дел

и произнес: «После обеда — с вами? Никогда! Завтра утром — пожалуйста!..»

— Кстати, — рассмеялся Жорж, — отец, наверно, не случайно рассказывал мне эти истории: возможно поэтому я вырос трезвенником...

Жорж действительно не признавал никаких крепких напитков.

Когда мы с Жоржем вышли от Куртьё, на лужайке перед домом нас уже ждала двухместная «стрекоза». Мой спутник уверенно взялся за штурвал, и мы плавно поднялись в воздух. Через несколько минут Жорж мастерски приземлил аппарат на небольшой ровной площадке. Это была верхняя часть скалы, нависавшей над шоссе, по которому мы ездили в Блуа. Внизу, метрах в тридцати, шоссе одним боком вплотную прижималось к скале, другим обрывалось вниз метров на сто. Жорж достал портативную рацию и открыл чемоданчик, в котором оказались карта местности и прибор, похожий на большой духовой пистолет.

— Наверное, уже скоро, — озабоченно произнес он и вынул круглую, как поднос, подставку и штатив.

Через несколько минут к штативу был привинчен «духовой пистолет», а сам штатив прочно укреплен на подставке. Дуло оружия Жорж направил вниз, на участок шоссе.

Вскоре в наших транзисторах прозвучала тоненькая трель колокольчика.

— Это сигнал, что едут в нашу сторону, — тихо сказал Жорж. — Подымись вон на тот уступ и, как увидишь на дальнем повороте автокран, дай мне знать.

Я взобрался на уступ. Вдали на шоссе показался автокран с длинной стрелой. Он приближался довольно быстро. Дорога шла под уклон и делала резкий поворот влево. Справа был обрыв. Автокран начал притормаживать. Я оглянулся на Жоржа и сделал знак: «Едет!» Жорж прильнул к оптическому устройству «пистолета». Раздался тихий рокот. Я снова посмотрел вниз. Авто-

кран двигался как ни в чем не бывало. Вот он достиг поворота, но, вместо того чтобы повернуть налево, продолжал идти прямо и через секунду полетел вниз, в пропасть.

— Все, — мрачно сказал Жорж. — Поехали домой!

Уложив части «пистолета» в чемодан, он прыгнул в кабину «стрекозы».

— Что это за оружие? — спросил я слегка охрипшим голосом, кивнув на чемодан.

— Излучатель типа лазера, — пояснил Жорж. — Лучи мгновенно дестабилизируют биоэлектрическое поле мозга, и человек или животное теряет сознание... Надеюсь, ты не жалеешь их? — кивнул он в сторону пропасти. — Это были бандиты и убийцы. Нас бы они не пощадили.

— Не жалею, — сипло сказал я. — Но мне не по себе. Я не привык убивать людей.

— Я тоже, — зло ответил Жорж. — Сегодня я убил первый раз в жизни. Но мой отец сражался с фашистами во времена Сопротивления. Этих, которых мы уничтожили, тоже послали фашисты. Я не хочу, чтобы они убили профессора Куртьё и разгромили его лабораторию.

После этого дня (полиция, кстати, была убеждена, что произошел несчастный случай, так как никаких следов насилия она не обнаружила) жизнь моя заметно изменилась. Ожидание раскрытия какой-то романтической тайны в лабораториях профессора Куртьё сменилось чувством беспокойства, ощущения, что я попал в водоворот событий, которые ассоциировались у меня с волнами цунами. Временами я казался себе крохотной щепкой, в стремительном потоке несущейся к гигантскому водопаду... Моя спокойная научная жизнь кончилась, начались дела если и имевшие отношение к науке, то весьма специфическое.

Событием, заслуживающим особого внимания, было введение меня в «кают-компанию». Так называлось по-

добие клуба, расположенного в одном из особняков, добраться до которого можно было только по белой дорожке. Произошло это так. Однажды после ужина Куртьё зашел в мою комнату и шутливо объявил:

— Виктор, прошу следовать за мной.

Мы вышли в парк. Болтая о разных пустяках, добрались до особняка, где я еще ни разу не был. Куртьё ввел меня в большую гостиную, хлопнул в ладоши и громко произнес:

— Дамы и господа, представляю вам нашего нового сотрудника мсье Виктор, успешно прошедшего испытательный срок. Персонально каждого из вас я представлять ему не буду, пусть выкручивается, как сумеет, но все же прошу быть к нему милосердным.

Я не сразу оценил последнюю фразу профессора, а оглядев гостиную, немножко оробел. В разных углах комнаты группами стояло десятка полтора мужчин и несколько молодых женщин, удивительно красивых. Особенно поразила меня одна рыженькая девушка с чудесным нежным цветом лица и веселой, почти озорной улыбкой. На ней было белое платье и изящные изумрудные серьги. Она сидела в кресле и слушала рассказ расположившегося напротив нее жизнерадостного полного мужчины лет сорока. Рядом на диване и в креслах сидело еще несколько мужчин и женщин. Они составляли вокруг рассказчика живописную группу. Одна из слушательниц, брюнетка с синими глазами, также привлекла мое внимание. «Наверное, испанская кровь, — машинально подумал я. — Там у них в Каталонии есть синеглазые брюнетки». Я отметил на «испанке» гарнитур из великолепных сапфиров, оттенявших ее глаза: серьги, кольца и кулон — огромный синий корунд. Скорее всего это был цейлонский сапфир — камни такого глубокого васильково-синего цвета чаще всего встречаются в галечниках Шри Ланки. В расслабленной позе синеглазой красавицы таилось что-то хищное — казалось, в любой момент она может собраться, сжаться и

прыгнуть на жертву, как кошка или, скорее, пантера, которая внезапно выскакивает из зарослей на добычу.

Соседка владелицы сапфиров также была очень красива и также вызывающе унижена драгоценностями. Тоже брюнетка, но уже креольского типа, она предпочла для своего туалета рубины и шпинель.

Я подошел к этой группе. Мне приветливо предложили свободное кресло, и разговор, прерванный моим появлением, возобновился. Полный мужчина с живыми глазами, видимо специально для слушательниц, украшенных драгоценными камнями, рассказывал, насколько я понял, истории известных бриллиантов.

— Итак, Никола Харлей де Санси, — повествовал рассказчик, — намеревался подарить свой алмаз — а весил камень больше ста каратов — королю Франции. Но по дороге человек, которому он доверил алмаз, подвергся нападению и был смертельно ранен. Умирая, он успел проглотить драгоценный камень. Никола де Санси был настолько убежден в верности и стойкости своего посланца, что приказал вскрыть труп убитого, и действительно в его желудке нашли алмаз. Этот камень все-таки попал к королю Франции, но уже через много лет — к Людовику XIV. Перед этим драгоценность побывала у английской королевы Елизаветы I, потом у скопидома кардинала Мазарини. Последнее известное местонахождение камня, кажется, в коллекции леди Астор, хотя после Великой Французской революции его видели среди драгоценностей испанской короны, потом, в 1821 году, у русского богача Демидова — и снова в Индии, в сокровищнице магараджи Путиала. В 1867 году бриллиант демонстрировался на Всемирной выставке в Париже. Несмотря на множество владельцев, за камнем закрепилось название «Санси».

Рассказчик обвел глазами всех слушателей, особо улыбаясь каждой женщине.

— Рассказываю я все это лишь для того, чтобы вы, мои дорогие слушательницы, философски относились к

драгоценным камням: чаще всего они приносят несчастье их обладателям. «Санси» считался как раз талисманом, приносящим удачу. Но его владельцам, тем не менее, также сопутствовали беды. По крайней мере, Карл Смелый, один из первых владельцев алмаза, взял камень с собой в сражение, но, увы, был убит в тот же день. Случилось это в 1477 году в битве при Нанси, а бриллиант тут же похитил солдат-мародер.

Рассказчик хитро посмотрел на «испанку» и, сделав небольшую паузу, глубокомысленно изрек:

— Вы ведь знаете мой нетривиальный взгляд на современную медицину. Я многие заболевания объясняю тем, что мы научились чистить зубы, чтобы подольше их сохранить, но не научились заниматься элементарной гигиеной мозга, чтобы предупреждать психические отклонения и связанные с ними нарушения работы внутренних органов. Так вот: страсть к кристаллической модификации чистого углерода, безводному глинозему, разновидностям берилла, окрашенным в зеленый цвет, и прочим минералогическим причудам, которые в просторечье называются бриллиантами, сапфирами, рубинами и изумрудами, имеет, на мой взгляд, в своей основе некое психическое отклонение.

— Боже мой, Пьер, до чего же вы жестоки! И все камни, даже драгоценные, в наш огород! — шутливо возмутилась «испанка».

— Никакой пощады! — невозмутимо парировал рассказчик. — У нормальной, счастливой в семейной жизни женщины сумасшедшей тяги к драгоценностям быть не может. У нее другие жизненные ценности и другое понимание того, что в жизни стоит дорого, а что ничего не стоит. Должен вам сказать, что участь «пожирателей бриллиантов» незавидна. И чтобы окончательно вас в этом убедить, я закончу свою импровизацию рассказом о синем алмазе «Хоуп». Не возражаете?

Слушательницы, казалось, проявляли крайнюю за-

интересованность. Они не отрывали глаз от рассказчика. Он продолжал:

— Синие алмазы крайне редки, ценятся очень дорого, поэтому всегда на виду у общества и проследить их путь в веках не так уж трудно. Нет ничего более странного, чем само название алмаза: «хоуп» по-английски — «надежда». Правда, справедливости ради надо сказать, что называли алмаз так по имени лондонского банкира Генри Томаса Хоупа, одного из бесчисленных его владельцев.

Алмаз «Хоуп» всегда был окружен молвой, что приносит несчастье любому, кто с ним соприкоснулся. В Европу камень попал из Индии — и вместе с ним была завезена чума. Королева Франции Мария Антуанетта разрешила поносить этот синий бриллиант принцессе Ламбалле — та была жестоко убита, а сама королева кончила жизнь на эшафоте. После того как банкир Хоуп приобрел бриллиант, сына его отравили, а внук разорился. Русский князь Корытовский в 1901 году подарил «Хоуп» парижской танцовщице Ледю, но это не помогло ему удержать ее любовь, и тогда он застрелил Ледю, а вскоре и сам был убит. Затем синий бриллиант купил султан Абдул-Хамид II и преподнес его своей возлюбленной, которую тут же убили, а сам султан оказался в изгнании. Далее синий камень достался испанцу — и он не замедлил утонуть в море. Потом американцу, имевшему неосторожность подарить драгоценность своей жене. В результате оба потеряли единственного ребенка, и отец сошел с ума... Скончавшаяся в 1947 году миллионерша Эвелин Уолш завещала алмаз «Хоуп» своей внучке, мисс Рейнольдс, и та умерла при загадочных обстоятельствах...

— Достаточно, мсье Пьер! — снова прервала рассказчика «испанка» с сапфирами. — Считайте, что вы нас убедили. И если я сейчас сниму с себя этот глинозем, то виноваты будете только вы. Впрочем, синие

бриллианты, которые, по вашим словам, столь опасны, мне не по карману.

— Они не по карману многим сотням миллионов женщин, которые не отказались бы их иметь. И тем не менее эти женщины живут или прожили счастливую жизнь, — ответствовал Пьер. — Я не против женских украшений, но против того, чтобы делать из них фетиш.

Кто-то легонько меня толкнул. Обернувшись, я увидел Жоржа. Он поманил меня. Мы вышли в парк.

— Я опоздал, — сказал Жорж. — А у профессора есть милая привычка — учить не умеющих плавать, выбрасывая их из лодки в воду. У нас народ хотя и хороший, но своеобразный. Давай-ка для начала я тебе расскажу, кто у нас есть кто.

— Начни с женщин, — попросил я. — Уж очень они яркие.

— Хорошо, — согласился Жорж. — Видишь ли, Поль убежден, что в любом коллективе должны быть три-четыре очень красивых, тщательно следящих за своими туалетами женщины. Он считает, что это создает общую атмосферу подтянутости, приподнятости и аккуратности. Тебе показалось, что в салоне все женщины красавицы. На самом деле у нас всего четыре выдающихся молодых особы, которых ты называешь яркими. За глаза и в глаза мы их зовем мадемуазели А, С, Р и И, что означает — мадемуазель Алмаз, мадемуазель Сапфир, мадемуазель Рубин и мадемуазель Изумруд. Это за их пристрастие к тем видам драгоценных камней, которые, по мнению каждой из них, больше всего подходят к ее внешности. В жизни девушек зовут соответственно Жаклин, Мари, Колетт и Катрин.

— Я видел трех. А где же мадемуазель Алмаз?

— Не все сразу, — усмехнулся Жорж. — А то удар будет слишком сильным. Жаклин, пожалуй, самая серьезная девушка и, наверное, самая лучшая. Но лично мне ужасно нравится Катрин. Она у нас самая жизнерадостная. И самая рыжая. Может, у нее ирландская

кровь, — голос Жоржа заметно потеплел. — Самая кокетливая, самая энергичная и самая ветреная — Мари. Она умудряется многим вскружить голову. Упаси тебя бог влюбиться в нее! Сама она очень влюбчива, но постоянства не признает... Впрочем, как товарищ она человек надежный, — поспешил заверить он меня. — Колетт — вещь в себе. Что она думает в действительности, никто не знает. Это типичный интроверт¹. Она замкнута в себе, и неизвестно, какие страсти бушуют в ее сердце. Мужским полом она, кажется, не интересуется. По крайней мере, внешне. Но, несмотря на всю ее тропическую красоту, я искренне сочувствую человеку, который решится связать с нею свою жизнь, так как это будет не жена, а скорее индийская богиня — таинственная, непонятная и... страшноватая. Понимаешь, она еще и одаренный гипнотизер. Поэтому лично я ее просто боюсь!

Я слушал с нескрываемым интересом. Жорж продолжал:

— Если не считать увлечения драгоценными камнями — а это у наших девушек что-то вроде коллекционирования марок, своеобразная плата за относительно затворническую жизнь — в остальном они вполне серьезные и хорошие специалисты: все медики и биохимики. Работа у некоторых секретная. Хотя и существует мнение, что из женщины настоящего ученого-исследователя не получится, наши девушки — одаренные естествоиспытатели и сделали немало открытий в биологии и бионике. И надо сказать, они исключительно работоспособны.

Затем Жорж перешел на характеристики мужчин. С его слов, толстый Пьер — непризнанный и капризный гений, точнее, признанный только у нас. Он — крупнейший в мире специалист по проблемам мозга, и некоторые его идеи приводят в ужас нормальных медиков.

¹ Интроверт — личность, направленная на внутренний мир своих мыслей и переживаний.

— Впрочем, — усмехнулся Жорж, — современную медицину он не очень-то жалует, обвиняя ее в застое, догматизме и рутине. Тут они нашли общий язык с Куртьё. У Пьера есть хобби: он лечит всех нас от головных болей, насморка, сердечных приступов, повышенного кровяного давления, обострения язвы, аллергии и т. п. безо всяких лекарств. Секрет прост. Пьер дает пациенту несколько тестов на виды памяти и, в зависимости от ошибок, определяет перенапряженность тех или иных полей мозга, а потом замораживает хлорэтилом определенные точки на коже больного, связанные с перенапряженными участками мозга. Это рефлексотерапия, очень точно направленная. Перенапряженность в мозгу снимается, и недомогание моментально проходит. Фактически то же, что и иглорефлексотерапия, но Пьер считает, что хлорэтил удобнее: он помогает избегать осложнений, сопровождающих иногда акупунктуру. К тому же точки у Пьера не всегда совпадают с чжень-цзю — ты знаешь, что так китайцы называют иглоукалывание? Пьер большой оригинал! Он, например, не признает лечение таблетками.

— То есть как? Он что, полагает, что лекарства принимать не надо?

— Представь себе, он действительно считает, что на уровне знаний современной медицины химическое вмешательство в организм в виде лекарств — пока еще неуправляемый или плохо управляемый процесс и, помогая одному органу, может вредить другому. Поэтому он и избрал прямой путь воздействия: кожа — мозг — больной орган. Особенно успешно Пьер снимает тягу к спиртному у хронических алкоголиков, причем делает это в первый же день путем примораживания кожи.

— Действительно оригинал...

— Ты бы слышал его споры с каким-нибудь профессором медицины! У Пьера огромный запас знаний, и он легко кладет собеседника на обе лопатки. А медицинские светила в отместку объявили его ненормальным.

Собственно, поэтому он и сбежал к Куртьё, который предоставил ему полную свободу в исследованиях.

С этого дня я стал частым посетителем «кают-компании». Люди там собирались интересные, и разговоры велись о самых любопытных вещах. Круг моих знакомств значительно расширился. Кроме мадемуазель С, Р, И (мадемуазель А так ни разу и не пришла в «кают-компанию» — поговаривали, что она занята какой-то срочной работой) и Пьера, я легко сошелся с двумя физиками — Леоном Жоссом и Мартеном Треленом. Леон был хорошим горнолыжником и, кроме того, заядлым аквалангистом. Мартен увлекался боксом и водными лыжами. Рядом с клубом размещался приличный спортзал с большим бассейном, сауной и парной баней. Здесь мы после работы встречались вчетвером (четвертым был Жорж) и каждый тренировался по собственной системе. Я и Жорж предпочитали гимнастические снаряды, поскольку в университете занимались спортивной гимнастикой, а Леон и Мартен любили прыгать с трамплина в бассейн. Потом мы все отправлялись в сауну или в парилку.

Раз в неделю Куртьё обычно приглашал меня в свой кабинет, подробно расспрашивал о научной работе, а затем начинал разговор на какую-нибудь отвлеченную тему. Видимо, он уточнял мои мировоззренческие взгляды и старался, чтобы я лучше разобрался в своих собственных жизненных позициях. Эти беседы были всегда интересны. Профессор заставлял меня сопоставлять диаметрально противоположные точки зрения на самые спорные проблемы современности и обосновывать свои выводы. Мы говорили о путях развития науки, о политике, о причинах тщеславия, зависти, стремления к власти, о роли женщины в обществе, о наиболее рациональных формах семьи у разных народов. Я учился вырабатывать более точный подход ко всем этим проблемам и логически обосновывать свои взгляды. Кроме того, эти беседы давали мне еще огромный фактиче-

ский материал — познания профессора были поистине неисчерпаемы.

Неожиданно Куртьё попросил меня прекратить на время мою основную научную работу — я занимался иммунологией — и подключиться к Леону и Мартену, которые конструировали аппарат для подводного плавания, имитировавший большую рыбу.

Аппарат мы окрестили «барракудой». Он напоминал длинную сигару с рыбьим хвостом и плавниками. Под брюхом — углубление, куда помещался водитель. Перед ним было смонтировано что-то вроде мотоциклетного щитка, только опущенного вниз, и приборы управления. Руль также напоминал мотоциклетный. По бокам «рыбины» были скобы из прочного пластика, к которым могли прикрепляться еще два или четыре человека. Внутри «барракуды» планировалось расположить багажные отделения для перевозки снаряжения и оружия. Источником питания служили особые биоэлектрические аккумуляторы, постоянно самоподзаряжающиеся. Принцип действия хвоста и плавников был позаимствован у рыб.

Я не мог понять, для чего профессору понадобилась такая «рыбина». Скорее всего, «барракуда» представляла собой идеальное средство для заброски шпионов по морю в соседнее государство. Но нам это было вроде бы ни к чему. Тем не менее Куртьё очень торопился с завершением работы. Собственно, все было готово, оставался неотлаженным только механизм биоэлектрического управления хвостом и плавниками. Именно поэтому подключили к работе меня, а вскоре и Пьера. От меня пользы было не много, но Пьер быстро наладил нужную схему.

Как-то, гуляя по парку, я забрел в «японский уголок», напоминавший виденные мною в кино парки Киото — древней столицы Японии, резиденции ее императоров. В этой части парка мне особенно нравился «каменный сад» — небольшая очень ровная площадка,

усыпанная мелкими светло-серыми камушками, среди которых, словно айсберги, возвышались семь больших темных валунов разнообразной формы. С какой бы стороны вы ни посмотрели на большие камни, вы видели только шесть из них, один всегда был скрыт другими. Мне камни напоминали острова в море. Только море было застывшим и каменным. На эти каменные острова можно было смотреть и размышлять о вечности Вселенной и целях мироздания. Собственно, в Японии «каменные сады» — место для раздумий...

Итак, собираясь поразмышлять о жизни и о событиях последних дней, я приблизился к скамейке около «каменного сада» и обнаружил, что место занято. Там сидела симпатичная светловолосая девушка в белом платье и белых туфлях. Она читала книгу и не замечала моего появления.

Я хорошо помнил результаты последних социологических опросов, опубликованных в модном парижском журнале. Социологи утверждали, что современные девушки больше всего не любят в нынешних молодых людях нерешительность. «Мужчина должен быть мужчиной» — такой вывод делали журналисты.

Вооруженный новейшими социологическими данными, я решил сразу же познакомиться с симпатичной девушкой, презрев условности, принятые в английском обществе. Вообще-то я не страдаю комплексом излишней скромности. У меня свой собственный взгляд на это человеческое качество. «Опасайтесь излишне скромных людей, — говаривал мой школьный учитель, — от них никогда не знаешь чего ожидать...» Учитель считал, что афишируемая скромность — нередко концентрированное выражение тщеславия. В подтверждение он обычно приводил из истории примеры «скромности» древних королей и императоров, которые подчеркнуто просто одевались и демонстрировали неприхотливость в быту, но одновременно обожали ставить себе при жизни исполинские памятники. «Человек должен быть не скром-

ным, а простым и доброжелательным», — утверждал мой учитель.

Итак, всячески осудив в душе скромность и застенчивость, я вежливо поздоровался с незнакомкой. Девушка спокойно и приветливо посмотрела на меня.

— Здравствуйте, — сказала она. — Меня зовут Жаклин. А вы, вероятно, мсье Виктор. Я слышала о вас от своих подруг.

Я уже собрался было весело спросить, что хорошего и что плохого рассказывают про меня ее подружки, как вдруг осекся. Сидевшая передо мною девушка оказалась не просто симпатичной, она была невероятно красивой. И это был тот самый тип красоты, от которого я мгновенно терял голову, самообладание, уверенность в себе. Я встречал его дважды в своей жизни. И оба раза не смог заинтересовать своей особой поправившихся мне девушек. Вообразите стройных блондинок с большими серыми глазами, тонким точеным профилем, безупречным овалом лица и длинной шеей. Один раз это была полька, другой — англичанка. И для той, и для другой я был неинтересен, и до сих пор не могу уверенно ответить почему. Скорей всего дело было в разнице мировоззрений. Кроме того, я тешу себя мыслью, что обе были просто крайне нелюбознательны и моя эрудиция не производила на них никакого впечатления, поскольку в их глазах эрудиция — нечто несерьезное. Обе они оказались весьма практичными особами и точно знали, сколько может стоить их красота и что именно нужно им в жизни. Поэтому и с первой, и со второй знакомство даже не продлилось. Кажется, обе видели во мне лишь прекраснодушного мечтателя или современного Дон Кихота. Но ни в мечтателях, ни в влюбляющих рыцарях они не нуждались.

И вот я смотрел во все глаза на третью «девушку моей мечты» и не знал, что сказать.

— Что-нибудь не так, Виктор? — улыбаясь, прервала она мое молчание. — Вы действительно Виктор?

— Я действительно Виктор. И я боюсь сказать что-нибудь неудачное, что могло бы повредить нашему знакомству, — обезоруживающе брякнул я.

Девушка рассмеялась.

— Присядьте, пожалуйста! — предложила она. — И, если хотите, давайте поговорим.

Я согласился.

Так состоялось наше знакомство. К моему удивлению, Жаклин вела себя удивительно просто и благожелательно, так, как если бы мы были хорошо знакомы много лет. Меня это поражало: я не привык, чтобы девушки с такой внешностью были простыми и добрыми. Лишь через какое-то время я понял, что за простотой и благожелательностью Жаклин стояла высокая культура и добрые отношения в ее семье. Девушка была очень хорошо воспитана. Теперь это, увы, редкость. Впрочем, внутренняя мягкость и доброжелательность не мешали Жаклин быть исключительно твердой в принципиальных вопросах, в чем я смог убедиться позже по совместной работе. Примером ее стойких жизненных взглядов было и то, что она не курила. Кажется, это была единственная некурящая женщина среди наших сотрудниц.

Во время третьей встречи я сказал Жаклин:

— Мои отношения с девушками, которые мне нравились, всегда кончались неудачей. Наверное, потому, что я всегда торопился выяснять отношения...

— А с девушками, которые не нравились? — лукаво перебила она меня.

— С ними было легче, — несколько смущенно ответил я. — Беда только, что по отцовской линии мне достался очень сердобольный характер. Мне попадались, как правило, хорошие девушки, и я постоянно боялся нанести им душевную травму. И вообще, по мужской линии у нас в роду все бабуины.

— Кто-кто? — переспросила Жаклин.

— Бабуины. Знаете, в стае обезьян-бабуинов всегда

есть один на сотню, у которого повышенное чувство ответственности за других. Это своеобразный альтруист. Обычно такой бабуин не спит, когда вся стая дремлет. И он первым замечает подкрадывающегося леопарда, первым поднимает крик, спасая стаю, и первым попадает в когти хищника. Альтруист погибает первым, но благодаря ему стая продолжает жить. В нашей семье таких альтруистов называли бабуинами. И все наши мужчины попадали под это определение. Я не хвастаюсь, скорее это всевышняя кара нашему роду. Многие мои предки по отцовской линии погибали очень рано.

— Ничего себе наследственность! И вы это рассказываете девушке, которая, судя по всему, вам нравится!

— Прямота — также моя наследственная черта. Я вижу тебя всего третий раз, Жаклин (я неожиданно для себя перешел на «ты»), и я не из тех, кто теряет голову или влюбляется в любую красивую девушку. И пусть я сделаю глупость, но честность всегда была лучшей политикой, я готов был предложить тебе руку и сердце после первой нашей встречи.

Жаклин посмотрела мне прямо в глаза немножко грустно и насмешливо.

— Ничего себе — объяснение в любви! За девушками надо ухаживать, Виктор, создавать интимную атмосферу — полумрак, музыка, танцы, коктейль, а потом в нужный момент: «Вы самая красивая!» или даже: «Я вас люблю!» А ты сразу бряк — при солнечном свете, никакой романтики! Но не отчаивайся! Дело в том, что ты мне нравишься, и так как я самонадеянна, то мне кажется, что я редко ошибаюсь в людях, точнее, в их порядочности. Давай попробуем дружить, кто знает, может быть, из нас и получится хорошая пара. Я по воспитанию старомодна, мне двадцать один, а увлечений у меня никаких еще не было, если не считать прыжков в воду с десятиметровой вышки...

И она весело рассмеялась. В этом была вся Жаклин. Она боялась фальшивой патетики и не могла не закон-

чить признания с юмором. Поэтому я и предпочел объясняться с ней в солнечный день на открытом воздухе. Любой интим в полумраке она могла высмеять.

С тех пор мы подружились с Жаклин. Я не скрывал, что безумно влюбился в нее, но ни с какими сантиментами не лез, просто подшучивал над собой. Но сама Жаклин потихоньку как бы оттаивала, в ее насмешливости все чаще стали проявляться нотки нежности. Правда, она их несколько стеснялась.

Мы оба по своей природе оказались однолюбам, и нам было хорошо вдвоем.

В «кают-компании» мы особенно не афишировали наши отношения и вели себя друг с другом сдержанно. К тому же Жаклин, внешне мягкая и деликатная, не прощала фривольных шуточек и могла резко и язвительно высмеять шутника.

Наиболее колоритной фигурой в «кают-компании» был Пьер. На первый взгляд непривлекательный: лысый, с одутловатым лицом и брюшком не по возрасту (а ведь ему не было и пятидесяти!), он совершенно преображался, когда начинал говорить. А говорить он мог на самые неожиданные темы, обнаруживая недюжинную эрудицию и оригинальный подход к общепринятым истинам.

Было известно, что Пьер много работает в лабораториях и получает поразительные результаты. Видимо, он возглавлял несколько групп научного поиска. О работе одной из этих групп я узнал однажды в «кают-компании», причем из уст самого Куртьё.

В тот вечер шеф лично присоединился к нашему кружку в гостиной, где мы уединились своей обычной компанией — Пьер, Жорж, Леон, Мартен и «преlestная четверка» — Жаклин, Мари, Колетт, Катрин.

— Пьер, — сказал Куртьё, — блестяще завершил сегодня первую серию опытов, которые в недалеком будущем помогут человечеству вдвое продлевать жизнь отдельного индивидуума, отодвигая процессы его старения. Возможно, многие из здесь присутствующих также за-

хотят продлить свой, скажем, тридцатилетний возраст на тридцать-сорок лет...

— Извините, профессор, — с невинным видом перебила Куртьё Мари, — платить за молодость мы будем так же, как Фауст Мефистофелю?

— Не сомневаюсь, — последовал ответ, — что кое-кто за продление своей молодости не побоится заложить душу дьяволу. Впрочем, чтобы заложить душу, надо ее иметь. А тот, кто ее действительно имеет, никогда ее не заложит. Вот ведь какой парадокс. Но если серьезно, то речь идет вот о чем. Сейчас в мире ведутся многочисленные исследования, направленные на поиски подлинных причин старения. Ученые дают самые противоречивые ответы на вопрос, почему стареет человек. Одни утверждают, что происходит «катастрофа ошибок» — накапливаются ошибки в информации, содержащейся в молекулах ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты) клеток человеческого организма, что выводит клетки из строя. Таким образом, они «стареют», и соответственно стареет организм человека. Другие ученые связывают старение с радиацией. Еще есть теория свободных радикалов, которые атакуют ферменты, гормоны, белки и, что особенно опасно, — ДНК — этот основной материальный носитель наследственной информации, управляющий деятельностью клеток. С годами нарушения, вызываемые свободными радикалами, превышают возможности восстановления, которыми обладают отдельная клетка, орган или весь организм... Происходят необратимые процессы. В общем, гипотез и теорий старения много.

Наш Пьер стал искать ответы на вопросы о причинах старения в головном мозге, эндокринной и иммунной системах. Он исходил из того, что главную роль в процессе старения играют два отдела мозга: гипоталамус и гипофиз. Они влияют на щитовидную и зобную железы. Пьер рассуждал так: природа лишена сентиментальных чувств, она программирует организмы, в том числе человека, с расчетом, чтобы они успели произвести и выра-

стить потомство, после чего включается механизм разрушения...

— Боже мой! — вновь перебила профессора Мари. — Значит, как только выходишь замуж — сразу начинаешь разрушаться! Теперь я понимаю, почему были созданы монастыри!

Но Куртьё не принял шутливого тона нашей синеглазой красавицы.

— Мари, — сказал он, — я, конечно, говорю известные вещи, но я хочу, чтобы все четко представили себе суть работы Пьера. Когда он стал изучать механизм старения, то установил следующее. С наступлением половой зрелости в мозгу уменьшается выработка основного химического вещества — медиатора (или, как еще его называют, нейротрансммитера) дофамина. Это влияет на гипоталамус, который контролирует гипофиз. И вот тогда под воздействием гипоталамуса гипофиз начинает выделять то, что мы условно назвали «гормоном старения». Этот гормон, в свою очередь, воздействует на щитовидную железу, а та — на зобную. В результате идет процесс «расшатывания» эндокринной и иммунной систем организма. Другими словами, вопросы увеличения продолжительности жизни, причем жизни здоровой, а не дряхлой, свелись к поискам методов поддержания уравновешенности эндокринной системы и устойчивости иммунной системы. Все понятно?

— Конечно, — ответила за всех Мари.

— Так вот, чтобы найти средство для поддержания устойчивости эндокринной и иммунной систем, Пьер избрал сразу три пути. Во-первых, он омолодил шимпанзе, пересадив старым животным зобные железы и костный мозг от молодых. Во-вторых, он направленнo и с большой точностью воздействовал разнообразными методами рефлексотерапии на различные участки гипоталамуса и гипофиза старых животных. Результаты оказались поразительными. Без всякой химии, то есть без введения лекарств, шимпанзе моделировали буквально на глазах.

В-третьих, Пьер сумел воссоздать химическим путем отдельные компоненты гормонов щитовидной и зубной желез. Инъекции из комбинации этих компонентов, при одновременной нейтрализации роли гипофиза, то есть торможении выделения им «гормона старения», дали также потрясающие результаты. Этот третий путь наиболее сложный, но зато и самый перспективный. Я считаю работы Пьера неоценимыми для человечества. Некоторые из вас активно помогали ему. Я благодарю всех вас за работу — и пожелаем Пьеру долгих лет здоровья!

* * *

Несмотря на всю свою занятость, Куртьё умел выкраивать время для бесед один на один со своими сотрудниками. Особенно с новичками. Между собой мы называли эти встречи «тет-а-тет». Во время «тет-а-тет» в кабинете Поля обсуждались любые темы и начинался разговор, как правило, с какого-нибудь неожиданного вопроса профессора. На этот раз Куртьё пригласил меня прогуляться с ним после обеда по парку. Сначала он интересно рассказывал о различных растениях, собранных в парке, — коллекция, насколько я понял, была поистине уникальная, — потом перешел к теме: «Травы в китайской медицине» и, наконец, совсем не к месту спросил:

— Виктор, что ты предпочитаешь, «Лидо» или «Мулен Руж»¹?

— «Мулен Руж», «Мулен Руж»,

Ты всю ночь колеса вертишь,

Для любви или для смерти? —

вспомнил я неожиданно куплет.

— Автор его Морис Букэ, поэт-министр, — сказал Куртьё. — Что еще ты знаешь о «Мулен Руж»?

— По-моему, началось это в октябре 1889 года, когда

¹ Мулен Руж (фр.) — красная мельница.

придумали французский канкан. Но все же лично я предпочитаю кабаре «Лидо». Оно хоть и появилось в 1946 году, но классом выше, по моему разумению. «Лидо» — это кабаре-храм. Там больше вкуса! К тому же так приятно в таком большом помещении в центре Парижа осознавать себя единственным французом...

— Французы в «Лидо» действительно редкие гости. Слишком дорого! Там все больше иностранные туристы: японцы, скандинавы, американцы. Но браво, Виктор! Вот уж не думал, что ты с твоей склонностью к науке такой знаток и тонкий ценитель соблазнительных зрелищ.

— Во-первых, профессор, как когда-то кем-то было сказано, ничто человеческое мне не чуждо. А во-вторых, за свою жизнь я лишь дважды был в «Мулен Руж» и дважды в «Лидо». Просто больше меня не приглашали в эти уважаемые заведения богатые друзья. А своих денег, чтобы туда идти, не было. Тем не менее я не страдаю комплексом мирского аскетизма, который считаю социально опасным явлением. Эти так называемые «пуритане» вечно прячут в своих душах наиболее развращенные и разнузданные идеи.

Куртьё рассмеялся:

— Хорошо, Виктор. Я даю тебе служебное поручение — в ближайшие дни посетить «Лидо» и потом рассказать мне, какая у них программа. Я давненько там не был. Говорят, живой дельфин, который плавает с женщиной в огромном аквариуме, поднимающемся из оркестровой ямы на сцену, совсем не плох. Или это в «Мулен Руж»?

— Мне можно задавать вопросы, профессор?

— Пока не надо: отвечать я все равно буду не сейчас, а какое-то время спустя. Пока считай, что получил следующее задание: пригласить любую девушку из наших сотрудниц, благо в «кают-компании» выбор большой, сходить с тобой в «Лидо». После представления переночевать в ближайшей от варьете гостинице — вам будут заказаны два отдельных номера. Если твоя спутница

окажется парижанкой, то дома ей ночевать нельзя, а только в гостинице, поэтому домой лучше не звонить, чтобы не волновать родных. Если ты назовешь сейчас имя той, с которой хотел бы пойти в «Лидо», я постараюсь помочь тебе убедить даму, что посещение варьете — настоятельная служебная необходимость...

— Я приглашу Жаклин, профессор. Только, с вашего разрешения, я сам постараюсь убедить ее посетить «Лидо» в интересах науки.

— У тебя хороший вкус, Виктор. Жаклин — настоящий человек. Желаю вам приятно провести вечер в «Лидо».

Резкий жужжащий звук, шедший с неба, прервал слова профессора. Почти над нашими головами появился вертолет. С неожиданной легкостью Куртьё затащил меня в густые кусты. Потом достал транзистор и приказал кому-то из охраны: «Говорит первый: сбить вертолет при помощи луча для мозга, как только он удалится на двести-триста метров от нашей территории».

Вертолет сделал круг и повернул обратно в сторону шоссе. Через несколько секунд раздался взрыв...

Вечером Куртьё собрал наиболее доверенных сотрудников.

— Должен честно предупредить всех, что нам могут объявить войну, — начал он. — Пока, судя по всему, ведут разведку боем, и делает это гангстерская организация. Цель разведки — выяснить, чем мы тут занимаемся. Насколько мне известно, никаких сведений о нас ни у кого нет: возможно, гангстеры желают выяснить, нет ли здесь чего-нибудь любопытного. Наша территория хорошо защищена, и попасть сюда не просто. Сегодня мы сбили вертолет-разведчик, перед этим уничтожили автокран. Хотя внешне это похоже на несчастные случаи, будем надеяться, что они немного отрезвят любопытных бандитов. Но все же прошу всех быть предельно внимательными и бдительными. И не волноваться: в отличие от полиции, у нас достаточно сил, чтобы разгромить лю-

бую бандитскую организацию. Есть основания полагать, что любопытство по отношению к нам проявляет известный гангстерский синдикат «Триада», специализирующийся в основном на наркотиках. Но чем вызвано это любопытство — тем ли, что они надеются наладить с нашей помощью производство героина или чего-то подобного, или же кто-то заключил с гангстерами контракт с целью выяснить, чем занимается наша фирма, — этого мы пока не знаем. Но надеюсь, скоро будем знать.

Жаклин с удовольствием согласилась поехать со мной в Париж. Представление в «Лидо» нам понравилось. Правда, действительно, мы, кажется, были единственными французами в этом зале. А столик, за который нас посадили (согласно оплаченным местам), занимала группа японцев. Девушки же, отплясывавшие на сцене, были явно немецкого или скандинавского происхождения. Тем не менее костюмы на танцовщицах были изящными, цветное освещение сцены отличным и музыка вполне приемлемой. Кроме того, мы с Жаклин все-таки больше получали удовольствия от общения друг с другом, чем от сцены. Мы мило беседовали на ничего не значащие темы, и нам было очень хорошо вдвоем в этом огромном полуосвещенном зале с яркими красками на сцене, где исполнялись африканские, китайские, эскимосские и прочие танцы.

После представления мы с Жаклин пошли вниз по Елисейским Полям. К сожалению, улица Берри, на которой находилась гостиница «Калифорния», была рядом. Мне не хотелось идти в гостиницу, Жаклин также предложила погулять, но я сразу же заметил, что нас «опекали». Это была открытая слежка, и я подумал, что скорей всего это охрана, выделенная нам Куртьё. Профессор предупредил, что нас будут охранять. «Вели» нас четверо молодых людей: один впереди, один сзади и двое почти вплотную за нами. Жаклин также заметила «сопровождение».

— Надеюсь, нас не собираются похищать, — сказала

она, — но все же пойдем в гостиницу; в таких условиях прогулка малопривлекательна.

— Нет, не беспокойся. Это забота Куртьё о нас. Охраняют как президента с супругой.

— Дорогой мой, я решила не настаивать, чтобы ты непременно стал президентом.

Мы свернули налево на улицу и пошли в отель. Номера у нас были на разных этажах, и мы грустно улыбнулись друг другу, расставаясь в лифте без дверей.

Гостиница «Калифорния» известна тем, что если вы пойдете от лифта по коридору влево, то сделаете изломанный круг и вернетесь к лифту справа. В коридоре у моего номера был поставлен стул, а на стуле сидел человек. Заметив меня, он поздоровался и сказал:

— Не беспокойтесь, мсье Виктор, профессор просил оберегать ваш сон. Я всю ночь буду дежурить у ваших дверей.

— Благодарю, — ответил я, — и желаю вам доброй ночи!

Ночью ничего не произошло, если не считать сильного дождя. Но он только улучшал сон. К тому же эти старые гостиницы, к которым принадлежит и «Калифорния», хороши тем, что имеют окна, выходящие во внутренний дворик, похожий на большой колодец, так что здесь, в самом центре Парижа, уличный шум не проникал в комнату и не мешал спать.

Утром я поблагодарил своего стража, по-прежнему сидевшего на стуле у моих дверей, встретился внизу в холле с Жаклин, и, позавтракав, мы отправились в Солонь. Но еще раньше у гостиницы ко мне подошел охранник-швед, которого я знал как одного из подручных Дюшато, и, извинившись, сказал, что впереди и позади моего «пежо» пойдут автомашины с охраной — таков категоричный приказ Куртьё.

— Ты случайно не восточный принц, инкогнито, путешествующий по Европе? — спросила меня Жаклин, когда мы уселись в автомашину. — Что-то меня до сих

пор никогда так не охраняли. Всю ночь перед моей дверью сидел страж.

— Я четвертый сын сорок восьмой жены Его Величества, славнейшего из королей, главного электровозбудителя душ своих подданных, Махмуда двести тридцать восьмого. Выходи за меня замуж, и я сделаю тебя своей любимой женой.

— Я не хочу быть только любимой женой, Виктор. Я хочу быть единственной и любимой женой. Так что выбирай: или я, или все женщины мира!

— Конечно, все женщины мира... не стоят твоего мизинца.

— Подхалим, но все же не теряй надежды!

Куртьё встретил нас очень приветливо и, улыбнувшись, объявил, что мы хорошо выполнили служебное поручение. Жаклин с удивлением посмотрела на меня, но промолчала. Заметив это, профессор сказал:

— Не удивляйтесь, Жаклин, Виктор и сам не знает, что он делал. Я вам все объясню, но позднее.

Так я и не понял, зачем Куртьё посылал меня в Париж.

ДЕЛИ — КАТМАНДУ — СИНГАПУР

Прошло несколько недель. Однажды вечером Куртьё пригласил меня в свой кабинет.

— Что такое Общество Девяти Неизвестных? — спросил он в своей обычной манере задавать неожиданные вопросы.

— Разумеется, я ничего не знаю об этом обществе, — несколько резче, чем следовало бы, ответил я.

— Сорэ-ва е кунай дэс!¹ — заметил профессор.

— Сорэ-ва е ий дэс!² — отвечал я и добавил: —

¹ Это нехорошо (яп.)

² Это хорошо (яп.).

Забивать голову излишней информацией не следует — это мешает чистоте логического мышления.

— Прекрасный образчик фрондерства молодого человека, который отсутствие знаний пытается оправдать демагогическими выкрутасами, — беззлобно сказал Куртьё. — В кладовой человеческого мозга всегда так много пустых полок, что если иногда аккуратно ставить туда знания, то это может пригодиться. Важно только именно раскладывать по полочкам знания, а не валить все в одну кучу — иначе потом, при надобности, ничего не найдешь. А теперь я объясню, что такое Общество Девяти Нензвестных и почему я вдруг обратился к тебе по-японски.

Как говорится в сказках, давным-давно в одной прекрасной восточной стране жил-был император. Давным-давно — это более двух тысяч лет назад, а прекрасная страна — это Индия. Когда император был еще молодым, все его заслуги, пожалуй, заключались в том, что он был внуком Великого Деда... Надо сказать, что этот Дед не родился царем, и все, что известно о его происхождении, так это то, что отец его матери был смотрителем царских павлинов. Говорят также, что будущий Дед в молодости был умен, энергичен и честолюбив. Наверное, за это царь прогнал его из своей столицы, города Паталипутры. Но Дед не унывал. Он нашел себе верного друга, по имени Чанакья, и вместе с ним поднял народ на севере страны против греческого гарнизона, оставленного Александром Македонским. Разгромив греков, друзья выгнали из Паталипутры царя из династии Нандов, после чего будущий Великий Дед сам занял трон. Было это в 321 году до нашей эры, а звали Деда Чандрагупта.

Потом Чандрагупта нанес жестокое поражение бывшему полководцу Александра Македонского — Селевку, правившему всеми странами от Малой Азии до Индии, отобрал у него Гандхару — часть сегодняшнего Афганистана, заодно женился на его дочери и, наконец, объ-

единил в одно государство многие провинции Индии. Благодаря всем сим славным действиям Чандрагупта вошел навечно в историю...

— Все это хорошо и интересно, профессор, но при чем здесь Общество Девяти Неизвестных?

— Погоди. Две тысячи лет длились довольно долго, а ты хочешь, чтобы я выложил тебе все за две секунды. Внука Чандрагупты, молодого императора, звали Ашока, в молодости он пока ничем себя не прославил, но тоже имел намерение запечатлеть свое имя на скрижалях истории. Он долго размышлял, как это сделать, и наконец решил, что история особенно хорошо сохраняет в своих летописях страницы, написанные не пером, а мечом, так как кровь выцветает в памяти людской не так быстро, как чернила. Возможно, по этой причине молодой властитель решил для начала включить в состав своей империи соседнее государство Калингу.

Императорские войска разгромили соседей, и вечером Его Величество лично пожаловал на поле брани, чтобы полюбоваться плодами своей победы. Он увидел тысячи и тысячи трупов вперемишку с тысячами умирающих, истекающих кровью людей. Это зрелище глубоко потрясло императора, и он начал задумываться о цене, которую великие мира сего платят за свое непомерное тщеславие. После этого император стал много заниматься науками и созидательной деятельностью. Это, кстати, и прославило его имя в истории. Прославило больше, чем иных прославляли ратные подвиги. Герберт Уэллс писал, что Ашока был единственным в мировой истории монархом-воителем, который отказался от дальнейших завоеваний тогда, когда еще одерживал победы.

Когда ты, Виктор, будешь послезавтра в Дели, советую тебе остановиться в самом большом городском отеле, носящем имя императора Ашоки.

— Масса интересных сведений, профессор. И не только касающихся прошлого, но и будущего. Конечно, я польщен, что мое имя упоминается в непосредственной

близости от имени великого Ашоки, но особенно интересно то, что скоро я буду в Дели...

— Не смущайся, Виктор. Послезавтра тебе действительно придется полететь в Индию по нашим делам. Билет уже приготовлен. Из Индии отправишься в Японию. Вот почему я заговорил с тобой по-японски. Что же касается Ашоки, то, потрясенный ужасами войны, точнее, ее апофеозом, он основал Общество Девяти Неизвестных, одну из самых тайных в истории организаций. Ее целью было не допустить, чтобы знания о новых опасных средствах уничтожения людей могли бы получить распространение. Это было первое известное человечеству общество, которое консервировало знания, содержавшие в себе секреты массового убийства людей.

Каждый из Девяти Неизвестных имел свою книгу, в которую постоянно заносились сведения, связанные с одним из направлений развития науки.

Первая из этих Книг включала в себя разнообразные знания об «управлении мыслями толпы». Сегодня мы употребляем другие слова: психологическая война, техника пропаганды. В эту же книгу входили исследования по семантике и по гипнозу. Вторая Книга была посвящена физиологии. Она давала советы, как убить человека, дотронувшись до него, воздействуя на его нервные центры. «Утечки» из этой книги породили дзюдо, каратэ, древнюю китайскую борьбу. Монахам-буддистам религия запрещала носить оружие. Вот они и научились убивать голыми руками. В третьей Книге были собраны знания по микробиологии. В четвертой было все о металлах. В пятой описывались различные способы связи, в том числе очень необычные для того времени. Шестая Книга содержала секреты гравитации. Седьмая — космогонии. В восьмую заносилось все, что имело отношение к свету и различным видам энергии. В девятой Книге собирались знания по социологии, делался анализ причин рождения государств и их падения.

У меня в Индии и в Японии есть друзья, которые

разделяют идеи императора Ашоки. Ты встретишься с ними и получишь интересные нас сведения. Могу заверить тебя, что эти сведения будут применены только в интересах человечества, а люди, которые дадут тебе их, — гуманисты в самом высоком смысле этого слова. В Индии ты проведешь несколько дней. Как любознательный, празднующийся турист. Съезди куда-нибудь, побывай, кроме Дели, еще в каком-нибудь городе — Мадрасе или Калькутте, например. Возможно, тебе придется слетать в Непал. Это всего час лету. Очень живописная страна. В Катманду есть красивые старые кварталы с множеством любопытных лавочек. Но прежде тебе надо будет кое-что сделать в Индии...

Куртьё еще долго инструктировал меня, заставляя повторять вслух то, что я должен был запомнить. Записывать он ничего не разрешил.

Через два дня я был в Дели. Город оказался малоэтажным и растянутым на многие километры. Как и советовал Куртьё, я остановился в отеле Ашока. Отель был длинный, не очень высокий (по нынешним временам), расположенный в небольшом парке. Нижние и подвальные этажи здания занимали дорогие магазины, рестораны, бассейны, сауны и т. п. Я побродил по магазинам, удивился кашмирским коврам (не красоте, а ценам), наткнулся на великолепные резные шахматы из слоновой кости и черного дерева, мысленно поздравил себя, что сэкономил четыре тысячи долларов, или тридцать с лишним тысяч рупий (именно столько стоили понравившиеся мне шахматы), и не спеша поднялся к себе в номер. Из номера я позвонил своему старому другу Роберу Креанжу, с которым когда-то мы вместе учились в Сорбонне. Робер с семьей обосновался в Дели и работал представителем какой-то транснациональной фирмы. Он очень обрадовался моему звонку и обещал вечером заехать за мной на машине, чтобы отвезти к себе в гости.

А пока я решил немного прогуляться около отеля. Каждый незнакомый город обычно познается и запоми-

нается именно в те минуты, когда ты имеешь возможность побродить по нему один, без спешки и добровольного конвоя из друзей или знакомых.

Выйдя из отеля, я чуть было не столкнулся со слоном. Слон был смирный, покрытый красочными нарядами. Рядом стоял проводник, предлагавший за несколько рупий покататься на слоне или сфотографироваться с ним. Кататься у меня не было желания, но очень захотелось дать слону что-нибудь вкусное. К сожалению, в карманах не было ничего подходящего. Видно, уловив мои мысли, слон внимательно посмотрел на меня и грустно переступил с ноги на ногу. Я помахал ему рукой и пошел дальше.

Через парк я спустился вниз к улице, широкой, тенистой и безлюдной. По обеим ее сторонам на тротуарах росли большие старые деревья. Заложив руки за спину и поглядывая с опаской вверх (кто-то мне говорил, что в Индии лучше не ходить под деревьями — оттуда может спикировать на тебя какая-нибудь насекомообразная пакость и укусить), я медленно пошел вдоль деревьев. Вдруг что-то шмякнулось мне на левый ботинок. Какая-то белая масса, напоминающая тесто. Я с подозрением посмотрел на крону дерева — может быть, птица совершила свой туалет?..

Но тут слева от меня возник человек. Это был индеец с ящиком для чистки обуви. Оказывается, подкравшись ко мне сзади, он ловко плеснул на мой левый ботинок белую пасту, чтобы предложить свои услуги. Я хотел рассердиться, но потом рассмеялся и поставил ногу на его ящик. Чего только не придумают бедняки, чтобы заработать лишнюю рупию! Чистильщик ловко расправился с моими ботинками, и я полез за портмоне, чтобы расплатиться. Неожиданно индеец как-то странно посмотрел на меня и сделал левой рукой жест, привлекавший мое внимание. Это был пароль, о котором предупреждал Куртьё. Пальцами левой руки я изобразил необходимый отзыв. Когда я протянул чистильщику деньги, он умудрился

взять их так, что в моей руке оказался маленький, туго свернутый бумажный комочек. В бумажке содержались нужные мне сведения. Я медленно пошел дальше, сняв с лацкана пиджака небольшой голубой значок, по которому чистильщик определил, кто я такой. Еще через некоторое время я развернул бумажный комок, на котором было написано место встречи, время и пароль. Город, в котором я должен был получить материалы для Куртьё, назывался Катманду.

Вечер я провел у Робера Креанжа. Небольшой двухэтажный домик стоял в центре зеленой лужайки, по краям которой росли невысокие деревья. Жена и дети Робера улетели на две недели в Париж, слуг (повара, садовника и ночного сторожа) он отпустил, и мы блаженствовали вдвоем за столом на лужайке, попивая тоник и закусывая чем бог послал... из ближайшего китайского ресторанчика. «Бог послал» в основном креветки, правда, довольно вкусно приготовленные, и еще разные дары моря.

Мы вспоминали студенческие годы и нашу дружную компанию — четверых мушкетеров, как нас часто называли в университетском городке под Парижем в общеквотности «Дом Соединенных Штатов». Атосом у нас был, бесспорно, Питер Спарк — американец из Массачусетса, весьма гордившийся тем, что родился в Бостоне от родителей, также родившихся в Бостоне. Семейные хроники Спарков особенно подчеркивали тот факт, что одна из родственниц по отцовской линии происходила от англичанина, прибывшего в Северную Америку в 1620 году на знаменитом корабле «Мейфлауэр». Как известно, именно эта группа английских пуритан, или, как их еще зовут, отцов-пилигримов, основала Новый Плимут, с которого и начались колонии Новой Англии. Если не считать родства с «Мейфлауэр», других видимых недостатков у Питера, пожалуй, не замечалось. Это был высокий блондин, великолепный образчик того самого североамериканского янки, которого терпеть не могут в южных

штатах. У южан, как известно, свои взгляды на экстерьер.

В обыденной жизни Питер был открытым, дружелюбным парнем, щепетильно порядочным во всем, что касалось данных им обещаний. В общежитии шутили, что слово Питера надежнее, чем номерной счет в швейцарском банке. Наш Атос изучал физику и значительное время пропадал в лабораториях. Он увлекался какими-то новомодными теориями и пытался найти им подтверждение, ставя многочисленные эксперименты.

Арамисом в нашей компании, несомненно, был Анри Фалле, именуемый порой своими недоброжелателями «французский англичанин»: мать Анри была урожденной леди Ден-Норант. У Анри было симпатичное лукавое лицо, тонкая талия и густая черная шевелюра, которую он, впрочем, коротко подстригал. Из всей нашей компании Анри больше всех бегал за девушками и часто бранил судьбу за то, что она поселила нас в «Доме Соединенных Штатов». Надо заметить, что в те времена «Дом Соединенных Штатов» отличался большой нравственной строгостью и не шел ни в какое сравнение с несколькими десятками национальных домов-общежитий, расположенных в парке парижского университетского городка. У меня не раз мелькала мысль, что основывали американский дом прямые потомки пуритан, которые поплыли в Америку на «Мейфлауэре». Достаточно сказать, что наше старомодное здание было разделено на две половины: правую — женскую и левую — мужскую. Внизу находился общий холл и несколько комнатушек без одной стены, где можно было принимать гостей или встречаться с теми, кто жил на другой половине дома. О том, чтобы попасть студенту на половину студенток или наоборот, не могло быть и речи. Это помогло нам в какой-то степени не отвлекаться от учебы, но создавало атмосферу монастыря, которая сильно не нравилась Анри.

Анри был человеком весьма разносторонним. Как

и Питер, он изучал физику, но умудрялся быть довольно сведущим в вопросах литературы, музыки, искусства. И прекрасного пола. Влюблялся он часто, легко завоевывал очередной предмет своей страсти и так же легко умел расстаться с ним. Девушки на него почему-то не обижались, возможно, быстро понимали, что этот легкомысленный в вопросах любви симпатичный парень не создан для серьезной семейной жизни. С ним охотно проводили время те, кто искал в жизни беззаботные удовольствия.

Невзирая на любвеобильность, Анри был серьезным физиком, он умел находить совершенно неожиданные, оригинальные решения сложных проблем. За это его очень ценили и прочили ему большую будущность в науке. Интересно, что жизненного прототипа Арамиса из «Трех мушкетеров» тоже звали Анри...

Портоса среди нас не было, но Робер Креанж был к этому имени все же ближе, чем я. Этот крупный провинциального вида парень олицетворял собой надежность, обстоятельность и упорство в достижении цели. В отличие от героя Дюма, он отнюдь не был хвастуном и не любил красиво одеваться. Зато у него, как и у Портоса, были ясные жизненные идеалы, и если литературный персонаж твердо стремился к сундуку герцогини-вдовушки, то Робер, в соответствии с духом времени, мечтал о кабинете юрисконсульта в большой транснациональной компании. Он и учился на юридическом, одновременно уделяя много времени экономическим наукам. Девизами он не интересовался.

Робер был самым целеустремленным из нашей четверки. Он вырос в маленьком провинциальном городке в центре Франции и не мог обмануть ожиданий своей многочисленной родни, видевшей в нем будущего генерального директора солидной фирмы. Кроме того, он твердо решил объехать весь мир. Кабинет юрисконсульта представлялся ему первой ступенькой его лестницы жизни. Положение, занимаемое им в Дели, свидетель-

ствовало, что он уверенно продвигается по этой лестнице.

Итак, на мою долю оставалась роль д'Артаньяна. Не знаю, насколько я подходил для нее, но с гасконцем меня объединяло, возможно, одно качество — изобретательность, умение выпутываться из сложных ситуаций.

Несмотря на разность характеров и темпераментов, наша четверка крепко дружила, и трое всегда приходили на помощь тому, кто оказывался в трудном положении...

— У меня недавно в гостях был Питер, — прервал мои воспоминания Робер. — Он приезжал сюда по делам своей фирмы и вел переговоры с компанией, которую я представляю.

— Интересно посмотреть, каким он стал!

— Еще как интересно! — усмехнулся Робер. — Только не это.

Неожиданно он встал, вошел в дом и вскоре вернулся с небольшим блестящим стереомагнитофоном-радиоприемником «Санио», из которого лилась нежная восточная музыка. Поставив магнитофон на наш стол, Робер продолжил беседу, сильно понизив голос:

— Питер прилетал не столько по делам своей фирмы (это был предлог), сколько чтобы встретиться со мной. Меня же он просил немедленно связаться с тобой. Если бы ты так неожиданно не прилетел в Дели, я через несколько дней был бы в Париже: официально — чтобы присоединиться к своей семье, а на самом деле — чтобы найти тебя.

Робер снова встал — вроде бы для того, чтобы размяться. Он походил по лужайке, внимательно осматривая изгородь, окружавшую участок. Музыка из магнитофона продолжала звучать. Подойдя к столу, Робер тихо продолжал:

— После университета, как ты знаешь, Питер работал в правительственной организации США, связанной с научными исследованиями в области обороны. Некоторое время назад его попросили (а точнее, прика-

зали) перейти на работу в одну частную фирму. Предложили солидный пост и очень высокий оклад. Формально фирма не связана с правительственными учреждениями. Но подчиняется она правлению некоего закрытого фешенебельного клуба. Его члены — высокопоставленные деятели главных капиталистических государств, занимающие ключевые посты в экономике, финансах, средствах массовой информации, а также в армии, разведке и полиции своих стран. Командуют, правда, в клубе американцы.

Фирма, в которой работает Питер, носит название «Грейт пасифик энд атлантик ойл». Она тесно связана не только с международной торговлей нефтью, но и с поставками продовольствия. Кроме того, у нее ряд своих научно-исследовательских центров. Питер как раз и занимается некоторыми научными исследованиями. По его словам, недалёковидными политиками готовится крупная акция, последствия которой могут быть губительны для человечества. Речь идет о попытке активно повлиять на погоду и климат нашей планеты. С этой целью на одном из островов Карибского моря создан сверхсекретный институт, имеющий в своем распоряжении самый гигантский компьютер нашего времени. Прогнозы погоды — это прежде всего расчеты. В компьютер на острове вот уже несколько лет вводится вся информация, поступающая с американских метеорологических спутников.

Я знал, что военные и разведывательные ведомства США ищут эффективные методы воздействия на погоду и климат. Хотя все это было засекречено более строго, чем атомное и ракетное оружие, полностью сохранить тайну не удалось. В печати не раз появлялись сообщения об американских экспериментах с погодой. Правда, говорили, что после этого бесследно исчезли несколько журналистов, причастных к этим сообщениям...

Много писалось о воздействии на погоду в военных целях во время войны во Вьетнаме. Там самолеты США обрабатывали специальными реагентами облака и вызы-

вали такие сильные ливни, что вода смывала северо-вьетнамские установки для зенитных ракет.

В бассейне Карибского моря американцы заставляли дожди обильно выливаться в океан с таким расчетом, чтобы над Кубой прочно устанавливался антициклон, приносящий засуху и губивший урожай сахарного тростника. Сведения об этих «экспериментах» также просочились в печать и вызвали скандал.

Как рассказывал Роберу Питер, он узнал, что несколько лет назад его фирма вкупе с некоторыми военными организациями обработала сильнейшими реагентами обширные участки насыщенных влагой облаков в Северной Атлантике. Эти облака обычно приносят дожди в Европу. После обработки атлантические тучи пролили свои дожди в океан. Лишенные влаги, ослабленные циклоны из Атлантики не смогли продвинуться, как обычно, в Восточную Европу и были вытеснены сухим антициклоном из Центральной Азии. В Восточной Европе установилась засушливая, жаркая погода, которая привела к большим потерям в сельском хозяйстве. Это вызвало необходимость в дополнительных закупках продовольствия на Западе, что и требовалось торговцам продовольственными товарами. На другой год искусственно вызванную засуху попытались повторить, но расчеты оказались недостаточно точными, и бедствие обрушилось на Северную Европу, в том числе на часть Англии и ФРГ. Назревал крупный политический скандал, и эксперименты прекратились. Зато в компьютер поступало все больше и больше данных о погоде.

Сейчас, как сообщил Питер, руководители фирмы считают, что компьютер в Карибском море уже накопил достаточно информации, чтобы рассчитать, где и сколько следует «высеять» в начале лета веществ, вызывающих дожди в Атлантике. Тогда засуха небывалой силы установится в социалистических странах Восточной Европы. При этом пострадают заодно Финляндия, Швеция и Норвегия, но это мало волнует организаторов засухи, их

цель — экономически поставить на колени социалистические страны.

Кроме того, что организация засухи сама по себе — преступление, Питер глубоко убежден, что вся эта затея авантюристична, так как в компьютере на острове Карибского моря еще очень мало необходимой информации, чтобы точно рассчитать все возможные результаты искусственного вмешательства в климат планеты. Скорее всего, думает Питер, страшная засуха поразит Англию, Францию, ФРГ и Испанию, а возможно, и США. Но руководители фирмы, ослепленные ненавистью к социалистическим странам, горят желанием как можно скорее поставить эти страны в экономически зависимое положение от Соединенных Штатов. Ни о каких серьезных проверках уже сделанных расчетов (достаточно приблизительных) они не желают и слышать, хотя их жуткая авантюра грозит глобальной катастрофой.

Потом Робер заявил, что, по мнению Питера, есть только один выход: уничтожить компьютер в Карибском море. И сделать это может Куртьё.

— В этой связи, — продолжил Робер, — наш Атос просил меня связаться с тобой — он знает, что ты работаешь у Куртьё. Он просил также сказать, что за твоим профессором пристально наблюдают руководители его фирмы, но считают его чудачком ученым, пока не очень опасным. Внедрить в Солонь агентуру вроде бы не удалось. Снимки, полученные со спутников, тоже толком ничего не дали. Попытки проникнуть в лабораторию Куртьё продолжаются. Однако у Питера есть друг во французской разведке. Это человек глубоко порядочный. Он сумел раздобыть кое-какую информацию о работах в Солони. Информацией он поделился с Питером, а агента, продавшего сведения, вынужден был уничтожить, имитировав несчастный случай на воде. Вот почему Питер знает больше о твоём профессоре, чем его фирма. Питер по-прежнему верит в тебя, полагая, что ты не можешь связать свою судьбу с бесчестным делом.

— Спасибо за доверие! — буркнул я. — Продолжай.

— Питер узнал от своего друга, что у вашей фирмы есть какие-то новые виды оружия и вы сможете покончить с этим проклятым компьютером. Если его уничтожить, то на восстановление и накопление информации понадобится много лет, и глобальная катастрофа будет отсрочена или к тому времени подобная тайная операция станет вовсе невозможной. Компьютер надо уничтожить еще и потому, что с его помощью разрабатывается другой сумасшедший и бесчеловечный проект: искусственное пробуждение некоторых вулканов. Если рассчитать атмосферные потоки, а потом взорвать атомное устройство в кратере дремлющего вулкана, то произойдет извержение, которое выбросит в небо огромное количество пепла. Этот пепел поднимется в верхние слои атмосферы и рассеется над всем земным шаром, но вначале он может образовать пленку над территорией определенной страны. К примеру, в Мексике взрывают вулкан. Ветры относят пепел по заранее рассчитанному воздушному коридору в Восточную Европу, где уже установился сухой антициклон, вызванный искусственным воздействием на водоносные облака в Атлантике. Тогда в восточно-европейских странах людям не только нечего будет пить, но еще и нечем будет дышать...

Робер замолчал и выразительно посмотрел на меня. Я попросил продолжать.

— Обе акции объединены в один проект под кодовым названием «Дождь Шúkры». Помнишь, у нас в Сорбонне на лекциях по индуистской мифологии рассказывали о солнечной и лунной династиях царей Индии.

Я оживился:

— Как же, конечно, помню! Были в Индии две династии — солнечная и лунная. Дáнда, сын Икшваку — основателя солнечной династии, похитил у жреца Шúkры его красавицу дочь. В отместку Шúkра наслал на землю Дáнды семидневный дождь из золы, уничтоживший все

живое... Значит, боссы у Питера — люди образованные, знают древнюю мифологию.

Робер усмехнулся:

— Образование, однако, не мешает им готовить убийство миллионов людей с помощью искусственной засухи и дождя из пепла.

— Знаю я эту теорию о взрыве вулкана и воздушном коридоре для пепла, Робер. Только все это чепуха — удушение пеплом конкретной страны. Никому не известно, как пепел распределится в верхних слоях атмосферы. Обычно он растекается тонкой пленкой над большими пространствами, и углекислота создает парниковый эффект. Если и удушат, так все человечество! Да и атомный взрыв вулкана может иметь самые страшные последствия для земного шара. Впрочем, парникового эффекта не будет. Кажется, будет все наоборот.

— Что будет?

— «Ядерная зима», как говорят нынче ученые. Оболочка из пепла в стратосфере начнет поглощать солнечные лучи и не допустит их до поверхности Земли. Стратосфера нагреется, а планета охладится. Нарушится глобальная циркуляция атмосферы. Наступит резкое похолодание, в том числе в тропиках. Так уже было, в небольшой степени, после извержения вулканов в Индонезии. Но в случае ядерных взрывов пепла будет намного больше. Отсюда и название «ядерная зима». Да, надо что-то делать.

— Согласен с тобой, Виктор. В общем, Питер считает, что активно вмешаться в тайные дела его фирмы уже пора. Обращение в прессу, по его мнению, ничего не даст: фешенебельный клуб, который командует фирмой, крепко держит в руках главные средства массовой информации Запада и не позволит никаких серьезных разоблачений. Вот поэтому наш стопроцентный американец думает, что надо взорвать компьютер на острове и отодвинуть сумасшедшие планы сумасшедших политиков на неопределенный срок. Как ты понимаешь, Питер

очень рискует, поделившись со мной всей этой информацией. Ведь при малейшем подозрении, что он разгласил секреты своей фирмы, его убьют. Но и быть соучастником всех этих авантур он, понятно, тоже не может. Связи с Питером практически нет, его слишком хорошо охраняют. Тем не менее он заверил, что не будет сидеть сложа руки и постарается в меру своих сил тормозить осуществление проекта «Дождь Шукры» и его части «Осьминог» — так они издевательски называют организацию засухи над Европой.

Рассказ Робера меня глубоко поразил. Если Питер пошел на такой риск, как полет в Индию, значит, ситуация действительно крайне серьезная.

Робер предложил мне переночевать в его домике.

— Это надежней, чем ехать ночью в автомашине по улицам Дели, — заметил он.

Я согласился, хотя понимал, что, вступив в контакт с Робером, наверняка попал под нежелательное для меня наблюдение, ибо встреча Питера с Робером не могла пройти незамеченной для тех, кто «опекал» Питера. Все это, конечно, усложняло выполнение моей собственной миссии, но сведения, полученные от Робера, стоили того. За Робером, конечно, присматривали. Теперь они будут присматривать за мной.

На другой день мне предстояло лететь в Непал. Самолетом из Дели в Катманду — всего час. Вначале я решил, что мне не повезло, так как вместо «Боинга» непальской авиакомпания, которая славится хорошим обслуживанием пассажиров, мне пришлось взять билет на самолет индийской компании. Но провожавший меня Робер посоветовал не расстраиваться: у Непала всего два «Боинга», сказал он, на новом король улетел в Европу, а старый самолет в ремонте, поэтому лучше уж лететь на более надежной индийской машине.

Вскоре после взлета слева по борту можно было увидеть великолепные, покрытые снегами Гималаи. Я стал размышлять об одной из самых высокогорных

стран мира. Горные хребты занимают шесть седьмых ее территории. Но столица Катманду находится в плоской котловине, образовавшейся на месте древнего озера. Я взял с собой из Дели несколько больших бутылок минеральной воды, чтобы не пить в Катманду местную воду, поскольку меня предупредили, что в непальской воде большое количество чешуек слюды, которые тут же вызывают кровотечение желудка. Впрочем, в богатых домах Непала воду пропускают через специальные фильтры.

— Эта форма развода не так уж плоха, — услышал я разговор пассажиров, сидевших за моей спиной. — Если непальская женщина желает оставить мужа, то, согласно традиции, жене достаточно положить под подушку своего супруга орех или листья бетеля.

— Вот бы этот обычай нашим европейским женщинам, — заметил второй собеседник.

— Боюсь, что в Европе начнется острый дефицит орехов, поскольку бетель там не растет...

Позади меня разговаривали два француза. Первый продолжал:

— Особенно интересны обычаи неваров. Они, к примеру, трижды отмечают достижение человеком преклонного возраста. Первый раз в 77 лет 7 месяцев и 7 дней. Неплохо, да? Второй раз старика чествуют, когда ему исполнится 83 года 4 месяца и 4 дня. В это время он встречает свою тысячную луну. И наконец, последний раз его чествуют в тот момент, когда он увидит тысяча двухсотую полную луну. Для этого ему должно быть всего лишь 99 лет 9 месяцев и 9 дней. Правда, этот третий праздник называют почему-то «уходом на небеса»...

Собеседники рассмеялись.

О неварах и их обычаях я слышал. Считается, что это племя — их около полумиллиона — пришло в Непал с малабарского побережья Южной Индии, а их далекие предки были выходцами из Средиземноморья. Невары внешне отличаются от тибето-гималайского населения

страны более тонкими чертами лица и овальной формой головы. Большинство других обитателей Непала — кираты, таманги, гурунги — относятся к монголоидной группе.

Наш «Боинг» стал снижаться. Внизу появилась симпатичная долина, и самолет пошел на посадку.

Аэропорт в Катманду оказался небольшим зданием, и, хотя таможенный контроль был строгим, формальности не заняли много времени. Я сразу же взял такси, заехал в центре города в гостиницу, оставил там свой чемодан, попросив приготовить мне хороший номер, и поехал в старые кварталы столицы. Действовал я так стремительно потому, что мне не очень понравилась поспешность двух французов — моих попутчиков по самолету, рассуждавших об обычаях неваров. Когда я сел в такси, они вдруг выскочили из здания аэропорта и стали отчаянно кричать: «Такси!» К счастью, поблизости никакого автотранспорта не оказалось. Поскольку улицы непальской столицы не перегружены автомобилями, я вскоре смог убедиться, что меня никто не преследует. План Катманду, а также планы примыкающих к нему городов Лалитпура и Бхактапура я тщательно изучил в тот вечер, когда Куртьё предложил мне лететь в Индию. Я попросил шофера высадить меня на площади, от которой начинались старые кварталы и где были расположены бесчисленные магазинчики-лавки с вещами совершенно необыкновенными, удивительно красочными, абсолютно ненужными в нашей европейской жизни, а посему охотно покупаемыми туристами из западных стран.

Для начала я купил красивую кожаную сумку, светло-коричневую и явно непрочную, как и все, что делается в Индии из кожи. На сумке были изображены черные слоны с красными крылышками на спине — что-то на манер ангелов. Стайка мальчишек, заметив, что я приобрел сумку для покупок, тут же окружила меня и стала наперебой предлагать разные мелкие безделушки из металла, похожего на бронзу. Хотя безделушки меня

совсем не интересовали, две из них я все же купил — требовалось зарекомендовать себя туристом, увлекшимся бронзовыми фигурками.

То, что меня интересовало в действительности, находилось в другом месте, недалеко от площади. А искал я статуэтку существа о двух человеческих ногах, шести руках и одном хоботе. И должно было это существо танцевать на крысе. Звали его Ганапáти или Ганéша, но я называл его Ганеш. Был он богом, хотя и не относился в индуистской мифологии к высшему разряду сверхъестественных существ. Покровительствовал науке и литературе (кто же из главных богов будет заниматься такими пустяками! Удел высших — война и экономика). Зато Ганеша всегда призывали в помощь те, кто начинал новое, сколь-нибудь серьезное дело. Это не удивительно: он мог дать хороший совет, поскольку, кроме науки и литературы, занимался еще и серьезными делами — был заведующим канцелярией и начальником свиты самого бога Шíвы. Такую важную должность Ганеш смог получить, видимо, потому, что грозный Шива был его отцом.

Иметь отцом Шиву — дело, конечно, ответственное. «Приносящий счастье», как дословно толкуется имя Шивы, в действительности (мифической) был не только богом-созидателем, но и, одновременно, богом-разрушителем. Плюс великим аскетом. Бóльшего аскета в истории, пожалуй, не найти. Мало того, что он покрывал свое тело золой, уши украшал серьгами из змей, а шею — ожерельем из черепов, он еще жестоко расправлялся с теми, кто пытался помешать его аскетизму. Так, бога любви Каму, имевшего неосторожное намерение вернуть Шиву к мирской жизни, «Приносящий счастье» просто сжег. Правда, вместо костра или современного огнемета Шива воспользовался своим третьим глазом. Этот испепеляющий орган появился у Шивы в тот момент, когда его супруга Пáрвати, мать Ганéша подойдя к мужу сзади, имела неосторожность закрыть ладонями оба муж-

ниных глаза. Жены не должны слишком активно мешать мужьям глядеть на мир, особенно когда их супруги — боги.

Согласно легенде, несмотря на все могущество отца, маленького Ганеша не смогли уберечь от несчастья в самом начале его жизни. Как произошло это несчастье, никто точно вспомнить не может. Одни утверждают, что на празднование рождения Ганеша забыли пригласить бога Шани, тот обиделся и испепелил (разумеется, взглядом — наиболее грозным оружием в те далекие времена) голову младенца. Другие всю вину сваливают на женщин (случается в истории, что женщины иногда тоже виноваты). Так вот, в данном случае виноватых женщин было две: супруга Шани и мать Ганеша. Первая прогневалась на мужа и сумела сделать так, что его взгляд стал смертельным для любого другого существа, кроме нее самой. Поэтому, будучи порядочным человеком, то есть порядочным богом, Шани, поздравляя Парвати с рождением сына, не поднимал глаз от пола. Он просто опасался «сглазить» — иначе говоря, убить младенца. Но Парвати, не лишенная слабостей многих матерей, обиделась: как это не хотят взглянуть на ее уникальное чадо! Она потребовала от Шани посмотреть на младенца. Тот, не желая связываться с разгневанной мамашей, уступил ее настояниям — и как только взглянул на Ганеша, у того тотчас же голова отделилась от туловища и упала на землю. Пришлось немедленно приставить сыну Шивы другую голову — от находившегося поблизости слона.. Так и остался Ганеш на всю жизнь со слоновьей головой. К тому же однажды он потерял один бивень. Случилось это, когда Ганеш сражался с великаном Гаджамукхой: чтобы победить соперника, сын Шивы отломал у себя бивень и запустил им в великана, и тот сразу же превратился в крысу — бивень-то был волшебным. Потом Ганеш стал ездить на этой крысе, как на лошади, но ездил при этом как наездник в цирке — стоя одной ногой на спине крысы.

Я и раньше неплохо знал индуистскую мифологию, однако, получив поручение слетать на Восток, прихватил с собой в самолет несколько книг по истории Индии и Японии. Историю Ганеша и его родителей я тоже с удовольствием освежил в памяти.

Итак, решив начать в Катманду новое дело (выполнить поручение Куртьё), я, естественно, отправился на поиски слоноподобного бога. Нашел я его быстро, на первой же отходящей от площади улице. Немного пройдя по этой улице, я увидел на правой стороне небольшой магазинчик, где торговали фигурками из бронзового металла. Тогда я быстро нацепил на лацкан пиджака маленький значок и вошел в лавку. Хозяин лавки в одиночестве читал какую-то книгу. Отложив книгу, он поздоровался со мной и пристально посмотрел на мой значок. Я, в свою очередь, внимательно оглядел хозяина. Это был молодой невар с приветливым лицом. Поскольку хозяин молчал, я, не начиная разговора, стал осматривать полки с товаром. И сразу же увидел Ганеша, того самого, которого искал.

Непальский Ганеш не был толстяком, каким его обычно изображали в Дели, а имел стройное человеческое тело. И вместо четырех рук у него было шесть. Голова была пропорциональна телу, не огромная слоновья, а обыкновенная человеческая, на которую надели слоновью маску, напоминавшую противогаз с длинным хоботом. И оба бивня были целы. Стоя на одной ноге, он ловко балансировал на крысе, которая была явно крупней своих обыкновенных сородичей и походила на лису с длинным крысиным хвостом. Статуэтка больше напоминала изящную традиционную индийскую танцовщицу, чем толстого веселого слоноподобного бога.

— Чем же Ганеш превратил Гаджамукху в крысу, — обратился я по-английски к хозяину лавки, — ведь у него целы оба бивня?

— Если вы посмотрите внимательно, то увидите, что

это остатки бивней, а оба их конца Ганэш запустил в великана, — ответил хозяин.

Таковы были начала пароля и отзыва.

— Мне очень нравится эта необыкновенная статуэтка, — продолжал я пароль, — я хочу ее купить.

— Эта не продается, — отвечал хозяин, — но, если вы подождете, у меня есть вторая, в точности такая же.

Он вышел в заднюю комнату и через минуту вернулся со статуэткой — копией той, что стояла на полке.

Я заплатил деньги, попросив добавить к Ганешу еще несколько самых разных статуэток, постарался как можно теплее улыбнуться хозяину, поклонился ему и вышел.

Побродив немного среди магазинчиков и купив еще несколько симпатичных фигурок из металла, я взял такси и вернулся в гостиницу, так как изрядно устал и решил отдохнуть.

У себя в номере я сразу заперся в ванной, прихватив с собой статуэтку купленного мною Ганеша. С некоторым трудом я наконец отделил фигурку от подставки и обнаружил внутри маленький тайничок. Там лежала записка. Внимательно прочитав ее и тут же повторив про себя несколько раз прочитанное, я сжег записку, бросил в унитаз пепел и спустил воду.

В записке сообщались координаты некоего острова в Карибском море, пароль, место встречи с человеком в Токио и имя предателя, пробравшегося в научный центр Куртьё в Солони. Имя было женским. Прочитав его, я внутренне вздрогнул.

Во время завтрака¹ в ресторане гостиницы за мой столик, спросив разрешения, подсели два француза — попутчики по самолету. Те самые, которые метались в поисках такси в аэропорту, когда я уезжал. Представившись Шарлем и Ришаром, они напомнили, что мы вместе летели из Дели, и поинтересовались, сколько времени я собираюсь быть в Непале.

¹ Завтрак у французов совпадает с нашим обедом, а завтрак в нашем понимании называется «пти дежене» — ранний завтрак.

— Точно не знаю, но, видимо, несколько дней, — осторожно ответил я.

Шарль и Ришар принялись расхваливать Непал. К моему удивлению, они действительно хорошо знали эту страну, как, впрочем, и Индию. Я пригляделся к собеседникам. Оба были не так молоды, как показалось мне с первого взгляда. Сухощавые, с неплохой выправкой. Европейцы, долго жившие в тропиках.

«Дикие гуси! ¹ — мелькнула мысль. — Точно! Легионеры из Африки! Значит, дело серьезное, раз ко мне прицепили эту парочку. Такие умеют расправляться с людьми. Даже без оружия. Оружия у них быть не должно. Через индийскую таможенную черту с два протащишь пистолет. Если только у них нет сообщников в Катманду... Интересно, у них приказ понаблюдать за мной или прикончить меня?»

Тем временем Шарль предложил погулять после завтрака по старым кварталам Катманду, а завтра утром посетить буддийский храм на высокой, поросшей лесом горе неподалеку от столицы. Потом, спустившись с горы, заехать в города Лалитпур и Бхактапур — все поближе к Катманду. Оказывается, мои спутники уже договорились взять на завтрашний день напрокат автомашину. Отказаться от этого предложения, судя по обстановке, было еще опаснее, чем согласиться, и я беззаботно поддержал идею Шарля, попросив их только выезжать не очень рано. Потом я ненадолго отошел от столика, чтобы заказать минеральной воды в мой номер. Когда я вернулся, то уловил отрывок разговора между моими новыми знакомыми. К моему изумлению, говорили они на бамбара. Хотя оба понизили голоса, до меня донеслось несколько слов, которые мне активно не понравились. Этими словами были «сини» ², «фа-

¹ Дикие гуси — прозвище наемников.

² Завтра (*бамбара*).

га»¹, «налома»², «кулу»³. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что завтра собираются убить на горе какого-то дурака. У меня, увы, были уже достаточные основания считать, что роль этого дурака предназначена мне.

Подойдя к столу, я поинтересовался, на каком языке только что говорили мои соотечественники. Не смутившись, они сказали, что пытаются вспомнить язык жителей южного Непала тхару, говорящих на одном из индоарийских диалектов.

Днем мы съездили в старые кварталы Катманду, побродили по древним улочкам. Поскольку маршрут наш пролегал по уже знакомой мне улице, я остановился у витрины магазинчика, где купил Ганеша. Ришар предложил зайти в магазинчик, мы с Шарлем согласились. Владелец лавочки встретил нас приветливо, но ничем не выдал своего знакомства со мной. Ришар купил какую-то безделушку, и мы вышли. Потом еще немного погуляли по старому городу. В одном месте нас окружила группа мальчишек, которая буквально атаковала Шарля и Ришара, предлагая купить у них изделия из бронзы. Ко мне подошел только один юный продавец и, протянув какого-то металлического бога, тихо, но четко произнес по-английски: «Сегодня или завтра утром обязательно зайдите туда, где купили Ганапати».

Поздно вечером я дал портье королевские чаевые и деньги на авиабилет до Дели.

— На рейс послезавтра утром, — попросил я его. — И пожалуйста, чтобы никто не знал об этом. Особенно женщины или мужчины, нанятые ими...

Портье понимающе улыбнулся и заверил, что все будет в порядке.

Ночью я немного поворочался, но зато к утру у меня появились кое-какие идеи.

¹ Убить (бамбара).

² Дурак, идиот (бамбара).

³ Гора (бамбара).

Рано утром я разбудил Шарля и сказал ему, что через полтора часа жду его и Ришара с машиной (которую они собирались взять напрокат) у въезда в старый город. А пока я должен успеть выполнить ряд поручений своих парижских поклонниц: купить непальское мумиё (которое никому еще не помогло, но высоко ценится в Европе), китайское «королевское желе» — ампулы с пчелиным маточным молочком, растворенным в меде (которое также высоко ценится в Европе, очень приятно на вкус, но, увы, также никого еще не омолодило), и, наконец, непальскую бирюзу, которая хотя и не съедобна и не омолаживает, но зато по-настоящему красива.

После этого я поймал такси и попросил шофера помочь мне с покупками. Мумиё в Катманду продавалось всего в двух местах. Первое оказалось закрытым, зато во втором я купил сразу и мумиё и «королевское желе». Конечно, утром я сгоряча и ради красного словца критически отозвался об этих народных средствах в разговоре с Шарлем. Безусловно, и горная смола, и «тоник высшего класса», как было написано на коробке с маточным молочком, помогают больным, но, во-первых, от определенных болезней, во-вторых, при условии правильного их применения, чего большинство европейцев делать не умеет.

Оставалось купить бирюзу. Это тоже оказалось несложным — таксист знал магазинчик близ старого города. Продавец положил на весы несколько крупных голубых камушков, которые свели бы с ума многих моих парижских приятельниц. Бирюзу я намеревался подарить нашим любительницам драгоценностей в «кают-компании».

Прощавшись с таксистом и не обнаружив за собой слежки, я быстрым шагом пошел к старому городу. Лавка с бронзовыми фигурками была открыта. Поздоровавшись с хозяином — он был один в магазинчике, — я попросил завернуть мне статуэтку маленького пузатого Будды. Потом без предисловий сказал непальцу:

— Сегодня меня, кажется, собираются убить; через двадцать минут я еду с двумя французами на гору смотреть храм, мои спутники похожи на бывших белых наемников иностранного легиона в Африке. Но прежде чем убить, меня наверняка свяжут и будут пытаться, чтобы выяснить цель моей миссии... Я постараюсь не попасться в сети палачей, но, если сможете, подстрахуйте.

— Сейчас я вывожу свою машину и буду следовать за вами, — ответил непалец. — Ваши знакомые нам известны. Они действительно служили наемниками в Конго и в Анголе, боролись против освободительного движения в этих странах. Оба живут в Дели, неплохо знают Индию, их нанимают за деньги для разных грязных дел. В прошлом году были здесь и испачкали свои руки кровью, хотя прямых улик против них не было. Сообщников у них здесь нет, оружия тоже нет, но остерегайтесь: у этих бандитов есть специальные ампулы-шприцы, через которые впрыскивают вещество, заставляющее человека мгновенно терять сознание. Будьте начеку, чтобы вас не укололи такой ампулой. Возьмите на всякий случай пистолет.

И он протянул мне небольшой «вальтер». Я поблагодарил непальца и поспешил на условленное место встречи. Пришел я вовремя, потому что вскоре показался автомобиль с моими «соотечественниками» — они приехали на десять минут раньше, чем договаривались. Все-таки они нервничали (что было видно по их физиономиям), так как опасались, не дал ли я стрелкача. Увидев меня, оба сразу успокоились, а я немедленно стал хвататься покупками. Шарль тут же похвалил мою бирюзу, заметив, что залежи самой красивой в мире бирюзы находятся в Иране, в северо-восточной провинции Хорасан.

— Там, около города Нишапура, есть знаменитые рудники, где добывают этот камень, — добавил он.

— Ну что ж, поехали, — сказал я «соотечественникам». — Только у меня просьба: дайте мне возможность повести машину в гору. Должен же я похвалиться в Па-

риже, что водил авто в Гималаях. А вниз поведет автомобиль кто-либо из вас.

— Ладно, — снисходительно сказал сидевший за рулем Ришар, — садитесь!

И мы поехали. В зеркальце я видел, что сзади нас никто не преследовал. Непалец, хозяин лавки, видимо, избрал более короткую дорогу к подножию горы.

Оба моих спутника развеселились. Шарль стал рассказывать забавные истории и неожиданно обмолвился, что вырос в семье французских колонистов, живших в Мали и Гвинее. «Вот откуда знание бамбара», — понял я. Ришар также проговорился, заявив, что жил в Мали, а воевал в Конго.

Несмотря на внутреннюю напряженность, я не без интереса наблюдал за поведением людей, намеревавшихся убить меня в ближайшее время. Никаких следов смущения я не заметил. Это были действительно профессиональные убийцы. В то же время оба безудержно болтали о всякой всячине, отвлекая мое внимание от предстоящей акции.

Между тем я довел машину до половины горы. Наконец перед моим взором открылся участок дороги, который я подыскивал. Ровное, без подъемов место и справа по ходу движения ничем не огороженный крутой обрыв метров на двести. Слева скала, отвесно поднимающаяся вверх. Я повел медленнее автомашину, следовало быть осторожным. Неожиданно я крикнул своим попутчикам:

— Смотрите, какой огонь!

Оба наклонились вправо, пытаясь разглядеть, что там «горит». В ту же секунду правой рукой я резко крутанул руль вправо, а левой распахнул левую дверцу автомашины и, прежде чем выпрыгнуть на дорогу, успел ногой нажать на «газ». Я не видел, как исчез за обрывом автомобиль, но услышал глухой удар где-то внизу. Тренер по боксу не раз говорил мне: «Виктор, у тебя не очень выносливое сердце, но зато блестящая реакция и точный удар».

Реакция спасла меня и на сей раз. Только лоб был мокрым. Достаточно было промедлить долю секунды — и я оказался бы в обществе «соотечественников» под обрывом.

Снизу слышался гул мотора. Потом показался автомобиль. За рулем был хозяин лавки бронзовых фигурок. Я поднялся с земли, отряхнул от пыли одежду и молча протянул непальцу ненужный уже мне «вальтер». На заднем сиденье автомашины я заметил винтовку с оптическим прицелом.

— В прошлом году, — сказал непалец, — эти двое (он кивнул в сторону обрыва) также прилетали из Дели. Они искали трех европейцев, сбежавших с какого-то острова в Карибском море и укрывавшихся в Непале не то от гангстеров, не то от агентов фирмы, связанной с торговлей оружием. Бандиты разыскивали беглецов и дождались, когда те поехали в горы. Мы не успели помешать: у нас был бинокль, но не было винтовки с оптическим прицелом. В бинокль все было видно очень хорошо. Бандиты имитировали на горной дороге аварию своей автомашины. Европейцы остановились, вышли из автомобиля, чтобы оказать помощь. Их мгновенно парализовали ампулами-шприцами и посадили обратно в машину, которая медленно поехала в пропасть...

— У меня билет на утренний рейс в Дели, — сказал я. — По этой дороге редко кто ездит. С самой дороги не видно, что находится внизу. Думаю, что гангстеров вряд ли хватятся в ближайшие дни. Сейчас отвезите меня в кварталы старого города, я поброжу там и сделаю еще какие-нибудь покупки. Пусть меня запомнят. Вряд ли кто заметил, что я садился к погибшим в автомобиль.

— Я высажу вас недалеко от старых кварталов. Советую походить по улицам, где продают тибетские коврики — эти живописные изделия высоко ценятся в Европе. Покупка таких ковриков вполне оправдывает ваше времяпрепровождение в старом городе.

Вскоре мы подъехали к центру Катманду, и я попросился с непальцем. Напоследок я сказал ему:

— Я не могу задавать вам никаких вопросов, как не могу и отвечать на вопросы. Но я вижу, что вы честный и мужественный человек. От всей души желаю вам счастья.

Он молча поклонился мне.

Улочка, где продавались коврики, была удивительно красочной. Коврики, издавна напоминая чем-то большие разноцветные игральные карты размером сто восемьдесят на девяносто сантиметров, вывешивались на стенах домов до высоты третьего этажа. Ощущение, что ты попал в сказочное королевство карт. Я зашел в один из магазинчиков и разговорился с женщиной — хозяйкой. Она охотно рассказала, что приехала в Непал из Тибета еще девочкой вместе со своими родителями. Все ее родственники и она сама много лет уже делают эти ковры, а шерсть (козью) доставляют им из Тибета. Я выбрал три белых коврика с синими и сине-красными драконами, поблагодарил хозяйку за рассказ и попросил ее отправить покупку в гостиницу, где остановился.

Рано утром я наблюдал из иллюминатора «Боинга», как справа по борту медленно удаляются белоснежные вершины Гималаев. Мне было над чем подумать. Во-первых, моя научная деятельность превратилась во что-то здорово смахивающее на подвиги Джеймса Бонда. Неужели нельзя просто заниматься чистой наукой? И никого не убивать! Или наше «свободное» общество устроено так, что даже такие богачи альтруисты, как Куртё, не могут свободно заниматься научными изысканиями на благо человечества? Вопросов у меня накопилось много. И к обществу, и к самому себе. Не было только ответов.

Следовало задуматься и над тем, где меня выследили и почему пустили за мной вдогонку Ришара и Шарля. Во Франции? Вряд ли! Там были приняты строгие меры предосторожности, и в аэропорт я попал таким хитрым способом, что засечь меня было очень трудно. Из

городка, как называли мы имение Куртьё, я выбрался ночью на летающей «стрекозе», которая высадила меня в нескольких десятках километров на пустынной дороге, где ждал автомобиль. В Париже пришлось много покружить, поменять автомашины, даже проехаться в метро и только потом уже отправиться в аэропорт.

Засекли меня, видимо, когда я приехал в гости к Роберу — за ним, должно быть, наблюдали очень пристально. Скорее всего после его встречи с Питером Спарком. Сначала «они» записали мой первый телефонный разговор с Робером. В общем-то, ничего подозрительного: старый университетский товарищ решил навестить Робера, с которым много лет не виделся. Думаю, что на всякий случай ко мне прикрепили двух «соотечественников», и так как я на другой день улетел в Непал, те последовали за мной. В их задачу вряд ли входило просто ликвидировать меня. Возможно, они должны были затащить пленника в укромное местечко, связать и пытаться до тех пор, пока он не выложит, зачем приехал в Индию. Потом бы меня все равно убили — и в том случае, если бы я чистосердечно все рассказал, и в другом, если бы я вынес пытки и ничего не сообщил. Да, поистине наука требует жертв!

В Дели я не стал выходить из аэропорта. Я купил билет на ближайший самолет до Сингапура и через два часа снова был в воздухе. Покупать билет сразу до Токио я не решился.

В Сингапуре я пробыл несколько часов, но на сей раз вышел в город и основательно поколесил по «Швейцарии Дальнего Востока», как величают его европейцы. Действительно, только в Сингапуре можно наслаждаться всеми прелестями центра Азии и одновременно пользоваться всеми удобствами Цюриха или Женевы.

Взяв такси в аэропорту, я отправился в центр. Здесь на одной из улиц, где от вывесок на всех языках рябило в глазах, я отыскал среди «Дерби кинг», «Супер стар», «Ла Коста» и множества китайских иероглифов большие

белые буквы на голубом фоне: «Эр Франс». Зайдя в агентство, я приобрел билет на самолет до Токио, после чего начал более подробное знакомство с местными достопримечательностями.

Как известно, в переводе с санскрита «сингапур» означает «город львов». Утверждается, что такое название было присвоено этим местам одним индийским принцем, спасшимся здесь от жестокого шторма. Дело было еще в XIII веке. Возможно, с перепуга, но принцу показалось, что он столкнулся на острове с животным, похожим на льва... Во всяком случае, название прижилось, и до XIV века торговый город процветал и разрастался. К несчастью для города, эти места полюбили пираты, которые в конце концов стерли с лица земли все имевшиеся поселения.

В начале XIX века остров настолько понравился англичанам, что они устроили на нем свою главную военноморскую базу в Юго-Восточной Азии. Со свойственным британцам постоянством они не торопились покидать остров и расстались с ним лишь в 1957 году.

Когда английский губернатор сэр Стамфорд Раффлз подписал с местным феодалом в 1819 году соглашение о передаче города британской короне, все население Сингапура не превышало нескольких сот человек. Зато в 1850 году в городе насчитывалось уже пятьдесят тысяч жителей, сегодня их — два с половиной миллиона!

Жители города умудряются размещаться на площади в четыреста квадратных километров. Может, поэтому среди населения больше всего китайцев — наиболее терпеливых и наименее притязательных жителей Азии... Кроме китайцев, в Сингапуре живут малайцы, тамилы, яванцы, разные выходцы из Южной Азии и европейские иммигранты. Есть еще оранг-лауты — «люди моря», — исконные обитатели этих мест, они сохранились на крохотном островке, где ловят рыбу и добывают жемчуг.

Поскольку китайцы составляют семьдесят пять процентов населения Сингапура, я обратился непосредствен-

но к китайцу — продавцу книжной лавки на колесах. Он вежливо пояснил мне, что в этой стране премьер-министр, являющийся одновременно отцом города, тоже китаец. Зовут его Ли Куан Ю, и это, безусловно, личность незаурядная во многих отношениях. Именно отцу города Сингапур обязан тем, что, несмотря на огромную плотность населения, его улицы — самые чистые в Азии. Дело в том, сказал китаец, что Ли Куан Ю сердится, когда кто-то плюет на улице, курит не на территории своего дома, пьет спиртные напитки, играет в азартные игры, носит длинные волосы и нарушает правила уличного движения. Отец города также не любит наркоманов, проституток, школьников, пропускающих уроки, забастовщиков и журналистов, критикующих его правительство. Последних он даже называет «наемными убийцами», вооруженными пишущими машинками.

Ли Куану Ю шестьдесят с лишним лет, в свое время будущий отец города с блеском закончил экономический факультет в Кембридже и до сих пор искренне убежден, что право иметь третьего ребенка следует предоставлять только супругам, обладающим дипломом о высшем образовании...

Я не без определенного интереса выслушал рассуждения о взаимосвязи деторождения с высшим образованием. Но оказалось, что это не все. Китаец утверждал, что горячим сторонником биотехнологической эволюции является и сын премьер-министра тридцатилетний Ли Сянь Лун, активно поддерживающий идею «Крестового похода за любовь», в ходе которого государство предлагает молодым людям, точнее, только тем из них, кто имеет высокий интеллектуальный коэффициент, отпуска в конце недели, чтобы они могли познакомиться и... зачать сверхспособных детей.

Последняя идея меня несколько потрясла, и я поинтересовался, кем является Ли Сянь Лун по образованию. Оказалось, что сын, как и отец, учился в Кембридже, но на математическом факультете. Эрудированный

книготорговец рассказал также, что после доброй старой Англии Ли Сянь Лун направился в США, где продолжил учебу на факультете политических наук в Гарварде. Математике и политике не хватало третьего ингредиента, поэтому молодой Ли закончил образование на военной базе в Канзасе, пройдя курс обучения «зеленых беретов».

Теперь отец считает, что, имея такое полное образование, сын сможет с успехом заменить его на ближайших выборах в кресле премьер-министра. А пока Ли Сянь Лун — всего лишь бригадный генерал, министр торговли и промышленности, государственный министр обороны и председатель Экономического совета.

Я подивился столь разнообразным дарованиям молодого кандидата в премьер-министры и продолжил осмотр города. Как известно, Сингапур любят не только иностранные туристы, еще больше его любят иностранные компании, которые нашли здесь подлинный рай, прежде всего налоговый... Плюс изысканное гостеприимство, дешевую и квалифицированную рабочую силу, а также передовую технологию. Конечно, дешевая рабочая сила означает кое для кого из местных жителей бедность, но это с успехом сглаживается великолепными небоскребами транснациональных компаний, возвышающимися в городе.

Я погулял среди небоскребов до тех пор, пока мраморно-стальные фасады окончательно мне не надоели. Тогда я отправился в китайские кварталы. В общем-то, это было неплохое место для тех, кто захотел бы меня убить или похитить. Узкие извилистые улочки с острыми запахами готовящейся пищи и с заспиртованными змеями во множестве аптек. Змей, ящерицы и кости разных животных, залитые спиртом, приготавливаются здесь по лучшим древним китайским рецептам для использования в качестве лекарств. Употребление подобных снадобий требует от европейца изрядного мужества, но и к этому можно привыкнуть, как привыкли мы к изобретенной в Сингапуре тигровой мази...

Так как в китайских кварталах меня не убили и даже не похитили, я смог со спокойной совестью продолжать экскурсию. Последним объектом моего почтительного созерцания был легендарный отель «Раффлз», всегда гостеприимно открывавший двери перед разными замечательными людьми. В их числе были родившийся в Бомбее англичанин Редьярд Киплинг, искренне прославлявший британское владычество на Востоке, более реалистично и даже натуралистично описывавший британское общество Сомерсет Моэм, может, потому, что родился в Париже, и, наконец, мой земляк и соотечественник Андре Мальро, так много размышлявший о кризисе западной цивилизации. Возможно, именно эти размышления заставили его стать на целых десять лет министром культуры нашей милой Франции. Но Киплингу следует отдать должное: его оценка Сингапура была объективной. Заметив для начала, что здесь расквартирован 58-й Нортгемптонширский полк и поэтому город может чувствовать себя в полной безопасности, он с большой похвалой отозвался о местных красавицах-орхидеях и с большой печалью — о местном климате. Впрочем, по словам писателя, говорить о нездоровом климате в Сингапуре не принято. Здесь живут, добавлял уроженец Бомбея, весело и беспечно, пока человеку не становится плохо. Затем чувствуют себя все хуже и хуже, потому что в этом климате взять себя в руки не удастся, и тогда умирают... Справедливости ради надо отметить, что сегодня цивилизация покончила со многими страшными заболеваниями в Сингапуре и сейчас в этом городе самая низкая смертность в Юго-Восточной Азии...

Многочисленность туристов и руководителей транснациональных компаний может создать превратное представление о любом отеле, даже таком замечательном, как «Раффлз», и поэтому, чтобы окончательно не испортить романтических впечатлений об этом историческом месте, я поспешил покинуть его и вернуться в аэропорт. Взглянув в последний раз на учтивых чиновников

в хорошо отутюженных костюмах — папа Ли не любит, когда служащие ходят в невыглаженной одежде, — вспомнил я пояснения китайца и вступил на борт самолета, улетающего в Токио.

Итак, несмотря на все мои старания, никакой слежки за собой я не обнаружил. Возможно, меня все же посчитали случайно попавшим к Роберу человеком, а потому, также на всякий случай, отправили следом за мной легионеров... Если бы в отношении моей персоны имелись серьезные подозрения, улететь так просто из Дели мне бы не позволили...

ТОКИО И НИККО

В Японию я попал впервые. Когда-то, в детстве, эта страна, далекая, миниатюрная и непонятная, сильно волновала мое воображение. Страна восходящего солнца. Она ассоциировалась в моем сознании с такими словами, как «кимоно», «икебана», «тя-но-ю» (чайные церемонии) и... «дзюдо». Но главным словом, определяющим, по моему тогдашнему разумению, национальный характер японцев, было «бусидо» — суровый кодекс самурайской чести; аскетизм, презрение к страданиям, верность своему покровителю, готовность смыть бесчестие самоубийством «харакири». Еще было слово «камикадзе» — смертники на маленьких подводных лодках или на самолетах, начиненных взрывчаткой и имевших запас горючего только до цели. «Камикадзе» — дословно «божественный ветер», тот самый ветер, который дважды спасал Японию. Оба раза, когда правитель монголов Хубилай подготавливал неисчислимую армаду кораблей, чтобы захватить Японские острова. И оба раза поднимался камикадзе, начиналась буря, и корабли захватчиков тонули. Было это в конце XIII века. В середине XX века, в августе 1945 года, камикадзе не смог спасти Японию от двух американских самолетов, несших в своем чреве атомные бомбы...

Позднее мой интерес к Японии проявился в том, что я научился довольно бегло говорить по-японски на несложные бытовые темы. Освоил японскую разговорную речь я так: в Сорбонне всегда училось немало японских студентов, которые с удовольствием давали уроки своего языка взамен уроков французского и особенно русского языка. Изучать русский язык японцы очень любили, а я знал этот язык с детства от своей бабушки Александры. Уроки японцев я записывал на магнитофон, грамматику японского языка и французо-японский словарь (фонетическая транскрипция была моим личным изобретением) составлял я сам. Но если разговорная речь далась мне легко, то освоить иероглифы было делом трудным, и я ограничился запоминанием самых необходимых. С этим лингвистическим багажом, немного позабытым, я и прилетел в Токио.

Аэропорт «Нарита» оказался в восьмидесяти километрах от столицы. Я взял такси и попросил отвезти меня поближе к центру города в какой-нибудь отель «для деловых людей». Отели такого рода бывают вполне приличными, с полным набором необходимых удобств и с минимумом пространства в номере. Таксист меня понял и предложил «Тобу-отель», расположенный недалеко от крупнейшей телевизионной компании «Эн-Эйч-Кэй». Я сказал, что мне все равно. На самом деле местоположение отеля, по некоторым соображениям, очень меня устраивало. Тем более что в Токио я прилетел в субботу.

Первая часть пути от аэропорта до города мне показалась прекрасной. Мы молниеносно пролетели километров пятьдесят по хорошему шоссе, и я уже видел себя отдыхающим в номере, когда темп нашего движения резко замедлился и пришлось с удивлением обнаружить, что такси тихо двигается по узкому железному желобу шириною в две автомашины. Впереди и сзади тянулись бесконечные вереницы автомобилей, по бокам металлические стенки желоба — ни свернуть, ни сойти нельзя.

Оставшиеся километры мы добирались два с половиной часа. Это время мне пришлось потратить на размышления о том, кто придумал автомашины, а заодно и «железные дороги» для них.

Бурное развитие техники в Японии привело к тому, что в этой стране научились делать, кажется, самые лучшие в мире автомобили и в самом большом количестве. Зато из-за массового пользования автомобилями передвижение в Токио с помощью этого вида транспорта фактически потеряло всякий практический смысл. Наша дорога напоминала медленно колышущуюся гигантскую ленту фантастического конвейера, где детали двигались сами собой — и этими деталями были автомобили.

Мы прибыли в гостиницу, когда мне стало казаться, что перпетуум мобиле все-таки существует и увлекающий нас железный поток действительно не имеет ни конца, ни начала. По обычаю японских таксистов, мой водитель не взял чаевых и отсчитал мне сдачу до последней иены. Я с уважением посмотрел на представителя единственной в мире корпорации таксистов, не берущих на чай, и подумал, как долго смогут они еще продержаться под натиском цивилизации.

На другой день, в воскресенье, я пошел погулять по городу. Поднялся вверх по улице, ведущей от «Тобу-отеля» к «Эн-Эйч-Кэй», и увидел большого лисенка. Он был в полтора человеческих роста, с огромной головой, в широченных шароварах и черной курточке. Лисенок важно вышагивал в своих здоровенных сабо, а за ним двигался строй пяти-шестилетних ребятишек в синеньких курточках и белых коротких штанишках. Замыкал это шествие оркестр. Я не понял, по какому случаю двигалась эта манифестация, но бодро зашагал за оркестром. Вскоре мы оказались в парке, примыкавшем к «Эн-Эйч-Кэй». Здесь на одной из аллей, по которой в будние дни сновали автомобили, а сегодня в связи с воскресеньем движение транспорта было запрещено, собрались «прыгающие мальчики». Их были сотни, а мо-

жет, и тысячи. Они собирались кружками, в центре которых ставился магнитофон, и каждая компания танцевала на свой лад и под свою музыку. При этом девочек, точнее, девушек среди «прыгающих мальчиков» было гораздо больше, чем юношей.

Я медленно двинулся вдоль аллеи, от одного круга танцующих к другому. Наконец дошел до места, где над аллеей был перекинут мостик для пешеходов. Здесь мне следовало остановиться и подольше посмотреть на ближайших ко мне танцоров. Вскоре одна из танцующих компаний решила передохнуть. Двое молодых японцев, разговаривая между собой, направились в мою сторону. Неожиданно один из них посмотрел на меня и вежливо поздоровался.

— Какая неожиданная встреча! — воскликнул он. — Мир воистину тесен! Совсем недавно мы с вами, мсье, встречались в Париже, а сегодня я вижу вас в Токио!

— Мир действительно тесен, — отвечал я. — Рад встретиться с вами в Токио. Говорят, у вас здесь тоже есть Эйфелева башня? Я приехал только вчера и не успел еще осмотреть город.

— Это даже к лучшему! Я и мои друзья с удовольствием поможем вам посмотреть и столицу, и часть страны. А наша Эйфелева башня немножко меньше вашей. — Японец хитро улыбнулся и добавил: — По счастливой случайности у меня с собой имеется фотография вас и вашей спутницы в «Лидо».

И он протянул мне великолепное цветное фото, на котором сияла Жаклин, рядом с нею красовалась моя настороженная физиономия, а вокруг были японцы. Это уже был сюрприз к паролю. Только теперь я понял, почему Куртьё так неожиданно отправил нас с Жаклин в «Лидо». Ему нужно было показать японцам своего будущего представителя в Токио, и они, конечно, тайком (фотографировать в «Лидо» запрещено) сфотографировали меня, чтобы потом узнать в лицо. А я-то ломал голову, как японцы найдут меня среди «прыгающих маль-

чиков». Ведь на бумажке, находившейся внутри бронзового Ганеша, был написан пароль, время и место встречи в Токио и добавлено, что связной подойдет ко мне сам.

Новые знакомые, один из них назвался Кусака, другой — Симидзу, мне понравились. Высокие сухоощавые японцы со спокойным, несколько ироничным взглядом. Держались просто и доброжелательно, без излишней восточной учтивости. Они предложили мне сразу же проехать на место встречи с «теми, кто ждет вас», а завтра показать Токио. Я спросил, где намечена встреча.

— Это в ста двадцати километрах к северу от Токио, в курортном местечке Никко, — сказал Кусака. — Там чудесное горное озеро, очень красивый водопад и, наконец, великолепный храм, связанный с эпохой первого сёгуна из династии Токугава. У нас, знаете, были императоры и были сёгуны. Самый первый сёгун известен с 1192 года. Сёгун был фактическим правителем страны, он лишал императора реальной власти. Первая династия сёгунов Минамото длилась до 1333 года. Потом, до 1573 года, у власти были сёгуны из династии Асикага. И последние сёгуны, с 1603-го по 1867-й год, были из рода Токугава. Потом у нас была Мэйдзи исин — реставрация, просвещенное правление. Император восстановил свою власть и вместе с дворянством стал проводить социально-экономические преобразования.

— Вы хорошо знаете историю своей страны, Кусака-сан, — сказал я, чтобы поддержать разговор. — А как последнего сёгуна отстранили от власти?

Я читал кое-что о «революции Мэйдзи», сильно повлиявшей на развитие Японии, — это была незавершенная буржуазная революция, но меня интересовали объяснения самих японцев. Разговаривая, мы потихоньку пересекли парк, направляясь к стоянке автомашин.

— Все началось с американцев, — усмехнулся Кусака. — В 1853 году американская эскадра подошла к городу Эдо — так назывался тогда Токио. Командовал

эскадрой адмирал Перри. Он с присущим американским военным «демократизмом» предложил сёгуну заключить договор между США и Японией, в противном случае грозил обстрелять Эдо с американских военных кораблей. Договор был простым: разрешить американским кораблям заходить в два японских порта. Через пять лет, правда, договор усовершенствовали: Япония должна была пригласить американских военных советников и закупить американское вооружение. Удивительно постоянный народ эти американские генералы, они и сейчас все требуют, чтобы мы как можно больше вооружались... И как сейчас, тогда мы тоже согласились.

Я знал, что произошло в середине прошлого века, когда Перри предъявил свой ультиматум. Прежде всего, сёгунат растерялся. Впервые за столетия сёгунат обратился к императорскому двору в Киото за советом: как отнестись к ультиматуму иностранцев. Императорский двор, как и большинство феодалов Японии — дайма, выступил против договора с американцами. Но американская эскадра вошла в залив Эдо, и сёгунат капитулировал. Это вызвало большое недовольство феодалов и буржуазных кругов внешней политикой сёгуна. Образовалось движение за «изгнание варваров» — иностранцев.

Ну, а внутренней политикой сёгуна были недовольны уже давно и самые разные слои населения. В 1866 году был неурожай, затем голод и «рисовые» бунты. Тем временем Англия стала предлагать военную помощь южным княжествам, которые поддерживали императора. Для его защиты южане прислали свои отряды в Киото.

— В ноябре 1867 года, — продолжал между тем Кусака, — оппозиция сёгунату заставила последнего сёгуна Кейки отказаться от верховной власти и отдать ее вступившему на престол 15-летнему императору Муцухито. Но Кейки все еще надеялся управлять страной от имени императора. Однако в Киото восторжествовали противники сёгуна, и в январе 1868 года император

своим декретом лишил сёгуна власти. Было создано правительство, которое, как и императора, стали охранять самураи из южных княжеств. Сёгун, конечно, двинул свои войска против Киото, но их разбили. Кэйки бежал в Эдо, потом сдался императору. А Эдо переименовали в Токио, что означает «восточная столица», и туда переехали император и правительство. Вот и вся наша тысячелетняя история... Как видите, иностранная военная помощь вечно вовлекала нас в какие-то коллизии...

Япония — красивая страна. Пока мы ехали в Никко, я созерцал аккуратные домики, мелькавшие за окнами автомашины, и не менее аккуратные маленькие поля, ухоженные трудолюбивыми крестьянами. И размышлял о своеобразной, местами труднопонятной европейскому мышлению истории этой страны и психологии ее народа. Трудолюбие, честность и верность долгу воспитываются в семье. От ребенка требуют, чтобы он учился и получил хорошую специальность, чтобы содержать в достатке своих стареньких родителей. Ребенок растет в уважении к родителям и знает, что самые страшные бедствия — землетрясение, пожар и... гнев отца. Промышленность получает готовых работников, если говорить о трудолюбии и ответственности за свое дело. Работник, как правило, всю жизнь предан одному предприятию, и если оно не выплачивает позднее ему пенсии, то, перед тем, как уйти на отдых по старости, в свою последнюю получку он получает столько месячных окладов, сколько лет проработал на данной фирме. Преданность поощряется.

Я не заметил, как характер ландшафта изменился, мы въезжали в предгорья. Наконец наша машина подъехала к небольшому симпатичному городку, застроенному двухэтажными домиками. Свернули налево в проулок и оказались во дворе гостиницы.

Нас провели в красиво обставленную комнату с европейской мебелью. В комнате находились шесть человек, которые встретили меня по всем правилам японского гостеприимства. Когда же положенные церемонии были

окончены, один из присутствовавших, видимо старший, перешел на сугубо деловой язык, принятый у американских бизнесменов.

— Виктор-сан, — так начал он, — вы видите перед собой представителей одной из самых тайных организаций на земле — Общества Миллион Неизвестных. Наше общество возникло после второй мировой войны, но истоки его восходят к Обществу Девяти Неизвестных, основанному незабвенным императором Индии Ашокой. Кроме Японии, наше общество имеет сторонников во многих странах, прежде всего в Индии и Европе. Особенно много разделяющих наши взгляды в Скандинавии.

Дальше я узнал, что у общества две благородные цели, как выразился японец. И первая из них — спасти мир от возможной ядерной войны.

— И не только ядерной, — продолжал старший. — Сегодня разрабатываются новые, ранее неизвестные способы массового уничтожения людей. Наша задача — не допустить этого уничтожения. К глубокому сожалению, в мире существует немало ненормальных, занимающихся подготовкой мировой войны. Военные в США, например, планируют к концу нашего века, а точнее, к 1990 году иметь запас ядерного оружия в 12 миллионов килотонн условного тротилового эквивалента.

Я представлял себе, что это такое. Этого хватило бы на миллион Хиросим! Если исходить из того, что в Хиросиме во время атомного взрыва погибло сто тысяч человек сразу и сто тысяч позже от лучевой болезни, то двести тысяч человеческих жизней, умноженные на миллион, превращаются в двести миллиардов! Много раз можно убить каждого человека на земном шаре!

Между тем японец стал мне разъяснять, что вторая благородная цель Общества Миллион Неизвестных — предотвращение грозящих нашей планете крупных природных катаклизмов.

— Вы понимаете, — говорил он, — нас, японцев, это особенно волнует. Наша маленькая страна расположена

в той части земного шара, где постоянно происходят сдвиги в пластах земной коры. В Японии ежедневно регистрируется три-пять землетрясений. Мы привыкли к землетрясениям и даже к цунами, если только можно привыкнуть к таким явлениям. Борьба со стихийными бедствиями, точнее, с их последствиями традиционна для нас и сопровождается после каждой катастрофы определенным историческим оптимизмом: следует сделать шаг вперед... Возможно, европейцам это понять сложно.

Я заметил, что европейцев действительно удивляет популярность в Японии фильмов, в которых поднимающиеся из моря разные чудовища уничтожают их страну.

Мой хозяин сдержанно улыбнулся.

— Вы имеете в виду «Годзиру»¹, или «Гибель Японии», по книге Саке Комацу?² Но если знать нашу историю и учитывать особенности нашей географии, то нас можно понять. Древние мифы гласят, что Японские острова создали два бога — Идзанаки и Идзанами. Их имена можно было бы расшифровать как «первый мужчина» и «первая женщина», хотя это не совсем точно. Высшие боги даровали им копьё, которым Идзанаки и Идзанами стали месить морскую воду. Потом они подняли копьё, и загустевшие капли, упавшие в океан, образовали Японские острова. Все было бы хорошо, если бы Идзанами не вздумала создать бога огня Кагуцути. Он отправил в царство мертвых богиню-мать и стал с тех пор трясти землетрясениями наши острова. Эти легенды также в какой-то степени формируют нашу психологию, помогают философски относиться к стихийным бедствиям.

— Как говорят мои соотечественники — «ищите женщину». Если бы Идзанами не создала бога огня, все было бы спокойней. И если мне не изменяет память, Японские

¹ В английском произношении «Годзила».

² В русском переводе книга Саке Комацу называется «Гибель дракона».

острова были созданы со второй попытки. Из первой ничего не вышло, поскольку во время брачной церемонии Идзанами произнесла слова обряда раньше мужа. Только после второго брачного обряда, когда первому дали слово мужчине, то есть Идзанаки, острова получились такими, какими должны были быть. Возможно, с этого момента вы правильно определили место женщины в семье — второе после мужчины... Может быть, поэтому у вас хорошие семьи?

— Мало того, что вы неплохо разбираетесь в наших мифах, Виктор-сан, вы еще, оказывается, и большой шутник. А если серьезно — японцы особенно чувствительны ко всему, что связано со стихийными бедствиями. Не случайно Куртьё-сенсей¹ легко нашел с нами общий язык: его по-настоящему интересует проблема катаклизмов, природных и искусственных. И мы с удовольствием сотрудничаем с ним.

После столь длинного предисловия японец наконец перешел конкретно к делу. Речь зашла об уже известной мне многонациональной фирме «Грейт пасифик энд атлантик ойл» и ее научных центрах. Больше всего японцев беспокоил компьютер этой фирмы на одном из островов Карибского моря.

— Координаты этого острова вы получили в Непале. В компьютер заложены программы искусственного оживления вулканов и организации засухи над Восточной Европой.

— Проект «Дождь Шүкры», — выпалил я, не подумав, что могу навести на след Питера.

— О! Этого мы Куртьё-сенсею не сообщали! Значит, у вас есть свои источники информации? Тем лучше. Компьютер надо уничтожить обязательно! Сначала мы хотели предложить Куртьё-сенсею взорвать с нашей помощью весь остров. Но выяснилось, что компьютер заминирован. Видимо, авторы проекта боятся разоблачения

¹ Уважительное обращение к заслуженному деятелю.

и, чтобы избежать в будущем ответственности, хотят взорвать его при необходимости сами.

— У вас на острове свои агенты? — поинтересовался я.

— Да. И не только японцы. Они-то и подсказали нам, как проще и надежнее уничтожить накопленную в компьютере информацию. Вы уж извините нас, Виктор-сан, но мы люди ответственные и вынуждены все проверять по нескольку раз, подстраховываться, чтобы избежать ошибок. Не удивляйтесь, что мы попросили уважаемого Куртьё-сенсея поручить именно вам миссию в Японии. Дело в том, что один из главных кибернетиков — руководителей компьютера на острове — член нашего Общества, и он дал вам лестную характеристику. Вот почему мы с вами так откровенны.

Это для меня было новостью: интересно, кто мог меня знать на острове? Но спросить об этом я не решился. Между тем японец со всяческими церемониями вручил мне два подарка. Сначала — небольшой магнитофон с наушниками «Вокман» для прослушивания музыки в самолете и разных общественных местах.

— Передайте его, пожалуйста, Куртьё-сенсею, — сказал японец. — Он знает, как с ним обращаться. Там внутри закодированы все наши предложения. Если кто-то посторонний вскрыет аппарат — сообщение автоматически уничтожится.

Вторым подарком оказалась белая собачка. Я был знаком с ее устройством — в Гонконге фирма, принадлежащая Куртьё, делала точно таких же собачек. Если нажать у собачки кнопку под брюхом, она начинает ходить, встает на задние лапки, лает.

— Если вам или Куртьё-сенсею будет срочно необходима наша помощь, — сказал японец, — привезите эту собачку в Люксембургский сад и включите ее на несколько минут. Не позднее чем через час наш человек подойдет к вам. Как вы, наверное, догадались, внутри собачки — миниатюрный радиопередатчик. А рядом

с Люксембургским садом — квартира, где круглосуточно дежурят наши люди... — Японец помолчал. — Вот и все, что мы хотели бы вам сказать, Виктор-сан. Если у вас есть желание, советую съездить в Киото. Ведь вы впервые в Японии, насколько я знаю. Не пожалейте одного-двух дней, познакомьтесь с нашей древней столицей. Не беспокойтесь, мы позаботимся, чтобы никто в Японии не проявлял суетного интереса к вашей персоне. Нам известно, что случилось с вами в Непале, здесь это будет исключено. Так что можете позволить себе денек отдохнуть.

Гостеприимные хозяева предоставили в мое распоряжение просторный номер с европейской мебелью, чему я весьма обрадовался, так как спать на татами¹ у меня не было желания.

Утром Кусака и Симицзу предложили посмотреть резиденцию сёгуна и погулять по окрестностям Никко.

— По-японски «Никко» означает «солнечное сияние», — добавили они. — Это одно из живописнейших мест нашей страны. У нас существует даже поговорка: «Не говорите «изумительно», пока не увидите Никко».

Я согласился «увидеть Никко», памятуя, что только в Японии можно увидеть то, что можно увидеть только в Японии... Ландшафт, архитектура, понимание гармонии и прекрасного — все это у японцев свое, ни с чем не сравнимое. Последняя мысль пришла мне в голову, когда я смотрел на красный лаковый мост в окрестностях Никко. Тот самый мост, который созерцал в 1889 году Редьярд Киплинг. По этому поводу Маленький Пилигрим² оставил нам в своих путевых заметках некоторые соображения о понимании прекрасного в окрестностях Никко несколько столетий назад.

— Японцы — хитроумные художники, — записал

¹ Татами — циновка из соломы.

² Будучи маленького роста, Редьярд Киплинг называл себя Маленьким Пилигримом.

в своем дорожном дневнике автор «Книги джунглей» и рассказал далее следующую историю.

Когда-то давным-давно полюбоваться ручьем в Никко приехал великодушный Повелитель. Он посмотрел на темно-зеленый поток, бегущий по серо-голубым валунам, на серебристые стволы криптомерий¹, росших по берегам ручья, затем взглянул на обрамлявшие пейзаж отроги лесистых гор, на зеленевшие внизу по течению крестьянские поля и задумчиво произнес:

— Для того чтобы связать все это воедино, необходимо яркое пятно на переднем плане.

Проверяя свои слова, он поставил под деревьями мальчика в бело-голубом. Старик нищий, ободренный благодушием Повелителя, осмелился попросить у него милостыню. В древности Великие обладали привилегией пробовать закалку своего клинка на попрошайках и им подобных. И вот Повелитель совершенно механически, не желая, чтобы его беспокоили, отсек старику голову. Кровь брызнула потоками чистой киновари на гранитные глыбы. Повелитель улыбнулся:

— Случай разрешил загадку. Построй-ка здесь мост, — приказал он придворному плотнику, — мост такого же цвета, как эта кровь на камнях. Рядом поставь мост из серого камня, так как я не забываю о нуждах простого люда.

Повелитель подарил мальчику тысячу золотых монет и отправился своей дорогой. Ему стало грустно, и он сказал:

— Искусство есть искусство, оно требует любых жертв. Все-таки я сочинил пейзаж. Не забудьте унести труп и помолиться за обнажившуюся душу.

В Киото я все же не поехал. «Легионеры» в Непале отбили у меня желание к излишним передвижениям. К тому же полученную мною информацию нужно было

¹ Криптомерия — вечнозеленое дерево, достигающее 50—60 метров высоты и 2 метров в диаметре ствола.

как можно быстрее доставить Куртьё. Вот почему я попросил Кусаку-сан достать мне поскорей билет на самолет до Парижа. «Хай», — невозмутимо ответил японец, что означало «да», «будет выполнено», «согласен» и множество других утвердительных понятий. Через день я снова был в воздухе. На сей раз мой путь в Париж пролегал через СССР с посадкой в Москве. Японцы предложили мне воспользоваться самолетом Ил-62 русской компании «Аэрофлот». Это было надежнее и гарантировало от неожиданных террористических актов.

ПАРИЖ — СОЛОНЬ

Честно говоря, я не надеялся, что меня встретят в аэропорту «Шарль де Голль». Никаких телеграмм о своем прилете из Токио я не давал, чтобы не обнаружить себя. Но провожавшие меня японцы заверили, что они сами, через своих представителей во Франции, уведомят Куртьё о моем приезде. Больше всего меня волновало, нет ли за мной слежки.

Я летел первым классом и потому мог выйти из самолета одним из первых. Пройдя через «рукав» в зал, я не спеша огляделся: ничего подозрительного. Тогда я быстро пошел по длиннющей ленте эскалатора без ступенек, двигавшейся в сторону залов таможенного контроля. Кажется, никто не бросился за мной следом, дождавшись своих чемоданов, я погрузил их на тележку и поехал к выходу. И тут увидел Жоржа. Он подошел ко мне с таким видом, как будто мы расстались десять минут назад.

— Салют, Виктор! Все в порядке?

— Привет, Жорж! Вроде бы в порядке.

— Наши планы такие, — сказал Жорж, едва мы сели в его «пежо», — сейчас ты поедешь в ресторан, где будешь обедать с шефом. А я тем временем отвезу твои вещи в гостиницу: несколько дней поживешь в Париже, профессор просил тебя посетить кое-какие лаборатории,

прежде чем отправиться в Солонь. Какую гостиницу ты предпочитаешь — «Мэридиен» или «Калифорнию»?

— Ты знаешь, я не очень люблю достижения цивилизации в гостиничном деле. Поэтому большим модерновым муравейникам предпочитаю скрипящие полы старомодных гостиниц. (О том, что «Калифорния» связана в моих воспоминаниях с Жаклин, я умолчал.)

— Значит, «Калифорния». Полы там, правда, не скрипят, но в этом отеле есть что-то от прежних времен. К тому же там удивительно тихо, хоть это и рядом с Елисейскими Полями.

— Договорились!

— А теперь перед обедом расскажи, чем тебя угощали в заморских странах.

— Увы, везде кормили китайской едой или водили в китайские ресторанчики — и в Дели, и в Катманду, и в Токио. Даже смешно. Как будто нигде нет своей национальной кухни. Ну, в Дели мой друг объяснил это тем, что индийцы не жалуют ни рыбу, ни мясо, а кормить соотечественника одной растительной пищей неудобно. Хотя говорят, что по-настоящему приготовленные овощи в Индии по вкусу похожи на мясные блюда. В следующий раз обязательно попробую. А из Токио пировать отвезли в китайский квартал в Йокогаме, там рядом. И только после моих просьб накормили по-японски. И, скажу тебе, неплохо.

— Сегодня тебя тоже хорошо покормят. Смотри, уже подъезжаем.

Мы были на Елисейских Полях, и машина свернула к «Лёдуаюену». Куртьё во всем отличался хорошим вкусом. История ресторана, к которому мы подъехали, была мне известна.

«Лёдуаейен» всегда был неотъемлемой частью Елисейских Полей. Расположенный в нижней части Полей, в парке, этот ресторан сохранился в персональном каменном павильоне, несмотря на все революции и войны. Возник он еще в XVII столетии, когда по нынешним

Елисейским Полям бегали козы и лисы, а прохожему предлагали парное молоко, которое при нем выдаивали у пасшейся на лугу коровы. Вокруг были болотца и огороды. Во времена революции здесь процветало несколько кабаре. Одно из них, содержавшееся неким Демазюром, купил Антуан Дуайен, сын трактирщика. Он и преобразовал кабаре в ресторан. Дуайен знал свое дело, и заведение его стало популярным. Во всяком случае, в ресторане бывали и Робеспьер, и Сен-Жюст, и Баррас, и молодой генерал Бонапарт. Особенно расцвел ресторан при Второй империи, и в то время — видимо, для солидности — его переименовали из «Дуайена» в «Лёдуайен».

«Ну что ж, — подумал я. — Выбрав «Лёдуайен», профессор специально хочет подчеркнуть историческую значимость выпавшей мне миссии. Постараемся доложить все как следует. Заодно отдадим должное лангустам, которых лучше, чем в Париже, все же нигде не готовят». Последняя идея возникла у меня при виде здоровенных лангуст, плававших за стеклом большого аквариума в вестибюле ресторана.

Куртьё поздоровался со мной безо всяких внешних эмоций. Во время обеда я подробно изложил результаты своей поездки. Поль предупредил меня, что я могу говорить свободно (в зале мы были с ним одни), так как служба безопасности провела работу, гарантирующую отсутствие подслушивающих устройств.

— У нас старые связи с этим рестораном. Я питаю к нему необъяснимую слабость, возможно, из-за его истории. Поэтому порой здесь обедаю, — сказал Куртьё.

Когда я сообщил, что, по переданным мне сведениям, в Солони есть предатель и это — Мари, Поль нахмурился.

— Что-то здесь не так! — сказал он. — Я не собираюсь утверждать, что не ошибаюсь в людях, но в Мари я верю. Она влюбчива, непостоянна в любви, однако по своей натуре не очень подходит для роли предатель-

ницы. Впрочем, — он нахмурился, словно споткнулся о какую-то мысль, — разберемся.

Мне тоже хотелось верить, что синеглазая брюнетка, которая одним своим присутствием создавала жизнерадостную атмосферу в нашем клубе, не может быть предательницей. Я так и сказал об этом Полю. Он рассмеялся:

— Хочешь, Виктор, мы вместе с тобой выясним, в чем тут дело? И безо всяких детекторов лжи.

— Я готов, профессор.

Обед прошел отлично. Холодные и горячие лангусты были превосходны. Куртьё внимательно слушал меня и добавлял к моему рассказу массу интересных или смешных деталей о Непале, Индии и Японии. Знал он эти страны прекрасно. Однако финал нашей встречи был совершенно неожиданным.

Мы уже вышли из ресторана и я попрощался с Полем на лужайке перед зданием, когда к ресторану медленно подъехал длинный, с тремя дверцами, «мерседес». На заднем сиденье восседал какой-то солидный благообразный тип, по виду — не меньше чем генеральный директор крупной фирмы. Спереди рядом с шофером сидел молодой человек, похожий на секретаря генерального директора. Поль в это время подошел к своей машине, возле которой стояли два охранника, и взялся за ручку двери.

Внезапно я увидел, как стекла в окнах «мерседеса» поползли вниз и в руках у «генерального директора» и «секретаря» оказались автоматы.

Готов поклясться, что охранники Куртьё не успели сделать ни одного движения, сам я не успел крикнуть, а автоматы вдруг исчезли и люди, находившиеся в «мерседесе», поникли и стали заваливаться на сиденья. «Мерседес», тихо урча, въехал на газон и уткнулся в дерево.

Поль между тем как ни в чем не бывало сел в свой автомобиль и уехал. Я же, как и намеревался, пошел пешком вверх по Елисейским Полям к гостинице «Кали-

форния». Правда, я все же успел заметить в дверях ресторана физиономию одного из наших охранников, державшего в руках стереофонический магнитофон «Филипс». По всей видимости, это был замаскированный излучатель, поразивший бандитов.

Потрясенный увиденной сценой, я подумал, что дела становятся весьма серьезными, если наши противники решились на убийство Куртьё. Только кто дал приказ его убить? Могущественная фирма «Грейт пасифик энд атлантик ойл»? Или это инициатива гангстеров, обозленных аварией автокрана и вертолета? Впрочем, могущественные фирмы сами не организуют убийств. Обычно с такими делами они обращаются за помощью к «своим людям» в разведывательных организациях. Те тоже не пачкают рук кровью, а просят об «услуге» какой-нибудь гангстерский синдикат... Мне иногда кажется, что пожелай разведки и контрразведки главных западных стран покончить с мафией — и от гангстерских синдикатов остались бы одни воспоминания. Но мафия кое-кому нужна для политических дел, особенно со времен второй мировой войны... Вот и держат ее, как злого пса, услугами которого порой приходится пользоваться. Ну а то, что этот пес кого-нибудь время от времени загрызет — уже «издержки производства», то бишь политического бизнеса.

Я успел пройти только половину Елисейских Полей, когда из остановившейся рядом автомашины вышел один из наших охранников.

— Простите, мсье Виктор, — сказал он. — В связи с покушением на профессора дано указание отвезти вас вместо гостиницы на конспиративную квартиру, где вы проживете несколько дней, необходимых вам, чтобы закончить все дела в Париже. Ваши вещи будут туда доставлены.

И мы поехали в потайное убежище, находившееся неподалеку от Восточного вокзала на одной из самых своеобразных торговых улочек Парижа — Рю де пара-

ди¹, где истари скопилось огромное число магазинчиков, продающих хрусталь, фарфор и стекло.

Меня слегка загримировали. Кроме того, мне предложили одежду, принципиально отличавшуюся от нравившихся мне фасонов. Поскольку в зеркале я себя не узнавал, то уже через день решил пройтись по стекольным магазинам и, налюбовавшись баккарой, лиможским фарфором и богемским хрусталем, купил для Жаклин великолепную дымчатую вазу из мозерского стекла оригинальной формы. Я знал, что Жаклин в Париже, у родителей, и ваза была хорошим предлогом познакомиться с ними.

Через три дня, посетив необходимые лаборатории и освободившись от дел, я позвонил на квартиру Жаклин. К телефону подошла ее мать. Представившись по всей форме, я попросил позвать Жаклин.

— Она придет через час, — сказала женщина, которую я заочно очень хотел видеть своей будущей тещей.

— Тогда разрешите мне заехать к вам сейчас. У меня для вас есть посылки, — неожиданно для себя выпалил я.

— Пожалуйста, Виктор. Жаклин будет рада вас видеть. Она много рассказывала о вас...

— Это уже хуже. А вдруг я вас разочарую?

— Постарайтесь этого не делать. К тому же моя дочь не будет дружить с плохим человеком... Ей вообще-то очень не просто угодить. Так что крепитесь и старайтесь сохранять форму. Я вас жду.

Когда она повесила трубку, я начал размышлять, что значит «сохранять форму».

Может быть, не разочаровывать в будущем ту, которую я люблю? Жаклин мне как-то говорила, что не выносит мужчин, опустившихся после свадьбы или нескольких лет семейной жизни, что терпеть не может мужчину в сочетании с домашним халатом и диваном. Мне

¹ Дословно — «Райская улица».

по складу моего характера вроде бы это не угрожало. По крайней мере в ближайшие тридцать лет жизни.

Продолжая рассуждать про себя о том, что же все-таки означает «сохранять форму», я тем временем разгримировался, облачился в нормальный костюм и снес в машину тибетский коврик с драконами, безделушки из восточной бронзы, бирюзу, китайское «королевское желе», мумиё и мозерскую вазу и, внутренне насмехаясь над своими буржуазными замашками, поехал к Люксембургскому саду, неподалеку от которого жили родители Жаклин.

Ташить все подарки незнакомым людям я все-таки постеснялся и, прихватив только мумиё, маточкино молочко и бирюзу (удобные темы для разговоров), нажал на кнопку звонка у входной двери. Из динамика женский голос спросил: «Кто там?» Я ответил, и короткое жужжание возвестило, что замок открылся. Дом был прошлого века с мраморным парадным, великолепной широкой лестницей и маленьким старинным лифтом, в котором с трудом могли уместиться три человека.

Дверь квартиры открыла симпатичная блондинка лет сорока пяти, покроем своего белого костюма походившая больше на англичанку из высшего общества 30-х годов, чем на современную парижанку. Лицом она была похожа на Жаклин (правильнее было бы сказать — Жаклин походила на нее), и я сразу понял, что моя невеста и в пожилом возрасте будет красивой и сохранит хорошую фигуру.

— Здравствуйте, мсье Виктор, — приветливо сказала хозяйка квартиры, — входите. Жаклин скоро придет. А меня зовут Иветт.

Меня сразу же провели в гостиную, мебель которой состояла из большого письменного стола, нескольких глубоких кресел и множества книжных шкафов со стеклянными дверцами. В глаза бросились красные с золотом этзелевские тома с произведениями Жюль Верна. Изображение маяка на верху корешка обложки свидетель-

ствовало, что это были самые первые издания великого фантаста.

— У вас что, все первые издания Жюль Верна? — не удержался я от вопроса.

— Все, — улыбаясь, ответила хозяйка. — Это муж собрал полную коллекцию. Он большой поклонник и знаток Жюль Верна. Я иногда поддразниваю его: говорю, что возьму какой-нибудь том и сменяю на новый автомобиль. Некоторые тома первого издания Верна очень дорогие — стоят почти столько же, сколько и автомобиль... Присаживайтесь! Что вы хотите? Виски, мартини, вино, коньяк, пепси-колу, кофе?

— Прекрасный способ испытать молодого человека! — рассмеялся я. — Заодно всегда можно определить, алкоголик он или наркоман. Если можно, чаю!

— Ну, что вы! — обезоруживающе улыбнулась хозяйка. — В наше время, к сожалению, мужчин, совсем не употребляющих спиртное, очень мало, а кофе и чай, вы правы, сильные стимуляторы. Знаете, во времена Великой Французской революции решили испытать, что быстрее убивает человека: чай или кофе. Двух приговоренных к смерти узников Бастилии стали поить каждый день одного четверть большими чашками чая, а другого четверть большими чашками кофе. Тот, который пил чай, дожил до семидесяти шести лет, а тот, кто пил кофе, — до восьмидесяти двух лет. Врач, наблюдавший за ними, и не пивший ни чая, ни кофе, умер в возрасте шестидесяти двух лет...

— Поучительная история, мадам. Но все же, с вашего разрешения, я буду настаивать на чашке чаю. И, если можно, липтонский «Эрл Грей». Я люблю привкус бергамотового масла, которое добавляется в этот чай. Грей, конечно, и не подозревал, что обессмертит свое имя, когда вывозил эту чайную смесь из Китая.

— Что ж, Виктор, в вашем возрасте еще все возможно. В том числе пить «Эрл Грей» или обессмертить свое имя. Позднее вы поймете, что не только тяга к сла-

ве, но даже этот сорт чая действует на сердце... За все удовольствия приходится расплачиваться. К тому же, боюсь, что теперь вместо плодов бергамота применяют химическую эссенцию. Но ваша просьба будет удовлетворена. Мой муж большой знаток чая, и у него на кухне специальный шкаф для хранения разных сортов этого напитка. Коллекция весьма обширная, начиная от японского жасминного и кончая индийским шоколадным. «Эрл Грей» у него, конечно, имеется. Вообще мой супруг коллекционер. Коллекционер редких книг, сортов чая, некоторых монет и других предметов, не очень нужных для хозяйства, но, видимо, необходимых для его души.

Отворилась дверь, и вошла Жаклин.

— Здравствуйте все! — широко улыбнулась она. — Мама, как тебе понравился этот молодой человек?

— По-моему, нормальный, -- осторожно ответила мадам Иветт.

— Нормальный! Ловлю тебя на слове, мама. Этот нормальный человек имеет вполне нормальные (и серьезные) планы стать твоим нормальным зятем. И лично я отношусь к этим планам вполне нормально. Надеюсь, ты тоже отнесешься ко всему этому нормально?

Это было неожиданным не только для мадам Иветт, но и для меня самого. До сих пор Жаклин никогда не позволяла себе шутить, да и вообще говорить на темы нашего супружества. Моя возможная будущая теща побледнела и испуганно-вопросительно посмотрела в мою сторону. Потом, немного придя в себя, сказала, стараясь выразить ироничность происходящему:

— Извините, Виктор! Для нашей дочери относиться с нормальной благосклонностью к молодым людям не является нормальным. Поэтому ее заявление следует рассматривать как не вполне нормальный для нее юмор или... как нормальную любовь. Последнее будет абсолютно ненормальным состоянием нашей дочери.

— Bravo, мадам Иветт! — не выдержал я. — Чув-

ствую, в семействе, которое может стать для меня родным, недостаток юмора вряд ли будет ощущаться!

Но тут мадам Иветт не выдержала и обняла дочь.

— Жаклин, это серьезно?

— Ты знаешь, мама, Виктор по-настоящему хороший парень, и лучшего зятя тебе не найти. Но главное — пока его не было, я поняла, что не могу без него... — И уже обращаясь ко мне: — Надеюсь, Виктор, ты не разлюбил меня, путешествуя по разным далеким странам? А то ведь современные девушки перед свадьбой совсем не спрашивают о согласии у своих будущих мужей.

Мне уже давно все было ясно. Просто мне крупно повезло. Я попал в очень хорошую, добрую семью людей, искренне любящих друг друга и скрывающих свои взаимные трогательные чувства за легкой, ставшей уже привычной иронией.

— Милые мои женщины, — обратился я к Жаклин и Иветт. — Не надо больше изощряться в остроумии. Не считите мои слова за глупую самонадеянность, мадам Иветт, но думаю, что вы получите зятя с хорошим характером. В вашу дочь я влюбился с первого взгляда и в тот же момент был готов предложить ей руку и сердце. Лучшую тещу, пожалуй, тоже грех искать. И знаете, не будет у нас с вами никаких современных семейных коллизий через двадцать, тридцать, сорок...

— Пятьдесят, шестьдесят, сто лет! — перебила меня Жаклин.

— Ну что ж, поверим этому самонадеянному заявлению на ближайшие двадцать лет, — улыбаясь, сказала мадам Иветт. Испуг в ее глазах, кажется, прошел.

Остаток вечера мы провели как задушевные старые друзья. У мадам Иветт были те же качества, что и у ее дочери: никакой искусственности, благожелательное, доброе отношение к собеседнику и простота общения, которая быстро создала такую атмосферу, как будто я уже много лет был завсегдатаем этого дома.

Потом мадам Иветт ушла.

Жаклин тут же подошла ко мне и, положив руки на плечи, посмотрела в глаза с грустной улыбкой.

— Я и сама не знаю, Виктор, как все это вырвалось у меня. Наверное, твое отсутствие обострило все мои чувства. Ты ведь не шокирован моими речами?

— Я готов слушать их бесконечно. Моего отношения к тебе я не скрывал с нашей первой встречи, только старался не приставать с сантиментами.

— И правильно сделал. Интуитивно ты избрал самый верный и единственный путь. Теперь уже ясно, что только ты и никто другой...

Она подошла ко мне и смело первая обняла меня, неумело поцеловав в губы. От нее чуть-чуть веяло тонкими духами. Нежная белокурая богиня. От волнения у меня закружилась голова.

— Ты знаешь, Жаклин, я не выношу сентиментальности. Я не выношу также, когда люди дают или требуют обещания верности в любви. Это пошло. Но ты для меня будешь всегда самой любимой, единственной женщиной. И я никогда не смогу сравнить тебя ни с кем другим на свете. И у нас будут хорошие, умные и очень добрые дети.

Моя невеста вдруг покраснела. А так как блондинки с нежной кожей краснеют очень сильно, то лицо ее стало пунцовым.

— Ничего, моя хорошая, не смущайся. Когда назначим свадьбу?

— Виктор, мой отец вернется из Чехословакии через четыре-пять месяцев. Я его очень люблю. Может быть, даже больше, чем маму. Давай отпразднуем свадьбу, как только он вернется.

— Согласен, хотя ждать пять месяцев — так тяжело...

— Ничего. Вдвоем мы с тобой справимся и не с такими трудностями. Ты знаешь, я очень старомодная, Виктор. Я, например, не понимаю, как можно выходить

замуж дважды. Это все родители мои виноваты... Особенно отец. Он всегда очень любил маму и до сих пор ее обожает. И подает мне пример мужской любви и верности, какой нынче уже не встретишь. Отец тебе понравится. У вас много общего — ты не обижайся, но ты мне сразу приглянулся потому, что я заметила в тебе черты, сходные с чертами моего отца.

На другой день я и Жаклин вернулись в Солонь. Мы настолько оба сияли, что скрывать от окружающих наши чувства не имело никакого смысла, и мы официально объявили в «кают-компании», что собираемся пожениться.

Последующие недели остались в моей памяти как какие-то очень счастливые мгновения. Правда, один эпизод выпадал из этого радостного круговорота. Случилось это через два дня после нашего возвращения в городок. Куртьё сообщил мне по миниатюрной рации, что просит быть у него в кабинете ровно через час. Когда через час я подошел к кабинету, то увидел входившую туда Мари.

Усадив нас в кресла, Куртьё начал без предисловий.

— Мари, — сказал он, — мы получили данные, что вы шпионка и работаете на другую фирму. Что вы можете сказать в оправдание?

Я впервые увидел, как наша насмешливая красавица Мари растерялась. Она побледнела, потом, глядя профессору в глаза, произнесла:

— Поль, вы же знаете, что я по своему характеру не могу быть предательницей (в глазах Поля при этих словах мелькнуло что-то странное, как и тогда в ресторане). Я не шпионка, я не работаю ни на какую фирму и я не выдала никаких наших секретов. Пока. Но я влипла в нехорошую историю. — Она открыла сумочку и достала оттуда черную бархатную коробочку. Внутри лежал необыкновенной красоты крупный синий самоцвет. — Это редчайший синий бриллиант из индийских сокровищниц, — сказала Мари. — И мне его подарили, а я не удержалась и приняла подарок.

— Кто подарил? — сухо спросил Куртьё, внимательно рассматривая бриллиант.

— Несколько недель назад во время отпуска я была в Монте-Карло, где играла в рулетку. Во время игры со мной познакомился красивый швейцарец, Жак. Мне он очень понравился, и мы стали встречаться. Кажется, я серьезно влюбилась. Потом мы с ним отправились на его автомашине в Женеву, где у родителей Жака роскошный особняк недалеко от города. Жак пылко клялся мне в любви, и я решила, что наконец нашла своего избранника. В Женеве мой поклонник подарил мне этот бриллиант, сказав, что его родственники крупные банкиры, а этот индийский камень — семейная реликвия, переходящая из поколения в поколение и всегда достающаяся старшему сыну. «Этот синий алмаз словно специально создан для твоих глаз», — добавил он. А поскольку я обещала выйти за него замуж, он хотел бы видеть кулон с камнем на моей груди. Я понимала, что бриллиант стоит фантастических денег, но отказаться не смогла.

— Он солгал, твой обожатель, — хмуро сказал Поль. — Этот камень не из Индии, а из маленькой страны, расположенной недалеко от Индии. И куплен он на аукционе в Швейцарии относительно недавно. Я это знаю точно, поскольку камень раньше принадлежал мне.

Мы с Мари открыли рты от удивления. Потом Мари продолжала:

— Бриллиант — только начало истории. Ее продолжение последовало здесь, в Париже. Я встречалась с Жаком трижды, и во время последней встречи он откровенно объявил мне, что связан с конкурирующей с нами фирмой, очень могущественной, и что его убьют, если я не буду ему рассказывать, что делается у нас и чем мы вообще занимаемся. До этого Жак никогда не спрашивал меня про мою работу. Я вспыхнула и попросила уточнить, не подстроено ли все это — и любовь, и бриллиант, и особняк. Он погрузстнел и сказал, что

подстроенной была только наша первая встреча, а камень, особняк и любовь — настоящие. Он действительно сын очень богатых родителей и действительно влюбился в меня. Вы знаете, у меня масса недостатков, но я не терплю лжи, и я так разозлилась, что ушла, хлопнув дверью. Бриллиант, которого у меня в тот момент не было с собой, я пообещала вернуть обратно... — Мари помолчала. — Случилось все это два дня назад. Я хочу вернуть драгоценность Жаку, но не хотела бы встречаться с ним. Все, что я сказала, Поль, чистая правда, и я прошу мне верить.

Куртьё вдруг широко улыбнулся.

— Мари, — сказал он, — я тебе полностью верю, да и никогда не сомневался в твоей верности нам, о чем сразу же сказал Виктору. Но в твоей легкомысленности я тоже никогда не сомневался. Увлечения твои известны, и однажды они могут всем нам дорого обойтись. Давай сделаем так: бриллиант мы передадим твоему Жаку сами, а ты посиди на месте и не высовывай своей красивой головки с территории городка.

Так закончился наш разговор. Прошло еще несколько дней, и меня снова попросили вечно зайти к профессору.

ГВАДЕЛУПА, ОСТРОВ ШУ И ОСТРОВОК АВЕС В КАРИБСКОМ МОРЕ

Короткий дождь кончился. Над океаном поднималась нежная радуга. Она достигала четверти небосклона и пропадала в облаках. Почти соперничая своими броскими купальными костюмами с цветами радуги, на палубе нашей роскошной яхты возлежали в живописных позах четыре красавицы, один вид которых говорил, что не перевелись еще на свете богатые бездельники, позволяющие себе предпринимать увеселительные прогулки с девочками по старым пиратским маршрутам в Карибском море. К бездельникам относились владелец яхты миллионер Жозеф, сын крупного золотопромышленника

из Южной Африки (он же сын небогатых родителей Жорж Ривэ), и его друзья — «золотая молодежь», в число которых официально входил и я.

Роль палубных красавиц — они почему-то ассоциировались у меня с тропическими бабочками — выпала на долю Жаклин, Колетт, Мари и Катрин. Внешний вид изображаемых ими девиц должен был отвлекать внимание излишне любопытных людей на встречающихся нам судах от подлинной цели плавания «Авроры» — так называлась наша яхта. Я сильно подозревал, что наши высокоинтеллектуальные красавицы в душе проклинали выпавшую им роль экзотических чешуекрылых, но вида не подавали и щеголяли друг перед другом, а также перед нами вульгарными манерами и яркими безвкусными туалетами.

О предстоящем путешествии на яхте по островам Карибского моря я узнал в тот день, когда меня срочно вызвали к Куртьё. На этот раз профессор попросил встретиться с ним не в его кабинете, а в лаборатории-аквариуме, где ранее мы испытывали «барракуду». В этом высоком и просторном помещении, напоминавшем большой спортзал, находился гигантский стеклянный аквариум, уровень воды в котором был выше пола на четыре-пять метров. Состав воды в аквариуме соответствовал морской. В огромном сосуде жили довольно крупные рыбы, лангусты, морские звезды и прочие обитатели океана. Был даже маленький осьминог. Когда я вошел в лабораторию, то увидел в глубине аквариума Куртьё, плававшего в ластах у самого дна. Он был в плавках, шапочке, но без акваланга. Тело его опоясывали какие-то тонкие пояски. Я стал ждать, когда профессор вынырнет на поверхность. Однако прошло три, пять, семь минут, а Куртьё как ни в чем не бывало по-прежнему плавал на глубине трех-четырех метров, что-то рассматривая на дне. Обеспокоенный, я подошел к двойному толстому стеклу и стал размахивать руками, призывая Поля вынырнуть на поверхность, но он только

приветственно кивнул мне и отрицательно покачал головой. Минут через пять сотрудники привели собаку, которую осторожно опустили в воду. Собака тут же нырнула к Полю, а тот взял ее на руки и принялся удерживать на дне. Собака не сопротивлялась. Прошло еще пять минут, Поль наконец отпустил пса, и они оба вынырнули из воды.

Только тут я заметил, что тела профессора и животного покрыты какой-то прозрачной пленкой. Сотрудники помогли Полю снять его необычный костюм, освободив заодно от пленки и собаку.

— Добрый день, Виктор, — обратился ко мне профессор. — Правда, здорово? Человек может спокойно дышать под водой без акваланга. Все дело в пленке. — Он протянул мне костюм. — Это особая тончайшая силиконовая пленка, она фактически выполняет ту же роль, что и жабры у рыб, — осуществляет газовый обмен. Через нее свободно проходит растворенный в воде кислород и уходит в воду углекислый газ. Правда, пленка не очень прочная, и плавать в открытом океане в таком костюме нельзя... Да и кислорода маловато.

Я с большим интересом разглядывал оригинальный костюм. Куртьё тем временем оделся.

— Я попросил тебя прийти сюда в связи с некоторыми нашими делами, — сказал он. — Ты заканчиваешь очередной цикл своей работы по иммунологии. По логике тебя нужно было бы сейчас послать куда-нибудь в Аден. Догадываешься, почему?

— Догадываюсь, мсье. В Адене много акул, а эти существа никогда не болеют раком и инфекционными заболеваниями. Иммунная система у них — просто чудо. И нам не мешало бы в этом чуде разобраться.

— С тобой трудно иметь дело, Виктор. Все схватываешь на лету. В отношении акул верно. Но в Аден поедешь попозже, а пока надо срочно отправиться в одно место, где также много акул, только изучать тебе их не придется, главное, не позволяй им тебя съесть.

- Любопытная командировка! А где это место?
- Там, где самая полезная питьевая вода на свете.
- Кажется, это в горах Шри Ланки.
- Да, там хорошая вода. Там тоже искали эликсир

жизни — воду, которая омолаживала бы человеческий организм. Но больше всего эту воду искали в бассейне Карибского моря. Снаряжались целые экспедиции. Помнишь сказки о живой и мертвой воде? Что-то есть в этих сказках: вода действительно может быть «мертвой» — отравленной химикатами или радиацией или, наоборот, «живой» — биологически активной. Говорят, что долгожительство людей в горах, кроме чистого воздуха, связано с омолаживающим действием воды, стекающей с ледников. Впрочем, не обязательно ездить в Гималаи. Поставь чашку с водой в морозильник, потом вынь ее, дай льду растаять и пей размороженную воду — эффект должен быть таким же, как и в горах.

— Да, но вы, профессор, что-то говорили про Карибское море?

— Некоторые искатели эликсира жизни находили на островах Карибского моря небольшие золотые россыпи, но отказывались от добычи золота, чтобы не отвлекаться от главного — поисков живой воды. И вот ведь что интересно: на таких островах, как Гваделупа, действительно чудесная вода. Это обнаружил еще Колумб. На его кораблях как раз кончились запасы пресной воды, и в этот момент судьба послала им остров с прекрасной водой. Первооткрыватели Америки окрестили его в честь святой девы Гваделупы, покровительницы одного из источников в Испании. Как бы там ни было, а жители Гваделупы славятся тем, что долгие годы сохраняют юношеский вид, в чем ты, Виктор, сможешь лично убедиться, когда побываешь на этом острове. Кстати, полюбуйся им из иллюминатора самолета — сверху этот остров имеет очертания бабочки.

— Насколько я понял, профессор, вместо страшного жаркого полуострова Аден, где средняя продолжитель-

ность жизни человека, до появления там кондиционера, составляла двадцать шесть лет, мне предстоит лететь на чудесный остров Гваделупу и пить целительную «живую» воду.

— Абсолютно верно, Виктор! Кроме того, на Гваделупе ты встретишься со своим богатым другом, владельцем дорогой яхты, в компании с которым, а также с группой легкомысленных девиц, вы отправитесь изучать историю пиратов Карибского моря. Завидую тебе! Такая шикарная морская прогулка!

— Будем плавать под черным флагом, Поль?

— Ну, если исторически быть точным, то пираты под черными флагами не плавали. Флаги у них были разных цветов. И вместо черепа и скрещенных костей на пиратских флагах изображали животных, чудовищ или святых — покровителей кораблей. И лишь в XIX веке авторы романов о пиратах придумали им черные флаги с черепом и костями. Но если твоим друзьям нравится черный флаг, можете воспользоваться им. Правда, как бы вас местные канонерки не приняли за настоящих современных пиратов и не пустили на всякий случай ко дну... Сейчас морских пиратов развелось немало, особенно в Тихом океане. В Карибском море они тоже попадают.

— А кто же мой друг, имеющий роскошную яхту?

— Очень известная личность — твой старый знакомый Жорж. Он уже на Гваделупе. Правда, сменил фамилию и профессию. Теперь это сын миллионера, имеющего крупные вклады в ЮАР. Легкомысленные девицы тебе тоже знакомы, одна из них сейчас придет, и, похожему, она тебе понравится. Так что перелет через Атлантический океан окажется весьма приятным.

Дверь открылась, и вошла Жаклин. Куртьё сразу утратил свою насмешливость и перешел к серьезному инструктажу. Речь шла не более и не менее как об уничтожении секретного компьютера, собиравшего информацию для проекта «Дождь Шукры»...

Полет над Атлантическим океаном в обществе Жаклин действительно оказался очень приятным. Не знаю, как я действовал на Жаклин, но сам я в ее присутствии чувствовал невероятный прилив энергии и сил. Когда я смотрел на ее чистое нежное лицо, мне казалось, что нет ничего невозможного, ничего такого, с чем бы я не справился. Жаклин заряжала меня бодростью, уверенностью, оптимизмом. Она тоже была в прекрасном настроении и с юмором (плюс с определенной долей нежности) рассказывала мне о своих родителях.

Даже часовая остановка в Фор-де-Франс на Мартинике в душном и грязном транзитном зале аэропорта не испортила нам хорошего настроения. От Фор-де-Франс до Пуэнт-а-Питр, самого большого города на Гваделупе, близ которого находится аэропорт Ле-Рэзе, совсем недалеко, и не успел наш «Боинг-747» набрать высоту, как тут же пошел на посадку.

Мой хронометр показывал два часа ночи по парижскому времени, но здесь было еще девять вечера. Из самолета мы шагнули в теплую тропическую ночь. Жаклин невольно прижалась ко мне — все-таки мы оба впервые оказались в Западном полушарии.

В здании аэровокзала нас поджидал Жорж Ривэ, которого пришлось называть Жозеф. Поскольку Жозеф был богат, он разъезжал в новеньком просторном «Рено-25», оборудованном всей современной техникой. Компьютер в автомобиле показывал, что снаружи 32 градуса тепла по Цельсию.

— Считай, это не жарко, — заметил Жорж-Жозеф, перехватив мой взгляд на табло компьютера. Потом добавил: — В отелях никто из нас не живет. Избегаем популярности. Всем снимаем квартиры. Вам, на двоих приготовили пятикомнатную. Надеюсь, места хватит. Правда, меньших не было.

Фасад дома, к которому мы подъехали, был обращен к площади, где находилось здание мэрии. Позади дома темнел силуэт церкви.

— Здесь будете жить, — сообщил Жорж.

— Очень удобно, — сказала Жаклин, посмотрев на меня, — сначала повенчаемся, потом регистрируемся в мэрии...

— Я за!

— Увы, не могу нанести такой удар родителям! Без них свадьба невозможна!

Мы осмотрели квартиру. Пять маленьких комнат, каждая с кондиционером, и кухня. Дом строился в те времена, когда в окнах стекло не признавали. Вместо стекла в окнах и двух дверях, выходивших на балкон, — деревянные жалюзи, не накалявшиеся во время жары. Все было бы прекрасно, если бы в щели между жалюзи не проникали кровожадные передатчики лихорадки Денге, именуемые комарами. А тропические комары, почти бесшумные, имеют неприятную привычку нападать на вас только в темноте, подождав, пока вы заснете. Но стоит вам включить свет, чтобы расправиться с кровососами, как они мгновенно прячутся в тень. Пришлось нам с Жаклин обработать комнаты какой-то ядовитой аэрозолем, предусмотрительно оставленной Жоржем.

Рано утром мы успели погулять немного по торговым улочкам Пуэнт-а-Питр, а когда вернулись, в квартиру ворвалась прекрасная Мари, неудержимая, как осенний ураган на Антилах. Она немедленно обрушила на нас град вопросов на тему, что происходит в Солони. Получив ответы, Мари несколько успокоилась и предложила пойти в мэрию. Мы с Жаклин украдкой переглянулись.

— В принципе мы за! — осторожно сказал я. — Но без родителей нехорошо. А их здесь нет.

Мари засмеялась. Оказалось, что она уговорила за-

местителя мэра Пуэнт-а-Питр свозить нас на остров Бас-Тер.

Заместитель мэра, Жениэс Даниэль, энергичный, жизнерадостный гваделупец, встретил нас так, как будто мы были знакомы с ним всю жизнь и только вчера расстались. На Гваделупе он знал всех и все, его тоже, кажется, знали все. Он был коммунистом, большим политическим деятелем — членом Политбюро Гваделупской коммунистической партии. Впрочем, как убедились мы позднее, на Гваделупе было немало коммунистов, которые пользовались большим авторитетом и играли важнейшую роль в управлении островом. Мэры двух главных городов — административной столицы Бас-Тер и экономического центра Пуэнт-а-Питр — были коммунистами. А мэр Пуэнт-а-Питр Анри Бангу был еще и сенатором в Париже, а также автором отличного трехтомного труда по истории Гваделупы.

Если остров Гран-Тер относительно невысок, то Бас-Тер совершенно не соответствует своему названию¹. Представьте себе гигантскую черепаху величиной в несколько десятков километров, потом вытяните ее панцирь в длину и вверх, сжав немного с боков, засадите этот панцирь влажным тропическим лесом, и вы получите Бас-Тер. Где-то в передней части панциря находится вулкан Суфриер, который возносится над океаном на 1467 метров. Он почти всегда укутан облаками и скрыт от посторонних взоров. Может, за эту укутанность и скрытность его прозвали Старой дамой. За поведением Старой дамы местные жители следят с величайшим вниманием, так как вулкан является действующим, а население не успело забыть, что 8 мая 1902 года младшая сестра Суфриер Монтань-Пеле, высотой всего в 1397 метров, в мгновение ока уничтожила на Мартинике красивейший город Сен-Пьер. Вырвавшееся в тот день из вулкана огненное облако раскаленных

¹ Бас-Тер (фр.) — низкая земля.

газов, пепла и камней накрыло город, оставив в живых из 30 тысяч его жителей только одного — заключенного, находившегося в глубоком подвале тюрьмы... Вот почему, когда несколько лет назад Суффриер усилила свою активность, на острове Бас-Тер началась паника и многие попытались спешно продать свои дома, которые почему-то никто не хотел покупать.

Острова Гран-Тер и Бас-Тер соединены мостом. Шоссе — неотъемлемая принадлежность цивилизации — окольцевали Бас-Тер, а в нескольких местах перерезали его поперек. Но по бокам дорог тропический лес остался почти непроходимым, как и в прежние времена, когда в нем с успехом прятались те, кто боролся с колонизаторами. Чтобы попасть поближе к кратеру, наш «рено» пересек панцирообразный остров, потом по прибрежному серпантину добрался до города Бас-Тер, откуда снова начался крутой подъем прямо на вулкан. Сразу же стало прохладней. Компьютер показывал 18 градусов. Самая верхняя стоянка для автомашин находилась в облаке. Было сыро, и сильно пахло серой.

— Оказывается, чтобы попасть в преисподнюю, надо сначала подняться к облакам, — заметила Мари по поводу сатанинского запаха.

Однако до входа в преисподнюю — кратера Суффриер предстояло еще добираться пешком. Пока мы размышляли, что делать дальше, я заметил в тумане большое панно с таким объявлением: «Старая дама имеет восхитительно скрытный характер, а посему она прибегаёт для новичков и тех, кто поднимается к ней без специального снаряжения, чудесные туманы, в которых можно заблудиться навсегда, отличные неустойчивые гигантские глыбы, которые катятся прямо на вас, и если раздавят, то весьма добротнo, а также нежную грязевую трясину, из которой никто еще не выбирался...»

Набежавшее темное облако сделало туман совсем плотным. Из серой пелены, неуверенно ковыляя, вышли несколько странных, но явно европейских фигур. Убе-

дившись, что они на автостоянке, фигуры выразили бурную радость. Оказалось, что это соотечественники, которые, перебивая друг друга, стали рассказывать, как всего сорок минут назад над паркингом было голубое небо и они уверенно пошли к кратеру. Пройдя совсем немного, любознательные туристы вдруг оказались в густом тумане и растерялись, не зная куда идти. Но все-таки им повезло — сумели выйти к паркингу.

Взглянув внимательно на счастливые лица любителей путешествовать в тумане и перечитав еще раз мудрые слова на панно, мы пришли к единодушному мнению, что экскурсию надо продолжить. Только не вверх, а вниз, по направлению к какому-нибудь симпатичному ресторанчику, расположенному как можно ближе к уровню моря.

Добраться до ресторанчика нам не удалось. Слишком много друзей было у Жениэса на любой дороге любого острова Гваделупы. Вот почему, не доехав до моря, наш автомобиль свернул в сторону и остановился неподалеку от приятного домика, окруженного густой зеленью. Предложив всем выйти из машины, Жениэс превратился в гида. Под сенью высоких исполинов, сотворенных природой из драгоценной древесины, росли неказистые деревца с зелено-желтыми плодами, напоминавшими по форме крупные лимоны. Жениэс сорвал один плод и протянул его Жаклин, не подозревая, что обращается к серьезному специалисту в области ботаники.

— Теоброма, — машинально сказала Жаклин, беря в руки плод. — Из семейства стеркулиевых! Пока еще незрелый.

— Что, что? — переспросил Жениэс. — Это же какао.

— Правильно, — подтвердила Жаклин, — теос — бог, брома — пища, пища богов, род теоброма известен под названием шоколадного дерева. Теобромин хоть и схож с кофеином, но вызывает менее выраженное дей-

ствие на центральную нервную систему. Родственником какао по семейству стеркулиевых является род кола, в семенах его растений содержатся алкалоиды кофеин, колатин и теобромин. Тонизируют мышечную деятельность, активизируют сердечную...

— Боже мой! — закричал Жениэс. — Она что, агент фирм «Кока-кола» и «Пепси-кола»? Теперь понятно, почему эти напитки пьют повсюду, раз они подбирают агентов с такой внешностью!

— Нет, нет! — поспешил успокоить я гваделупца. — Она просто наглядное пособие того, что может сделать излишнее образование даже с красивой женщиной...

— Насколько я понимаю, объяснять здесь больше мне не придется, — сокрушенно покачал головой Жениэс. — Это растение вы, конечно, тоже знаете.

Он показал на деревянистую лиану, оплетающую на полянке невысокое дерево. Плоды лианы внешне походили на айву или на небольшое чуть сморщенное зеленое яблоко.

— Семейство бигнониевых, — рассмеялась Жаклин, — но о нем я как раз мало знаю.

Жениэс сорвал несколько «яблоч», вынул из кармана перочинный ножик и разрезал их пополам, предложив каждому отведать находившуюся внутри зеленоватую мякоть с мелкими зернышками.

— По-креольски это называется маракуджа, или плод страсти, — сообщил он. — Не совсем ясно: страсти к кому? Боюсь, что не к женщине, поскольку маракуджа сильно понижает кровяное давление... Скорее страсти к самим плодам — они разжигают у человека желание съесть их как можно больше...

Я попробовал мякоть. Приятный запах. На вкус кисловата. Действительно, вызывает желание съесть еще.

— А вот и мои друзья, — сообщил Жениэс, показывая на хозяина и хозяйку, спешивших к нам от дома.

Мари выступила вперед и гордо произнесла:

— Добрый день! Ка у фэ? ¹

Фраза вызвала бурный восторг у хозяев.

— И бон! Мэси, мэси! ² — ответил хозяин и повел нас на веранду своего дома.

Надо сказать, что гваделупцы бывают весьма довольны, когда европеец скажет им что-то по-креольски. Жители острова очень непосредственны и приветливы. Еще утром, когда мы с Жаклин гуляли по живописным улочкам Пуэнт-а-Питр, она обратила мое внимание на то, что в толпе не встречается злых, агрессивных или недовольных лиц. Все исключительно спокойны и доброжелательны. Кроме того, будучи в большинстве своем потомками привезенных из Африки рабов, гваделупцы сумели сохранить в себе удивительное внутреннее достоинство, пронизывающее весь их облик, походку и жесты. А главное, в отличие от некоторых известных мне африканских племен, это достоинство не переходило грани, за которой следует напыщенное самомнение, чванство и презрение к другим. Наконец, жители острова выглядели очень опрятными и /здоровыми. Я снова подумал о «живой» воде. Правда, один мой знакомый, проживший несколько лет на Гваделупе, утверждал, что местная солнечная радиация вкупе с морской водой вылечивает разнообразнейшие кожные заболевания, поэтому-то жители острова неплохо выглядят. Одним словом, мне так же, как Жаклин и Мари, гваделупцы очень понравились. Впрочем, как и природа их островов.

Конечно же, Жениэс предварительно позвонил хозяевам и предупредил о гостях. Иначе откуда бы взялись на столе разные экзотические блюда. Сначала подали напиток из маракуджи и большую тарелку жареных урсэн ³. Морских ежей я почему-то боюсь. Особен-

¹ Как дела? (креол.).

² Хорошо! Спасибо, спасибо!

³ Морские ежи (фр.).

но после того, как мой товарищ умудрился наступить на пляже в Адене на застрявшую в песке черную иголку этого ежа. Эффект оказался таким же, как после укуса ядовитой змеи. Заметив мой недоверчивый взгляд, направленный на тарелку с урсэн, хозяйка пояснила, что зажарены не черные, а белые морские ежи, железы которых считаются деликатесом даже на Гваделупе и особенно полезны мужчинам...

Деликатесы оказались довольно вкусными, но невероятно острыми — я так и не понял, то ли из-за специй, то ли по своей природе. Потом нас кормили щупальцами молодого осьминога и, разумеется, ламби¹. Конечно, на Антилах каждая уважающая себя хозяйка имеет собственный секрет приготовления ламби, но цитронелла, перец, лавровый лист, чебрец и лук обязательны. И, конечно, нам снова рассказали, насколько эти вкусно приготовленные ламби способствуют сохранению молодости и бодрости (разумеется, в первую очередь у мужчин). Я уже начал всерьез задумываться, может, вода и климат не имеют отношения к здоровой внешности гваделупцев? Просто они питаются урсэн и ламби...

Хозяйка вежливо поинтересовалась целью нашего приезда на остров. Девушки не очень складно стали рассказывать о «давней мечте» посетить Малые Антилы, поохотиться с подводным ружьем у необитаемых островов, поискать бывшие стоянки пиратов.

Послушав девушек, хозяин нахмурился, потом, колебавшись, сказал:

— Последние годы у нас тут кое-что изменилось. Пожалуйста, остерегайтесь безлюдных островов, покрытых лесом. За лесом могут быть всякие неожиданности. Случается, что на таких островах бесследно ис-

¹ Моллюск, обитающий в большой красивой розовой раковине «великанье ухо». Англичане называют ее «куин конк» — королевская раковина.

чезают люди. Особенно те, кто пытается исследовать их поподробнее... Поговаривают, что на некоторых уединенных островах созданы то ли тайные фабрики по производству наркотиков из природных полуфабрикатов, то ли секретные лаборатории по разработке лекарств против СПИДа... Теперь по телевидению каждый день советуют остерегаться этой болезни, а песенка «Бог, конечно, нас простит, коль раньше не убьет всех СПИД» стала весьма популярной...

Мы искренне поблагодарили хозяев за предостережение и неискренне заверили, что постараемся избежать всех подозрительных мест.

* * *

Мои палубные воспоминания — размышления о Гваделупе нарушил Жорж, который, устроившись неподалеку, вдруг запел известную старую песню:

Тихо звезды спят, Южный Крест залез на небо,
И солнце скоро выйдет из-за скал.
Осторожен будь! Ведь никто из вас здесь не был,
В таинственной стране Мадагаскар...
Ночью труден путь, на востоке воздух серый,
Спустились с гор в долину облака.
Осторожен будь! Тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар...

Я внимательно посмотрел на друга. Жорж то ли нервничал перед предстоящей операцией, то ли обиделся на Катрин, которая вдруг стала кокетничать с Леоном, — иначе с чего бы он уединился и занялся вокальным искусством?

Если ты, мой друг, встретишь Смерть за океаном,
От Смерти ты напрасно не беги.
Осторожен будь! Даль подернулась туманом.
Сними с плеча свой верный карабин.

Ария Жоржа мне не понравилась. Надо будет поговорить с ним по душам, когда закончим операцию с компьютером. Тем временем Жорж вспомнил, что он возглавляет нашу непростую экспедицию, и, прекратив пение, громко скомандовал:

— Внимание! Остается четыре часа светлого времени. Через пятнадцать минут начинаем!

Через десять минут шесть человек, в том числе и я, в легких водолазных костюмах спустились в трюм. Костюмы предназначались для того, чтобы оберегать нас от медуз и прочей мелкой, но опасной морской живности. Кроме того, в них была вмонтирована аппаратура, имитировавшая многократно усиленные импульсы электрического скака, которые заставляли удирать даже крупных акул.

Прежде чем надеть шлемофоны, Жорж еще раз кратко повторил задачу каждого из нас в предстоящей операции.

— Учитывая хорошее кислородное питание в наших костюмах, на суше мы их снимать не будем. Это затруднит движение, но обезопасит нас от возможных химических или биологических ловушек, — сказал он в заключение. Потом посмотрел на часы и взмахнул рукой: — Пошли!

В трюме находились две «барракуды», с помощью которых нам предстояло добраться до берега. Первой должен был командовать я, второй — Жорж.

Экипаж моего аппарата состоял из Леона и Ива. Второй конструктор «барракуды», Мартен, вошел в команду Жоржа: у каждой «рыбины» механик должен был находиться под боком, в прямом смысле этого слова. Я проверил, насколько прочно Леон прикрепился к скобам. Все было в порядке. Ив также надежно пристегнулся. Ива я знал мало. В «кают-компани» и спортзале он больше молчал. Но был весьма эмоционален на волейбольной площадке: этот смуглый худошавый длинноволосый парень обладал неотразимым ударом правой.

Вообще многих своих коллег я знал прежде всего по их спортивным качествам, так как встречался с ними главным образом на спортплощадках, в бассейне или спортзале. Чем они занимались в лабораториях, мне, естественно, известно не было, за исключением случаев, когда я соприкасался с кем-либо из них по конкретным вопросам совместной работы. Об Иве я вчера при репетиции операции впервые узнал, что он кибернетик и от него во многом будет зависеть финальный успех.

Я занял свое место под брюхом «барракуды», положил руки на руль управления.

— Готов? — раздался в шлемофоне голос Жоржа.

— Готов, — ответил я.

— Поплыли!

Трюм стал заполняться водой, и днище под нами раскрылось.

Мы шли к берегу немногим более часа метрах в тридцати друг от друга на глубине пятнадцати метров. Когда, по нашим расчетам, до острова оставалось около километра, «барракуды» всплыли ближе к поверхности и подняли перископы. Я увидел остров, покрытый густой зеленью. Ничего особенного в нем не было.

* * *

По плану моя команда должна была выходить на берег первой и выполнять основную задачу. Жорж со своими ребятами нас только страховал. Мы проплыли еще метров девятьсот, после чего я опустил «барракуду» на дно, закрепил ее якорями, и наша тройка вплавь двинулась к берегу. Больше всего меня тревожила узкая полоска пляжа — расстояние между водой и растительностью, несколько метров голого каменистого пространства. Если нас заметят на этой узкой полоске, то поднимут тревогу — и операция будет сорвана. Но, по сообщенным мне данным (у Куртьё на острове был агент, переданный ему японцами), в том месте, где была

намечена высадка, никаких постов охраны не было. Меня это удивляло и беспокоило.

Мы действительно благополучно пересекли пляж и углубились в заросли. Я шел первым, за мной Ив, замыкал Леон. Пробираясь сквозь тропическую растительность — удовольствие небольшое. Острым ножом типа мачете я рассекал лианы и ветки, загораживавшие проход. Нервы были напряжены до предела. Вдруг что-то стукнуло меня в левое плечо. Я посмотрел налево и на мгновение остолбенел от ужаса: прямо перед моими глазами покачивалась голова огромной змеи. Я даже не успел отпрянуть назад, как змея вторично ударила меня, на сей раз в голову. По прозрачному шлемофону растекались капельки яда. Гидрокостюм и шлем спасли меня. «От верной смерти», — пронеслось в голове, потому что я уже сообразил, что на меня напала лабария. Одного укуса этой змеи было более чем достаточно, чтобы человек отправился на тот свет.

Взмахом тяжелого ножа я отсек отвратительной рептилии голову. Двухметровое туловище, обвившееся вокруг толстой ветки дерева, продолжало извиваться.

Лабария — одна из самых ядовитых змей Южной Америки. Ее еще называют кайсака. Это огромная, до двух с половиной метров в длину, копьеголовая змея, или куфия, которая отличается злым нравом и большой агрессивностью. Если в Азии некоторых куфий, например храмовую, можно осторожно брать в руки, чем нередко пользуются священнослужители, то американские копьеголовые змеи имеют дурную привычку первыми нападать на людей...

Взглянув еще раз на шевелящиеся кольца убитой мною змеи, я вдруг подумал, что на острове куфий быть не должно — лабария живет на материке. Правда, в старые времена плантаторы завозили с материка на Мартинику и другие острова лабарий, чтобы убежавшие с плантации рабы-негры боялись прятаться в лесах и зарослях. Смертельный укус змеи был для беглецов страш-

нее, чем бич надсмотрщика. Существовало также немало легенд о том, как индейцы племени араваков, желая отомстить караибам, специально отлавливали на континенте ядовитых змей и забрасывали их на острова.

Я осторожно стал продвигаться дальше. Но уже метров через десять вновь увидел лабарию и почти сразу же еще одну. Все стало ясно: пляж не охранялся потому, что заросли были наспигованы ядовитыми тварями.

Жорж, конечно, был предупрежден об этом, поэтому заставил всех идти в защитных костюмах, но видимо, не захотел пугать заранее, опасаясь нежелательной реакции. Расстегнув водонепроницаемую кобуру парализующего пистолета, я вытащил оружие и стал водить лучом по зарослям. Пистолет негромко гудел, больше никаких звуков не было слышно. Через минуту я выключил пистолет. Теперь змеи не нападут, если они не были убиты, то парализованы уж наверняка.

Подошли Ив и Леон. В шлемофоне раздался голос Жоржа:

— Выходим на пляж. Все нормально?

— Пока нормально. Выходите! — ответил я. И, не удержавшись, добавил: — Много ядовитых змей, но большинство их я парализовал.

Передачки в шлемофонах были отрегулированы всего на двести метров и работали через кодирующее устройство. Мы договорились, что вторая группа будет следовать за нами на расстоянии сто — сто двадцать метров. Без приключений мы продирались сквозь заросли еще метров триста. Наконец заросли кончились, впереди была песчаная полоса, за ней асфальтированная дорога, за дорогой стена высотой метров пять. За стеной просматривалось большое приземистое здание. Слева, метрах в трехстах от нас, виднелись необычной формы ворота, справа, в полукилометре, — что-то похожее на поселок. Начиналась самая ответственная часть операции.

Я еще раз осмотрелся и предложил своим спутникам

продвинуться, не выходя на дорогу, метров на семьдесят вправо. Как раз напротив этого места на шоссе стоял дорожный столб с какими-то цифрами. Впрочем, выйти на шоссе из зарослей было не просто: песчаная полоса отгораживалась от леса невысокой, примерно в метр, стеной, поверх которой шли провода, видимо, с электрическим током и сигнальные. Это было сделано для того, чтобы змеи и, возможно, непрошенные гости вроде нас не выходили из зарослей на шоссе.

Предстояло перебраться через изгородь с высоким напряжением. До назначенного срока оставалось пятнадцать минут. Минут через десять со стороны поселка показался человек в желтой рубашке и синих шортах, с сумкой через плечо. В руках у него был сачок для ловли бабочек. Он шел не спеша, явно наслаждаясь променадом и посматривая по сторонам в поисках насекомых. Поравнявшись с дорожным столбиком, он вдруг взмахнул сачком и бросился к невысокой стене, словно преследуя насекомое. Я выступил из кустов и сделал жест, напоминающий приветствие в Индии. Человек покосился на мой гидрокостюм, потом выдвинул из ручки сачка длиннющий пластмассовый стержень — и сачок превратился в нечто похожее на шест. С помощью этого шеста человек ловко перепрыгнул через заборчик с током высокого напряжения. На песчаной полосе остались его четкие следы. Я расстегнул шлемофон и приблизился к прыгуну.

— Здравствуй, Анри! Рад тебя видеть! — сказал я.

— Виктор! — вскрикнул Анри Фалле (это был он). — Я знал, что одним из тех, кто придет, будешь ты! Точнее, не знал, а верил! И это я просил японцев обратиться к Куртьё, когда узнал, что ты у него.

В наушниках зазвучал голос Жоржа:

— Мы в сорока метрах позади вас. Видим вашу группу и будем наблюдать за ней. Связь прекращаю, вблизи от ворот охрана может засечь переговоры.

— Все ясно, — ответил я.

Анри тихо произнес:

— Сейчас будем прыгать по одному через ток высокого напряжения. С помощью моего сачка. Потом подойдем к воротам. Там я наберу цифровой код 222722, и они откроются. В этот момент вы должны немедленно нейтрализовать охрану в проходной — и мы быстро пойдем к главному зданию. Если что-то случится со мной, то у одного из охранников надо взять пластинку-пропуск и приложить ее к желтой точке слева от дверей главного здания. Тогда компьютер откроет двери и отметит в своей памяти, что вошел такой-то охранник. Обратно выходить из главного здания также с помощью пластинки. Потом не забудьте положить ее снова в карман охранника. От дверей главного здания широкий коридор ведет к помещению, где находится основной компьютер, мы зовем его «Мозг». Коридор прямой, в конце его, метров через сто, двери, окрашенные в красный цвет. За ними «Мозг». Код дверей 666.

— Антихристово число. Пижоны! — не удержался я от реплики.

— Подходить к самому «Мозгу», — продолжал Анри, — нельзя: его ограждает специальный луч. Если луч потревожить, вас изрешетит пулеметная очередь, заодно будет дан сигнал общей тревоги. Как отключается луч, я не знаю. Но для нас это неважно. Мы должны войти в небольшую черную дверь в зале компьютера, слева от входа. Там кодовое устройство из букв. Сначала надо набрать на английском языке слово «смерть» и подождать, пока не загорится над дверью желтая лампочка. После этого набрать слово «жизнь». Тогда дверь откроется. Внутри комнаты пульт с циферблатом и механизмом взрывного устройства. Чтобы поставить часы на взрыв, требуется два специальных ключа, которых у меня нет. Зато я кое-что придумал и сообщил профессору, как обойтись без ключей. Я просил прислать специалиста.

— Это я, — сказал Ив. — Мы разработали по ваше-

му предложению взрывное радиоустройство. Оно у меня с собой.

Через стенку с током высокого напряжения мы прыгали по очереди. Это было нетрудно, но прямо скажу, неприятно. Первым прыгнул Анри. Он перебросил нам обратно шест-сачок. Настала моя очередь. Техника преодоления стенки походила на прыжок спортсмена с шестом. Однако существовало одно «но». Жизненно важно было не дрогнуть в момент разбега. Если рука или нога дрогнет, то заденешь за провода высокого напряжения и мгновенно обуглишься. К тому же в скафандре прыгать было не слишком удобно.

Я вспомнил свои первые занятия спортивной гимнастикой в университете. На высокой перекладине нужно было выполнить упражнение, которое мы называли «скорочкой». Находясь на перекладине в упоре на руках, надо было сделать ногами резкий мах назад и, отпустив руки, перепрыгнуть через перекладину. Все это происходило на высоте выше двух метров. Элемент считался легким, но он требовал полной психологической уверенности, что ты сделаешь этот соскок, не задев ногами за перекладину. Если в душе ты где-то дрогнешь в тот момент, когда тело уже парит над перекладиной, то ноги обязательно зацепятся за нее — и тогда ты полетишь головой вниз на маты, рискуя сломать себе шею или руку. С парашютом из самолета прыгать легче: ты можешь выпрыгнуть, зажмурив глаза. Здесь можно было спрыгнуть, только четко представив в уме все упражнение и мысленно убедив себя, что ты его выполнишь, не коснувшись ногами перекладины.

Я взял в руки шест и представил себе, как я с его помощью «перелетаю» через провода высокого напряжения. Потом довольно лихо разбежался и легко перемахнул через преграду. Только после этого я заметил, что мое лицо покрыто каплями пота. Шест я перебросил обратно Иву. Он и Леон также благополучно перескочили через стенку.

Крадучись вдоль высокой стены мы подошли к массивным металлическим воротам. Рядом с ними находилась небольшая, также металлическая калитка с глазком посередине. Сбоку — кнопки с цифрами. Анри набрал цифры 222722. Раздался мелодичный звон, и металлическая дверь поползла в сторону. Перед калиткой остался наш сопровождающий. В тот же миг мы с Леоном, как заправские автоматчики времен второй мировой войны, прыгнули вперед и начали «поливать» лучом проем в калитке. Длилось это несколько секунд. Я кивнул Анри, предлагая войти в проходную первым и посмотреть, что получилось... Он молча шагнул в проем. Вскоре он вновь появился в дверях, жестом приглашая нас следовать за ним.

Один из охранников в голубом комбинезоне сидел в проходной за столом, напоминавшим пульт управления — кнопки, лампочки, рычажки, — неестественно запрокинув голову назад. Лампочки на пульте оживленно мигали разноцветными огоньками. Двое других охранников лежали на земле во дворе. В момент нашей атаки они, видимо, разговаривали друг с другом на свежем воздухе.

Мы быстро пересекли внутренний двор и оказались у солидной металлической двери. На этот раз Анри вынул из кармана черную пластинку, видимо взятую у кого-то из охранников, приложил ее к стене, и дверь бесшумно поползла в сторону. Открывшийся за ней длинный широкий коридор выглядел пустынным. Справа и слева — двери. На каждой номер. Пол коридора был покрыт ровными бетонными плитами, покрашенными в белый цвет. Стены сероватые. Потолок абсолютно черный.

— Быстрее, — сказал Анри, и мы почти побежали по коридору.

Анри был впереди, за ним я, далее Ив и Леон. Позади что-то щелкнуло. Я обернулся: боковая дверь, мимо которой мы только что пробежали, открылась, и из нее вышел человек в голубой одежде охранника. В руке

у него был предмет, похожий на карманный фонарик, который он тут же направил на находившегося ближе всех к нему Леона. В то же мгновение Леон упал. Когда человек в голубом направил оружие на Ива, я уже успел нажать на гашетку своего излучателя, и напавший на нас охранник рухнул на пол. Тем временем Ив остолбенело смотрел на поверженного противника, явно забыв о своем оружии.

Я бросился к Леону — он лежал ничком и не шевелился. Из спины у него выходил тончайший провод, который тянулся к лежащему в нескольких метрах от него человеку в голубом комбинезоне.

— Контрольный охранник, — услышал я голос Анри. — Обычно они ходят по одному и проверяют аппаратуру.

Анри вытащил из спины Леона проводок, на конце которого оказалась малюсенькая стрела, потом взял из рук охранника прибор-оружие, похожий на карманный фонарик.

— Тазер, — рассматривая прибор, сказал Анри. — Экспериментальное оружие американской полиции. Стреляет маленькими электрическими стрелами, которые пробивают одежду и мгновенно парализуют человека. Ток передается по тонким проводам, соединенным со стрелами. Что-то вроде стреляющего провода высокого напряжения. Или скорее похоже на ПТУРСы — противотанковые управляемые реактивные снаряды, они тоже соединены с пусковой установкой тонким проводом. Тазер бьет на сорок-пятьдесят футов, но есть модели, которые поражают жертву на более значительном расстоянии. Тазерами вооружены многие охранники. Это оружие особенно удобно при аресте строптивых сотрудников центра — у нас случалось и такое. Паралич обычно проходит через две-три минуты — можно отрегулировать тазер так, что человек очнется через несколько секунд или, наоборот, дать дополнительный ток по про-

воду и продержать в бессознательном состоянии длительное время. Можно и убить.

Леон открыл глаза.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Ты можешь встать? — спросил я.

С большим трудом Леон поднялся.

— Пойдем потихоньку, — сказал я.

— Подождите, — вмешался Анри. — Охранник оставил незапертой дверь, из которой вышел. Давайте спрячем его тело в комнате, где он был, и захлопнем дверь. Он, кстати, убит или очнется?

— Он очнется часа через три.

— Это никуда не годится. Он не может остаться в живых — он нас видел. Надо что-то придумать. Так же, как и с теми, у проходной. Но те, по крайней мере, не видели нас. Мы сделаем тогда так: охранника заберем на обратном пути и из его тазера перестреляем тех троих у ворот... Пусть думают, что это сделал он. А сейчас может и полежать. Я не думаю, чтобы в здании главного компьютера был кто-то еще. Сегодня большой праздник у американцев, и по этому случаю в Центре нерабочий день. Сейчас там все веселятся...

— Прости, — прервал я монолог Анри. — Как здесь тебя зовут?

— Джо, — последовал ответ. — Они знают мое настоящее имя, но в целях конспирации всем сотрудникам Центра присваивается новое имя.

К красной двери мы подошли без приключений. Джо-Анри набрал нужный код, и дверь открылась. Огромное помещение, в котором находился «Мозг», поражаало тишиной. Сам «Мозг» — что-то вроде двухэтажной белой машины с множеством разноцветных мигающих огоньков — находился метрах в тридцати от нас.

— Не больше четырех шагов от двери по направлению к «Мозгу», — предупредил Анри. — Пятый шаг будет последним... Осторожно идем влево.

Мы подошли к двери, окрашенной в черный цвет. Анри

набрал нужные слова, и дверь распахнулась. Мы соорaлись перешагнуть через порог, но Анри остановил нас.

— Подождите! Я забыл, что здесь может быть включена ультразвуковая защита. Любой движущийся в комнате предмет поднимет тревогу!

Он вынул из кармана коробочку с дистанционным выключателем и нажал несколько раз на какие-то кнопки. Потом облегченно вздохнул.

— Все! Можно входить! Комната действительно про-низывалась ультразвуком. Я его отключил.

В комнате стоял большой стол-пульт. Посреди него весьма художественно был нарисован череп с костями. Настала очередь Ива. Он извлек из своего комбинезона небольшие металлические коробочки — наверное, приборы, — расставил их в разных углах комнаты, потом еще одним прибором стал водить из стороны в сторону. Время от времени он о чем-то озабоченно переговаривался с Анри. Наконец Ив радостно воскликнул:

— Нашли! — Он снова собрал все коробочки и сказал: — Все в порядке! Можно идти. Взрыв мы произведем на расстоянии, когда подойдем к берегу. Будет что-то вроде короткого замыкания по радио. «Мозг» основательно заминирован, вот мы и подорвем его их собственными минами! Возвращаемся!

Соблюдая все возможные предосторожности, мы покинули сначала комнату с черной дверью, затем зал «Мозга».

Тело охранника лежало на том же месте, где мы его оставили. Ив взвалил охранника на плечи, и наша группа двинулась к выходу. Пока все шло хорошо. Даже подозрительно хорошо. Меня, правда, беспокоил Леон. Но он держался молодцом. Шел молча, положив руки на излучатель, подвешенный ремнем к шее. Весь вид Леона говорил о том, что он готов стрелять в любую секунду, если на нас кто-то нападет. Бедный Леон, он старался компенсировать свою оплошность — все-таки

непростительно, что он позволил охраннику себя сразить...

У проходной мы устроили маленькую инсценировку: взяли у принесенного нами охранника тазер и его стрелами поразили тела трех других дежурных. Охранника, которого мы принесли, также застрелили из тазера. Получалось, будто вернувшийся после осмотра компьютерного центра контрольный охранник неожиданно стал стрелять в своих, но и его прикончил один из сторожей. Надо ли говорить, что во всех случаях ток тазера мы пустили на полную мощность...

Взглянув последний раз на экраны телевизоров, установленных в проходной — все они показывали пустынные помещения компьютерного центра, — мы вышли на шоссе. Анри шел после всех. Он повернул на пульте в проходной какой-то рычаг и пулей выскочил из калитки, которая тут же автоматически закрылась.

Из кустов, по другую сторону изгороди с током высокого напряжения, за нами наблюдала группа Жоржа. Я сделал рукой условный жест, означавший, что все идет нормально. Леон полностью восстановил свои силы. Анри посоветовал перепрыгнуть через изгородь в том же месте, где мы это уже один раз проделали. Когда вся группа оказалась в кустах, Анри вытащил из своей сумки что-то похожее на маленький пылесос и стал с помощью этого приспособления заравнивать все отпечатки наших следов на песке контрольной полосы...

Группа Жоржа принесла с собой запасной гидрокостюм для Анри, который должен был вернуться с нами на яхту на «барракуде» Жоржа: там было оборудовано дополнительное место. Анри с явным удовольствием облачился в новое одеяние — путешествие без защитной одежды сквозь змеиные заросли его пугало. Он, кстати, пояснил, что кишасшие ядовитыми рептилиями кустарники — единственное место, через которое можно было проникнуть с пляжа на шоссе. Все остальные участки берега были оборудованы мощной электронной защитой

и различными ультразвуковыми ловушками. Специальным клеем замазали крохотную дырку в комбинезоне Леона, проделанную стрелой тазера.

Я дал команду к возвращению на берег, и мы осторожно пошли старым путем. Змеи нас больше не тревожили, правда, раза два мы натыкались на полусонных, еще шевелящихся лабарий. По дороге Анри сказал, что он имитировал свою гибель в море, оставив на диком пляже, где сотрудники центра купаются редко, костюм, документы и следы на песке, ведущие к воде. Пусть думают, что его слопала акула, которых здесь множество. Когда мы подошли к последним перед морем кустам, Ив попросил всех остановиться. Быстро темнело.

— Внимание! — сказал он. — Сейчас этот проклятый «Мозг» взлетит на воздух.

Ив нажал кнопку на своем аппарате дистанционного управления, и со стороны здания, где размещался компьютер, раздался сильный взрыв. В поселке завывала сирена. Мы бегом пересекли узкий каменистый пляж и бросились в воду. Доплыв до «барракуд», выбрали якоря и «на всех парах» двинулись к яхте: надо было как можно скорее отплыть подальше от острова.

По плану яхта должна была за ночь достигнуть маленького необитаемого островка Авес — на юге таких островков было несколько — и там переждать два-три дня. На всякий случай пассажиры яхты собирались «поискать» на этом острове пиратские сокровища — у нас были соответствующие книги и старые карты. Но все понимали, что если яхту обнаружат, то наши пиратские увлечения никого не введут в заблуждение.

«Барракуды» подошли к яхте без приключений и, как только они закрепились в трюме, корабль на полной скорости двинулся на юг. Огней на нашей яхте мы не зажигали, шли, руководствуясь лишь локатором. К счастью, небо было затянуто облаками.

Когда мы вошли в «кают-компанию», девушки устроили нам торжественную встречу. Но самое интересное

было, как Анри и Мари впервые увидели друг друга. Оба они словно споткнулись — настолько сильным было взаимное впечатление. Все дружно рассмеялись, и я в шутиливой форме торжественно представил их друг другу. Не скрывая взаимного интереса, они сразу бурно разговорились. Я даже немного обиделся — мне хотелось поболтать с Анри после долгой разлуки и столь опасных приключений. Но потом я махнул рукой — наш Арамис ничуть не изменился...

— Ну что ж, — сказал Жорж, — за этих двоих (он кивнул в сторону Анри и Мари) я спокоен. И тут же добавил, обращаясь к Катрин: — А вот мы с тобой, мое солнышко, никак не можем найти общей темы для разговора!

Рыженькая Катрин зарделась и, цитируя подданных «губернатора» Санчо Пансы, ответила:

— «Клевета, сеньор губернатор!.. Клевета! Темы всегда найдутся, не хватает соответствующего подхода...»

Я спустился в свою каюту, решив немного отдохнуть и собраться с мыслями. Однако в дверь скоро постучали. Это был Анри.

— Есть серьезный разговор, Виктор, — сказал он, улыбнувшись. — Надо кое-что обмозговать.

— Давай обмозгуем...

— То, что мы уничтожили компьютер на острове Шу, — выражаясь высокопарно, дело большое с точки зрения судеб цивилизации. Считаю, что человечество мы спасли по крайней мере на несколько месяцев или лет.

— Прости, а почему ты назвал свой остров Шу?

— Это название не географическое. Оно фигурирует для обозначения острова в секретной переписке. Шу — это сокращенное от «Шу́кры» — помнишь, был такой индийский мудрец?

— О проекте «Дождь Шу́кры» я знаю. Только не знал, что имя риши Шу́кры использовалось для обозначения острова с компьютером. Мы с Куртьё называли его остров «Х».

— Так вот, я не уверен, насколько вы с Куртьё верно представляете себе противника, на которого замахнулись. — Анри помолчал. — Мы разворошили гигантский муравейник, не уничтожив его. А муравьи, в данном случае мои бывшие хозяева, вновь начнут строить свое опасное сооружение, лучше позаботившись на сей раз об его охране. Кроме того, обозленные — а они вряд ли поверят в несчастный случай, — будут мстить. Это очень серьезно. Даже если удастся благополучно добраться до берегов Европы, опасность, угрожающая всем нам, отнюдь не уменьшится. Я хочу, чтобы и ты, и Куртьё отчетливо представляли себе всю мощь врага, против которого выступили. Если бы мы имели дело с какой-нибудь одной фирмой, пусть весьма могущественной, было бы не страшно. Но концерн «Грейт пасифик энд атлантик ойл» — это не просто богатая транснациональная компания. Это рабочий орган одного клуба, назовем его клубом «самых богатых и влиятельных», в члены которого даже претендентов в американские президенты не принимают — туда они могут попасть только после того, как их изберут президентами. Свое место в фирме я получил — не улыбайся, пожалуйста, — благодаря одной красивой даме. (Я все же внутренне улыбнулся.) Эта дама занимает важный технический пост в клубе. От нее я узнал много интересного о «самых богатых и влиятельных». Моя знакомая ввела меня в общество некоторых членов клуба.

Стук в дверь прервал разговор. Вошла Жаклин.

— Извините, — вежливо сказала она. — Девушки просят передать, что без вас им чего-то не хватает.

— А почему ты говоришь о Мари во множественном числе? — не удержался я.

Жаклин расхохоталась.

— Жаклин! — торжественно произнес я. — Позволь тебе представить моего давнего друга Анри Фалле, который волей судеб и собственной натуры закономерно оказался с нами в одной лодке, то бишь яхте. Анри, —

продолжал я, — разреши познакомить тебя с моей невестой и, как я надеюсь, будущей женой, Жаклин де ля Тур.

— Боже, какой аристократизм! — воскликнул мой друг. — Так и повеяло родословной в пятнадцать веков.

— У вас что, комплекс неполноценности в связи с вашим происхождением? — вежливо поинтересовалась Жаклин. — А я считала, что *отпе vivunt ex ovo*¹ — процитировала она Уильяма Гарвея².

— Сразу видно, что имеешь дело с биологом! — усмехнулся Анри.

— Ты извини, Жаклин, — прервал я пикировку, — у нас действительно серьезный деловой разговор. Но через несколько минут мы будем на палубе. А ты, лорд Ден-Норант, тоже не пижоны!

После ухода Жаклин Анри продолжал:

— Вся эта катавасия с «богатыми и влиятельными» началась в конце второй мировой войны. Большие боссы промышленности за океаном испугались, что с наступлением мира кончатся военные заказы, и перед ними явственно замаячил призрак кризиса двадцать девятого года. Они боялись мира, они боялись антифашистских настроений в Европе, но больше всего они боялись русских, победивших фашизм.

Анри принялся ходить взад-вперед по каюте:

— И вот тут-то один экономист из Нью-Йорка представил американскому правительству несколько математических моделей сравнительного развития экономики США и СССР. Я не помню точно фамилии этого деятеля экономики, что-то на букву Л. Так вот, модели, рассчитанные им, показали, что, в случае перехода советской и американской экономики на мирные рельсы, русские будут иметь темпы развития, намного превышающие американские. Это значило, что Россия быстро превзой-

¹ Все живое происходит из яйца (*лат.*).

² У. Гарвей — английский врач XVII века, основатель современной физиологии и эмбриологии.

дет Штаты в экономическом отношении. Почти то же получалось, если военные затраты обоих государств будут минимальными. Но картина резко менялась в модели, предусматривавшей гонку вооружений американцами и русскими. У России хозяйство было разрушено войной, восстанавливать и развивать его казалось невозможным, если США навязывали ей гонку вооружений с большими военными расходами. Для мощной американской экономики гонка вооружений была менее чувствительной, плюс военные заказы отодвинули бы угрозу кризиса... Один нефтяной король говорил при мне в клубе, что первоначальная математическая модель ясно показала: Россия при больших военных затратах должна была погибнуть от голода и разрухи. Но, видимо, добавил он, математика не учла социальной системы, которая позволила русским мобилизовать свою нацию, выжить и превратиться в мощнейшую державу. Я не утомил тебя своей лекцией по экономике и международным отношениям?

— Нет, Анри, это очень любопытно и многое начинает объяснять.

— Да, это объясняет, почему после окончания войны был взят сознательный курс на обострение международной напряженности. Инициаторы его — люди, возглавлявшие крупные банки и промышленные корпорации США, связанные с производством вооружения. Сейчас эти банки и корпорации называют военно-промышленным комплексом. Эти люди главенствуют в клубе «самых богатых и влиятельных». Эксперты клуба уже много лет разрабатывают «мероприятия», чтобы держать мир на грани войны, и дают рекомендации по противодействию усилиям сторонников разрядки. Потом политические деятели, зависящие от членов клуба, стараются претворять эти рекомендации в жизнь. Однажды на лужайке при мне рассказывали...

— Почему на лужайке?

Анри чуть смутился:

— Это было за городом. Члены клуба собрались

в одном из кэмпусов. Так вот: рассказывали, что де Голль согласился как-то организовать в середине мая в Париже встречу руководителей США, России, Англии и Франции. На встрече намечалось обсудить меры по предотвращению войны. А потом в июне американский президент должен был поехать в Москву. Членам клуба это не нравилось...

— Помню, помню. Первого мая без ведома этого президента к русским заслали самолет-шпион...

— Да, этот самолет русские сбили, а летчика взяли в плен, получился скандал, но цель была достигнута — визит президента не состоялся. Другого президента, вышедшего из-под контроля клуба «самых богатых и влиятельных» и пытавшегося проводить самостоятельную политику, попросту убили.

Понимаешь, как объяснил мне один эксперт клуба, военно-промышленный комплекс до смерти боится установления длительной разрядки в международных делах. Потому что разрядка потребует прихода к власти в главных капиталистических странах другого сорта руководителей — людей, ориентирующихся не на военные концерны, а на иную форму развития экономики: различных проектов мирного исследования космоса, строительных программ, уменьшающих безработицу, как было при Франклине Делано Рузвельте и т. п.

Теперь видишь, какой муравейник мы разворошили. Ты не думай, я ни о чем не жалею: я сознательно искал возможности уничтожить наш страшный «Мозг», в создание которого сам же вложил немало сил. И я не случайно вышел на японцев из Общества Миллион Незвестных. Вначале думал выйти на Питера — он у нас работает в коммерческом отделении фирмы и при нашей системе секретности даже не подозревает, что я тоже работаю в этой же компании. Но, поразмыслив, решил, что любой контакт с Питером слишком опасен для нас обоих — и стал искать другие пути.

— Питер сам вышел на меня, Анри, через Робера.

— Молодец! Я предполагал, что он не останется безразличным к страшным планам нашей фирмы. Только бы все обошлось для него благополучно... А то у нас расправа короткая. Президентов — и то убирают, не то что нас, грешных!.. Так вот, Виктор, борьба предстоит тяжелая.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой Куртьё — это хорошо, но он фактически один, а один, как известно, в поле не воин. «Миллион Неизвестных» уже лучше: там пацифисты, их много и они организованы. Но все же пацифисты — это пацифисты. Обычно они избегают решительных действий. То, что они пошли на уничтожение «Мозга» (заметь, руками Куртьё), — высочайший героизм с их стороны. Думаю, нам надо искать более основательных союзников!

— Кто же это может быть, Анри?

— Только социалистические страны, Виктор! Без них мы не выдержим. Уж они-то точно не хотят третьей мировой войны! И помочь они могут очень серьезно.

— Не знаю, как к такой идее отнесется Куртьё. Он человек сложный.

— Ничего, проживем — увидим! Все равно другого выхода нет. А сейчас пойдем на палубу. Девушки, я думаю, заждались нас.

К концу ночи мы подошли к нашему необитаемому острову. Место стоянки яхты было присмотрено заранее, и, освещая прожекторами узкий проход в скалах, мы медленно вошли в небольшой заливчик, прикрытый сверху буйной тропической растительностью. Здесь мы решили переждать три дня, не выходя в эфир, а только слушая круглосуточно все радиопередачи.

* * *

На море я мог смотреть бесконечно, и оно не надоедало. Расстилавшаяся передо мною морская гладь была разрисована причудливыми золотистыми пятнами, форма

которых непрерывно менялась. Это прорвавшиеся сквозь просветы в кучевых облаках солнечные лучи рисовали на поверхности воды свои узоры. Облака, в свою очередь тесня друг друга, предлагали взору композиции в духе Сальвадора Дали.

Со скалы, на которой находился наш наблюдательный пункт, горизонт виделся совершенно пустынным. Над морем не было даже птиц. Зеленый островок Авес, на котором мы обосновались, также казался вымершим. Невольно возникало ощущение, что цивилизованный мир — с его автомобилями, телевизорами, световой рекламой, а также компьютерами, ракетами и ядерными бомбами — находится где-то далеко-далеко от укрывшего нас маленького острова. Эта идиллия длилась почти до вечера первого дня, когда появившаяся под облаками черная точка стала неумолимо приближаться к острову, постепенно увеличиваясь в размерах и превращаясь в одно из достижений цивилизации — вертолет.

Мы не сомневались, что вертолет летел по наши души. То, что он был один, несколько обнадеживало — возможно, это был просто облет островов (к югу от нашего находилось еще два острова) в поисках следов людей, которые могли взорвать гигантский компьютер фирмы «Грейт пасифик энд атлантик ойл», то есть наших следов. Пока те, кто нас искал, приближались к острову, я вспомнил содержание американского кинофильма «Синий гром» — так назывался экспериментальный полицейский вертолет, предназначенный для ловли и уничтожения различного рода преступников. Герой фильма, летчик, проводивший испытания «Синего грома», спасая свою жизнь, вынужден был обратить мощное оружие вертолета против его создателей. Выяснилось, что новая машина могла доставить массу неприятностей тем, кого она разыскивала. В частности, оборудование вертолета позволяло не только обнаруживать беглецов внутри каменных зданий, но и записывать их изображения и разговоры на видеопленку. Я искренне надеялся, что на

агрегате, который летел к нам, подобных технических новинок не имелось. Правда, в начале фильма шли титры, утверждавшие, что вся техника, которую зрителю покажут в кинокартине, имеется на вооружении в армии США...

На сей раз все обошлось. Вертолет сделал три явно формальных круга над островом, сумев ни разу не оказаться над нашими головами, и полетел на юг к двум другим ближайшим от нас островам. Это было в высшей степени мудрое поведение членов экипажа вертолета. Постарайся вертолетчики проявить больше рвения и обнаружить стоянку нашей яхты, они никогда бы не смогли больше летать.

Надо сказать, что мы подготовились к возможному прилету наших преследователей. Яхта была окутана маскировочной сеткой, а главное, поставлена в узком заливишке в такое место, где сверху ее прикрывал большой выступ скалы, непроницаемый для обычных локаторов. Тем не менее имевшаяся на яхте мощная пушка-излучатель находилась в боевой готовности. Пушка поменьше, переносная, была установлена в небольшой пещере в верхней части скалы, где дежурили мы с Анри и откуда открывался великолепный вид на море и остров и, соответственно, создавался хороший сектор стрельбы по воздушным целям. Естественно, в наши планы не входило обнаруживать себя и сбивать вертолет, поэтому мы облегченно вздохнули, когда винтокрылая машина стала удаляться от острова.

— Будем надеяться, он не вернется, — сказал Анри.

До появления воздушного разведчика мой друг продолжал вчерашний разговор, красочно описывая персонажей клуба «самых богатых и влиятельных», куда он сумел проникнуть. Анри не был лишен некоторых артистических способностей, и я от души смеялся над нарисованными им словесными портретами. В то же время смысл его рассказа сводился к тому, что хотя в клубе

встречались люди интересные, незаурядные и, возможно даже, гениальные, человечеству было бы намного спокойнее, если бы оно поместило большинство этих «гениев» в самый дорогой, самый шикарный и наиболее надежно охраняемый дом... для сумасшедших. Потому что планы и прожекты, которыми жили многие члены клуба, не могли прийти в голову обычным, нормальным людям.

— Черт их знает, — говорил Анри. — Возможно, огромное богатство и большая власть здорово коверкают психику человека. Ненормальность моих собеседников чувствовалась не в том, что они совершали какие-то необычные, экстравагантные поступки. Напротив, как правило, это были очень воспитанные, нередко приятные в общении люди. И все же многим из них место в домах для умалишенных. Понимаешь, ненормальная психика этих людей, одержимых стремлением «делать деньги» и иметь как можно больше реальной власти, заставляет их, вопреки всем общепринятым нормам, хладнокровно (часто вероломно) убирать с дороги (иногда просто убивать физически, конечно, руками других) всех конкурентов, противников или тех, кто случайно оказался на их пути. А конкурентами могут быть и целые страны.

Представь себе такого симпатичного старичка, знатока истории Древнего Египта и вообще любителя Африки, с удовольствием игравшего со мною в шахматы, который, не моргнув глазом, дал указание свергнуть в небольшой стране этого континента народное правительство и поставить у власти существо совершенно кошмарное — бывшего капрала колониальных войск, немедленно объявившего себя пожизненным президентом. Мой партнер по шахматам прекрасно знал, что вторым делом новоиспеченного президента будет уничтожение половины своих подданных, для начала всех тех, кто не был выходцем из его собственного племени. Но зато первым делом каннибала было предоставление моему знакомцу по клубу права на разработку богатейших полезных ископаемых на всей территории страны. Вот так!

— Анри, послушай! Как-то ты все подаешь уж очень пессимистично. Я тебя не узнаю!

— Виктор, я очень устал от тех страшных игр, в которые пришлось играть. Побывал бы ты там сам да еще поизображал бы из себя такого ловкого, элегантного, но крайне почтительного молодого человека, который с восхищением внимает старшим и учится у них уму-разуму.

Старички во все времена ценили тех, кто им почтительно внимает.

И Анри рассказал мне еще об одном старичке, с которым он часто беседовал в клубе и которого слушал всегда с большим вниманием. Внимание это не было бескорыстным: собеседник являл собой ярко выраженный тип напористого, даже агрессивного мультимиллионера, привыкшего быстро решать деловые проблемы, судьбы людей, а заодно самоуверенно и безапелляционно судить о политике своего и других правительств. Именно из откровений этого человека Анри узнал, как, оказывается, близко было временами человечество к третьей мировой войне.

Собеседника Анри звали Джеймс Линг. Строго говоря, определение «старичок» к нему не подходило. Это был высокий костлявый старик с могучими плечами и пудовыми кулаками. Родом он был из Техаса. Красноречие нападало на него только после выпивки, когда его резкие, рубленые черты лица смягчались и он «добрел». В остальное время это был немногословный, суховатый человек. Он владел несколькими компаниями и банками. Его старые приятели говорили Анри, что Джеймс позволяет себе болтать только в одном месте — в клубе, так сказать, среди своих и болтовня эта для него — своеобразное лекарство, средство снять перенапряженность прошедших дней. Еще говорили, что до появившейся с годами привычки молоть языком у него была другая — молотить кулаками по своим жертвам, когда он был шерифом в небольшом техасском городке. Добавляли

также, что в бытность шерифом он неплохо зарабатывал на игорном бизнесе.

Джеймс Линг как-то поведал Анри следующую историю о происхождении своего богатства. Однажды, в стародавние времена, во время игры в покер он случайно услышал поздно вечером разговор о неожиданно зафонтанировавшей дикой скважине недалеко от их городка. Ночью он проник на охранявшийся участок, подкупил охрану, убедился, что нефть действительно есть, и рано утром израсходовал все имевшиеся у него тридцать тысяч долларов на скупку прав на аренду соседних земельных участков. А через два дня перепродал эти права за 300 тысяч долларов. Анри тут же подумал, что первоначальные тридцать тысяч были заработаны Лингом на верняка на игорном бизнесе.

Джеймс Линг был человеком достаточно эрудированным, возможно, за счет самообразования. К тому же у него имелись твердые философские воззрения и доморощенные этические взгляды. Свои рассуждения (после стаканчика джина — как миллионер, он мог позволить себе пить в клубе напиток матросов) он часто начинал с критики в адрес либералов всех времен и народов.

— Этого либерала О'Генри, или, как там его звали на самом деле, Сиднея Портера, — говорил Линг, растягивая слова, — я, в общем-то, не люблю. Слишком мягкосочный (этим словом техасец заменял «мягкотелый»). Но все же он сумел здорово описать рабочий день биржевого маклера. Только его Гарви Максвеллу (памятью Линга бог не обидел) и не снилась сумасшедшая интенсивность нашего времени. Мы не машины, приводимые в движение колесиками и пружинами, как говорил этот писака о деловом человеке, мы превратились в ЭВМ и работаем в миллион раз быстрее, чем наши отцы. Вот почему так обидно видеть, как твои замыслы и дела рушатся из-за слюнтяйства каких-то очередных сегодняшних либералов.

После подобных вступлений и новой порции джина

Линг переходил к следующим темам: «Техас» и «негры».

— Да, про нас, техасцев, создали немало дурацких анекдотов. В нашем самом большом американском штате действительно много всего самого большого, начиная от деловых замыслов и кончая головными уборами. Ха! Может, следует говорить в иной последовательности? Нашему большому росту и большому размаху эти ловкачи с Восточного побережья, эти пробившиеся в банкиры бывшие портные и аптекари всегда завидовали. Это они пустили байку: «Техас — наиболее ценное иностранное владение Нью-Йорка». Так когда-то было, но сегодня мы и сами с усами. Мы можем постоять и за себя и за страну, а то эти тонконогие политики довели ее черт знает до чего со своими либеральными фокусами!

Отдав должное Техасу, Линг принимался за негров.

— Мы уже дожили до того, что негры раскатывают в «кадиллаках». Где место ниггеру? На плантациях... хлопка, кофе, пусть даже ананасов. Но только на плантациях. В моей «Линг-Темко электроникс» нет ни одного цветного. Я их не держу. Пот у них не тот. У меня на него аллергия. И каково мне видеть черномазых в «кадиллаках»! Придумали тоже: «Новый средний класс американских негров»! Журнал свой разрешили им иметь, «Эбони» называется. Дома позволили по четверть миллиона покупать в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке! Куда это нас приведет? Этот внутренний либерализм и это заигрывание с ЮНЕСКО и ООН? Нет, сегодня только мы, самый драчливый штат, да еще ребята из Калифорнии могут вывести Америку на путь истинный. Я не случайно назвал своего сына Джозефом!¹ И мы с сыновьями спасем нацию от либералов, а заодно и весь остальной мир! Мы им покажем «PAX AMERICANA»!

¹ В честь реакционера Джозефа Маккарти — председателя сенатской комиссии Конгресса США по вопросам деятельности правительственных учреждений, одного из главных организаторов «охоты за ведьмами» — преследования прогрессивно настроенных американцев в послевоенные годы.

— Что такое «PAX AMERICANA»? — с наивным видом спросил собеседника Анри.

— У нас в Техасе, сынок, есть поговорка: «За минуту перед тем, как тебя повесят, ты поймешь все; но о «PAX AMERICANA» не грех узнать и пораньше».

В начале века жил мудрый человек, сенатор Беве-ридж. Однажды он остроумно заметил, что, поскольку всемирный потоп не принес человечеству избавления от его первородной греховности, бог избрал нас, американцев, чтобы навести в мире порядок.

— Вы полагаете, что американцы смогут навести новый порядок в мире? — Анри не сдержался и умышленно употребил терминологию Гитлера, но его собеседник не обратил на это внимания.

— Почитай-ка книгу Фландерса «Американское столетие», и ты поймешь, что только США могут сегодня играть роль мирового гегемона. Понимаешь, есть исторический закон. Мировое господство поочередно переходит от одной страны к другой. Когда-то над миром господствовал Рим, было время «PAX ROMANA», потом британцы захватили четверть планеты, наступило «PAX BRITANNICA», ну а сегодня наше время — «PAX AMERICANA»!

«PAX AMERICANA» была самой любимой темой Джеймса Линга. Ради нее и стоило, по мнению Анри, выслушивать разглагольствования бывшего техасского шерифа.

Тему о призвании Америки управлять миром Линг начинал обычно с ругани... президентов США.

— Когда человеку или всей нации во многом везет, то в чем-то одном обязательно должно не повезти. Нам, американцам, например, часто везет на погоду, но реже везет на президентов! Я знаю всего двух стоящих парней на этом посту, но и те не сумели выполнить предназначенные им свыше миссии.

— Вы считаете, что стоящих президентов было только два?

— Пожалуй, да. Причем один из них был из Техаса, и он мог бы повернуть историю, если бы раздавил этих вьетнамцев. Жаль, что у него не получилось, ведь так активно начал. Еще более жалко, что не довел до конца свое дело другой. Тот начал лучше всех — сбросил пару атомных бомб. А дальше? Пшик! Побоялся! Ты знаешь, что такое директива № 432/Д? Не слышал? Так вот, это была неиспользованная возможность покончить с русскими еще в конце 1945 года!

И Линг рассказал Анри, как в декабре 1945 года Объединенный комитет военного планирования (он подчинялся Комитету начальников штабов) разработал директиву № 432/Д. Это была «отличная», по словам Линга, директива: уничтожить внезапным ударом Советский Союз, точнее, двадцать его наиболее развитых промышленных центров и городов. У США в тот момент имелось около 200 атомных бомб, которые решено было сбросить на СССР с помощью стратегических бомбардировщиков. Бомбардировщики дальнего действия могли долететь до 17 из 20 намеченных к уничтожению советских городов.

— И надо было лететь! — кричал распалившийся от джина Линг. — Бомбить! Бомбить этих коммунистов, пока у них не было своей бомбы! Но эти ублюдки так и не решились! И знаешь, почему?

Линг стал рассказывать, как заколебались сами военные. Они считали, что дальние бомбардировщики — штука ненадежная. Русские могли сбить больше половины этих самолетов, как только те пересекли бы советские воздушные границы. А потом в ответ русские танки быстренько бы захватили всю Европу. Четыре генерала, стоявшие во главе вооруженных сил США (Джордж Маршалл — начальник штаба армии, Генри Арнольд — главнокомандующий ВВС, адмирал Эрнест Кинг — главнокомандующий ВМС и адмирал Уильям Леги, возглавлявший Комитет начальников штабов) крепко задумались: начинать или не начинать кампанию.

— А тут еще дядя Джо, как звали наши Сталина, — Линг понизил голос, и по его лицу поползла пьяная ухмылка, — сыграл с ними одну штуку. Да и как сыграл! Он, видимо, узнал, что русских собираются уничтожить. Он вообще знал о нас слишком много: заместитель начальника английской разведки Сикрет Интеллидженс Сервис — Ким Филби оказался его человеком, советским разведчиком с 30-х годов. Подумать только, этот Филби был к тому же шефом отдела по борьбе против СССР и международного коммунизма! Да! Так вот, дядя Джо приказал тайно свезти в пустынное место в своей стране огромное количество оставшихся от войны старых боеприпасов, а затем разом взорвать их. Конечно, наши сейсмологи и разведка засекали взрыв, но понять ничего не могли: то ли атомная бомба, то ли другое неведомое мощное оружие. Послали самолеты — радиоактивных осадков не обнаружили. Решили, что русские создали «чистую» бомбу. Это потом, через много лет, узнали, как все было. А тогда после гигантского взрыва началась паника. Наши дражайшие союзники, с территорий которых должны были взлететь «летающие крепости» с атомными бомбами для русских, сразу же наложили в штаны и заскулили: что будет с их культурными европейскими развалинами, если русские ответят атомным ударом? Да и наши генералы, умеющие воевать лишь при двадцатикратном превосходстве в силах, покрылись липким потом при мысли, что получают сдачи. Вот так и не решились.

Тогда политики и военные, по словам Линга, решили «подкопнуть силенок» и перенесли начало войны на 1 января 1950 года. Наметили, так сказать, преподнести миру новогодний сюрприз. В этот день планировалось внезапно напасть на СССР и уничтожить атомными бомбами сразу семьдесят советских городов. Семь бомб предназначалось Ленинграду, восемь — Москве. План назывался «Троян».

Потом разработали «Дропшот» — новый план унич-

тожения русских. Война опять должна была начаться 1 января, но уже 1957 года. Триста больших атомных бомб должны были быть созданы для уничтожения ста советских городов, а 164 дивизии НАТО ожидали приказа оккупировать территорию СССР. И опять случилось непредвиденное: 3 сентября 1949 года бомбардировщик ВВС США Б-29 обнаружил в верхних слоях атмосферы над северной частью Тихого океана бесспорные следы атомного взрыва. Тут стало совершенно ясно, что бомба у русских есть.

— Но Трумэн, — продолжал техасец, — оказался не таким уж плохим парнем. Он всю «нажал» на создание водородной бомбы. Правда, эти чистоплутые ученые, всякие там Ферми, Раби, Оппенгеймеры, встали в позу и стали кричать, что термоядерная бомба — это не оружие, а средство уничтожения человечества. Представляешь себе, сынок, даже тогдашний председатель комиссии по атомной энергии Лилиенталь высказался против создания водородной бомбы. Только Трумэна сантименты мало беспокоили. Он приказал создать бомбу. К счастью, нашелся один молодой ученый, лет сорока, который успел перебраться к нам в Штаты в 1935 году из Венгрии. Паренек был честолюбивый, звали его Эдвард Теллер, на моральные предрассудки он чихал. Этот Теллер стал у нас «апостолом супербомбы». Он в конце концов ее создал, хотя и позже русских.

Потом Линг долго рассказывал моему другу о ракетах, о том, как все были шокированы, когда русские запустили свой первый спутник. Кончил техасский каннибал весьма своеобразно — похлопал своего собеседника по плечу и многозначительно произнес:

— Теперь, сынок, очередь за вами, молодыми. Надеюсь, вы сумеете преподнести новогодние сюрпризы этим русским и иже с ними...

Анри понял, что современный троглодит знает о про-

екте «Дождь Шúkры», фирма «Линг-Темко электроникс» была дочерней компанией «Грейт пасифик энд атлантик ойл».

Когда мой друг закончил свой рассказ, я неожиданно спросил его:

— Слушай, Анри, а почему ты тщательно избегаешь упоминания о названии клуба «самых богатых и влиятельных» и где он находится?

— Наверное, по привычке не произносить лишний раз вслух то, о чем не следует говорить.

— Это что, «Метрополитен» в Вашингтоне? Или «Никербэккер» в Нью-Йорке?

— Нет, я работал в Калифорнии. А клуб называется «Секвойи». Впрочем, для широкой публики он известен как «Богемский клуб». Ты, наверное, помнишь рощу секвой недалеко от Сан-Франциско. Там есть деревья выше ста метров и с диаметром ствола метров десять-одиннадцать. Исполины. Так вот, «сильные мира сего» тоже считают себя исполинами. Потому и собираются среди секвой. В роще есть территория — несколько кэмпусов. Каждый носит экзотическое название. Например, «Хижина совиного гнезда», «Убежище горцев», «Пещерный человек»... В этих кэмпусах члены клуба собираются на «мальчишники», на которых решают, кому раздать какие должности: президента страны, директора ЦРУ и т. д. Стенографисток не бывает, но принятые решения всегда выполняются. Летом 1945 года на одном из «мальчишников» было решено сбросить атомные бомбы на Японию. Вот так!..

* * *

На третий день нашего «сидения» на острове ровно в пятнадцать часов по местному времени рация «Авры» приняла и записала на магнитную пленку звуковой

сигнал, похожий на радиопомеху. Сигнал звучал в эфире всего секунду. Но когда включили редуктор скорости магнитофона и звук замедлился в две тысячи раз, стало слышно, как кто-то на испанском языке отчетливо произносил пятизначные колонки цифр. Расшифровав их, мы получили следующее сообщение: «Погода нормальная продолжайте промысел лангустов их сейчас особенно много условленном месте идите туда как договаривались».

Радиограмма означала, что все относительно спокойно и вечером мы можем сниматься с якоря, чтобы следовать в условленное место к берегам Венесуэлы. Там обширный участок побережья был в свое время куплен на имя одного из сотрудников Куртьё. Сообщивший мне об этом Жорж добавил, что на участке имеется несколько лабораторий и мастерских, а также прекрасный парк с виллами для отдыха. Он рассказал, что все эти три дня нас фактически «страховала» одна яхта, внешне похожая на «Аврору». На яхте находились настоящие бездельники, и среди них один из людей Куртьё, который ловко подкинул маменькиным сынкам и папенькиным дочкам идею совершить «увлекательное путешествие по следам пиратов Карибского моря». По этому поводу у букинистов на набережной Сены были куплены разные книги о пиратах и карты их баз у берегов Южной Америки. Короче, если люди «Грейт пасифик энд атлантик ойл» искали нас всерьез, они наверняка должны были наткнуться на корабль с золотой молодежью, что отвлекло бы их внимание.

Как только стемнело, «Аврора» тихонько покинула гостеприимный заливчик и взяла направление к берегам Венесуэлы. Было довольно темно. Луна пряталась за тучи, море и небо казались черно-фиолетовыми. Мы шли в фиолетовой мгле, доверив свои жизни локатору, который не обнаруживал никаких признаков суши, кораблей

и самолетов. Яхта плыла с большой скоростью, и можно было рассчитывать, что к утру мы окажемся в относительно безопасной зоне, где никто не будет рассматривать нас с вертолетов и прочих летательных аппаратов. Мы надеялись, что в Венесуэле все подготовлено, чтобы переправить нас во Францию.

ЧАСТЬ II

ПУТЬ НА ДРУК-ЮЛ (РУКОПИСЬ)

ПАРИЖ — АССАМ — ДРУК-ЮЛ

— Timeo qui posuerit deos¹, — насмешливо произнес Поль Куртьё. — А ведь это великая мудрость, Виктор: не вмешивайтесь в дела высших и вы проживете спокойную, долгую жизнь. Тысячелетняя мудрость обывателя. Помнишь, в русской литературе — ты ведь у нас знаток ее — притчу о маленькой рыбке, которая все время дрожала, всего боялась, не высовывалась из своей норки, но зато долго жила?

— Сказка о премудром пескаре² Салтыкова-Щедрина.

— Да, да, именно о премудром. Вопрос только в том, где граница этой премудрости? Где жизненно необходимый компромисс переходит в обыкновенную человеческую подлость? Дело еще в том, что с каждым новым веком человеку все труднее укрыться в своей норе, а сегодня это совсем невозможно. В искусственном вакууме больше жить не может никто. Никто уже не застрахован от того, что может сгореть в геенне атомной.

— Знаете, Поль, в истории мне, пожалуй, больше всего не нравятся люди, которые развязали вторую мировую войну. Точнее, позволили развязать. Гитлер безусловно был психически ненормальным...

— Извини, Виктор. Если посмотреть внимательно ис-

¹ Боюсь тех, которые вредят богам (лат.).

² У М. Е. Салтыкова-Щедрина — «пискарь».

торию человеческих войн, многие из них начинались правителями, которых трудно назвать нормальными. Только дело в том, что эти ненормальные правители становились у власти в силу объективных исторических причин. Часто определенные круги именно для того и выталкивали наверх честолюбивых «шизиков», чтобы те могли начать войны. Так вытолкнули Гитлера и его компанию: экономическим королям Германии нужно было «жизненное пространство».

— Да, но я не договорил, Поль. Я как раз имею претензии к Даладье и Чемберлену¹, все-таки они и им подобные позволили фашистам начать мировую бойню.

— Ты прав. Только у наших правителей была в то время своя логика: думали, что Адольф Гитлер повернет на Восток и этим удовлетворится. А он начал с нас, а уж потом полез на Россию, где, к счастью, свернул себе шею. А Чемберлен был как раз тем премудрым карасем, о котором мы говорили.

— Пескарем.

— Да, пескарем. Только пескарем уж в тридцатые годы быть не годилось. Повезло крупно англичанам, что немцы не осуществили свою операцию «Морской лев»². Так вот. Мы тоже не можем быть пескарями. Знаешь, как говорят: не мы, так кто? Мы выступили против денежных богов планеты и будем твердыми, хотя и осторожными.

Разговор проходил в кабинете Куртьё в Солони после благополучного возвращения во Францию всех членов экспедиции, уничтожившей компьютер в Карибском море. Мы не знали, располагает ли «Грейт пасифик энд атлантик ойл» какими-либо данными о нашей деятельности, но тщательно готовились к возможному нападе-

¹ Даладье и Чемберлен — руководители Франции и Англии, проводившие политику уступок Гитлеру в надежде, что он начнет войну с СССР.

² «Морской лев» — кодовое название операции по захвату вермахтом Британских островов.

нию. Часть научных исследований и особо ценного оборудования была перенесена в секретные лаборатории Куртьё в других странах. Из парка исчезли «жуки» и прочие насекомообразные машины. Только в закрытом ангаре оставалось несколько «стрекоз», вооруженных излучателями.

Поль приглашал поочередно всех сотрудников и подробно беседовал с каждым. Видимо, инструктировал, что, как и где должен делать данный человек в чрезвычайных обстоятельствах. Сегодня как раз настала моя очередь.

— Я в тебе никогда не сомневался, Виктор, — продолжал между тем нашу беседу Поль. — И я хотел бы тебя посвятить в тайны, в которые мало кто посвящен. Сейчас я дам тебе одну рукопись, ты внимательно ее прочтешь, никуда не вынося из своей комнаты, а потом мы поговорим с тобой о планах на будущее.

Он достал из ящика письменного стола увесистый том, отпечатанный на машинке, и протянул его мне.

— То, что ты держишь сейчас в руках, Виктор, написано мною. Помнишь, я обещал тебе когда-то рассказать о происхождении моего богатства. Прочтя этот фолиант, ты многое поймешь. Я постарался систематизировать и более или менее точно изложить воспоминания, рассказы моего отца, который много лет провел в Индии и в некоторых других местах Азии. Иди читай. Только приготовься узнать о вещах совершенно невероятных.

* * *

Отец мой, Раймон Куртьё (так начиналась рукопись) был симпатичным, жизнерадостным малым, имевшим счастье (в отличие от большинства парижан) родиться в собственном фамильном особняке. Особняк, переходивший по наследству из поколения в поколение по отцовской линии, свидетельствовал о некоторой знатности

рода Куртьё, а также о его материальном благополучии (поскольку строение ни разу не продавалось с молотка за долги). Семейный особняк находился на улице Фезандри, близ Булонского леса, — обстоятельство, весьма способствовавшее занятиям молодого Раймона верховой ездой. Отец увлекался также плаванием и гимнастикой.

Будучи сыном состоятельных родителей, Раймон мог позволить себе в молодости не слишком заботиться о выборе будущей профессии. Он получил хорошее домашнее воспитание и образование: неплохо рисовал, играл на различных музыкальных инструментах, говорил на нескольких иностранных языках. Кроме того, позже он с успехом окончил Парижский университет.

Однако после окончания университета Раймону все же пришлось решать, чем он будет заниматься в жизни. Жениться он не собирался: знакомые девушки казались ему пустыми, ограниченными и не вызвали глубоких чувств. Поступать на службу или превращаться в коммерсанта у него также не было желания. После зрелых размышлений и с разрешения родителей Раймон решил поездить по белу свету, благо с детства зачитывался книгами о путешествиях по Африке, Америке, Азии.

Выбрать маршрут для своего первого путешествия отцу помог случай. В университете вместе с ним учился Синдх Раджа, сын правителя одного из княжеств на северо-востоке Индии, в районе Ассама. Синдх Раджа так много и так интересно рассказывал об Индии, ее удивительной природе, диких зверях, таинственных обычаях и обрядах, что в конце концов сумел всерьез заинтересовать отца этой страной. Другим слушателем Синдха Раджи был друг моего отца, Поль Мулен. Он тоже жадно внимал речам индийца, но по другим причинам. Об этом Мулене следует рассказать поподробнее хотя бы потому, что свое имя я получил в его честь.

Поль Мулен заметно отличался от всех других товарищей отца. Это был очень целеустремленный человек, имевший четкий распорядок дня, не терпевший никчем-

ных занятий и пустопорожних разговоров, редко посещавший вечеринки и дружеские пирушки. Все свое свободное время Поль тратил на изучение иностранных языков, которых знал великое множество. Языки он изучал, чтобы найти доказательства для обоснования одной своей гипотезы, которую мой отец, склонный к иронии, формулировал так: убедить всех, что Чингисхан, Александр Македонский и Ганнибал разговаривали на одном языке, причем язык оружия в счет не шел. Но если говорить серьезно, то Поль пытался разобраться, не являются ли самые разные группы языков, такие, как индоевропейская (то есть романские, германские, славянские, древнеиндийские, иранские языки), уральская (финно-угорские, самодийские), семито-хамитская (берберские, семитские, чадские, египетский), дравидийская, тюркская, монгольская, корейская и некоторые другие, детьми одного праязыка Евразии. Изучив многие языки, Поль все больше склонялся к положительному ответу на этот вопрос, но хотел определить, где и когда мог существовать такой язык. Вот почему он, не признававший салонных бесед, с большим интересом слушал рассказы эрудированного Синдха Раджи и при этом часто задавал рассказчику вопросы, уточняя пути движения различных народов Индии в средние и древние века. Поля особенно интересовали народы, говорившие на языках индоевропейской, тюркской и дравидийской групп. Он хотел уточнить, где могла возникнуть родина праязыка: в Индии, Месопотамии, Малой Азии или Аравии.

Кончилось все это тем, что отец и Поль решили отплыть в Калькутту, пожить некоторое время в этом многоликом городе, акклиматизироваться там, познакомиться поближе с обычаями основных индийских общин, изучить немножко ассамский язык (Поль его, в общем-то, знал, подучить надлежало отцу), а позднее перебраться в княжество Синдха Раджи, где, кстати, не был еще ни один европеец. К тому времени у Синдха Раджи умер отец, и недавний студент стал полновластным пра-

вителем своих подданных. Он обещал парижским друзьям помочь устранить формальные и физические препятствия, возникавшие в те времена при путешествиях европейцев, тем более неангличан, по Индии. Синдх Раджа действительно прислал в Калькутту слонов и слуг, и два белых джентльмена, испытав в дороге разные приключения, добрались в конце концов до желанного княжества.

Поначалу жизнь в княжестве показалась отцу очень интересной. Но прошло несколько месяцев, яркие краски первых впечатлений, как рассказывал мне отец, потускнели, и все начало потихоньку ему надоедать. Охота со слонов на тигров, во время которой воины из всех сил били в барабаны и трубили в раковины, не очень его увлекала, танцы женщин, напоминавших бронзовые статуэтки, казались однообразными, а беседы с раджей порой утомляли. Истины ради стоит отметить, что раджа со своей стороны не только глубоко уважал отца, но и искренне полюбил его, считая одним из самых лучших своих друзей. Этому, безусловно, способствовало немало важное обстоятельство: однажды на охоте отец спас Синдху Радже жизнь.

Дело было так. Во время привала в джунглях раджа сделал несколько неосмотрительных шагов в сторону, заинтересовавшись какой-то красивой бабочкой. Внезапно перед ним возникла голова огромной кобры с раздутым «капюшоном». Змея застыла в атакующей позиции, готовая в следующую секунду нанести смертельный удар потревожившему ее человеку. Вообще-то радже повезло: задень он какую-нибудь маленькую болотную гадючку — та незамедлительно укусила бы его в ногу и пустилась наутек. А яд некоторых индийских гадюк не менее страшен, чем яд кобры. Но кобры — змеи благородные: прежде чем напасть, они предупреждают свою жертву. В данном случае благородство кобры оказалось роковым для нее самой. Мой отец обладал великолепной реакцией и к тому же был блестящим стрелком. В то

мгновение, когда все застыли от ужаса, а раджа, глядя на раскачивающуюся змеиную пасть, не мог пошевелиться, отец молниеносно схватил с земли заряженное ружье и, почти не целясь, разнес в куски голову пресмыкающегося. Естественно, что после этого случая дружеские чувства раджи к моему отцу значительно возросли.

Правитель понимал, что отец скучает и тоскует по родине. Желая как-то развлечь своего друга, он старался придумывать новые и новые интересные забавы или показать отцу нечто такое, о чем в Европе не имели представления. Так, раджа специально познакомил его с известным йогом, заявив, что этот человек может по своему желанию умереть, а потом воскреснуть. Отец, естественно, не поверил. Тогда йог согласился продемонстрировать свои способности перед чужестранцем.

Раджа обрадовался, что отец всерьез заинтересовался способностями йога, и приказал построить особую хижину, в которой йог должен был пролежать после своей «смерти» шесть недель. Затем йогу предстояло «воскреснуть». Раджа выделил также шестнадцать солдат для круглосуточной охраны хижины, чтобы никто не смог приблизиться к «умершему».

Тем временем йог начал готовиться к «смерти». Он объяснил отцу, что, прежде чем «умереть», должен сначала полностью перейти на пищу растительную, а потом немного поголодать. Накануне «смерти» йог тщательно очистил свой кишечник и желудок от остатков пищи.

Наступил день «смерти». Перед хижиной собрались зрители. Йог дал знак своему ассистенту, что готов «умереть». Ассистент стал натирать тело своего учителя какими-то маслами. Затем йога положили в хижине на чистую белую материю, которой было покрыто деревянное возвышение вроде стола. Йог вытянулся, сжал рот, закрыл глаза, выдохнул из себя воздух и «умер». Ассистент тут же замазал ему нос и уши воском, затем осторожно поместил тело своего учителя в полотняный

мешок, пропитанный маслом. Дверь хижины заперли и у входа поставили часовых.

Ровно через шесть недель раджа, отец и Поль пришли к хижине, чтобы посмотреть, как будут оживлять йога. Хижину открыли, мешок вытащили на свежий воздух. Когда мешок разрезали, отец увидел, что желтое, сморщенное тело старого йога напоминало большого высохшего кузнечика. Ассистент удалил воск из носа и ушей, обмыл учителя теплой водой и принялся делать ему массаж — сердца и дыхательный. Все это очень походило на дыхательные упражнения, которые обычно проделывают с утопленниками, надеясь вернуть их к жизни. Ассистент возился довольно долго, и йог наконец открыл глаза.

— Ну, что, сагиб, — тихо спросил он отца, — теперь ты веришь, что я могу умереть и воскреснуть?

Вся эта история произвела на отца и Поля очень сильное впечатление.

— Видимо, — говорил Поль, — в человеческом организме заключены колоссальные резервные силы, о которых мы мало знаем. Йоги умеют вызывать искусственно летаргический сон.

Искреннее расположение раджи, а также нежелание Поля покидать княжество в Ассаме (лингвист раздобыл какие-то древние тексты и просиживал над ними целыми сутками, отрываять только трижды в день для еды и физических упражнений, частично позаимствованных у йогов) сдерживали моего отца в намерении проститься с гостеприимным хозяином и отправиться в Сиам, о котором он читал и слышал много необычного. Но все же отец наверняка завел бы с правителем разговор о своем отъезде, если бы не произошло одно непредвиденное событие.

Однажды, снова желая развлечь отца, Синдх Раджа повел его в свою сокровищницу. Там, среди ларцов с золотыми монетами, серебряных седел для слонов, щитов из кожи носорога, отделанных червонным золо-

том, серебряных статуй богов и богинь с изумрудными глазами, среди золотой посуды, нефритовых чаш, сабель и кинжалов с эфесами в алмазах, внимание отца привлекла красивая шкатулка из слоновой кости, которая стояла на особом возвышении. Отец стал рассматривать искусную работу мастеров-резчиков. Затем попросил раджу открыть шкатулку. Внутри ее оказались невероятно крупные и великолепной окраски драгоценные камни, преимущественно сапфиры и рубины.

В ответ на вопрос, откуда у правителя такие камни, раджа усмехнулся, задумчиво посмотрел на отца, помолчал и лишь потом произнес:

— Открою тебе, Раймон, великую тайну. Знают ее лишь семь человек — семь Посвященных. И если кто-нибудь из них проговорится, мой долг повелит мне казнить болтуна. Казнить тайно и быстро, чтобы не успел он сказать еще чего-нибудь лишнего. Так приказал мне мой покойный отец, а главный жрец определил вид казни: осужденного ведут по коридору, и он внезапно проваливается через замаскированный люк в яму, в которую перед этим спускают семь больших кобр. Болтун не будет долго мучиться...

Надо сказать, что, услышав такие жуткие вещи, отец сильно засомневался в необходимости узнать великую тайну и вспомнил слова песенки: «Приходи-ка, Билли, чтоб тебя побили». Однако отступать было поздно. Синдх Раджа между тем продолжал:

— Великая тайна давно живет в нашей стране, и чтобы она не умерла, в старые времена было решено, что знать ее должны семь человек: верховный правитель, главный жрец, начальник войска и четверо надежных людей, выбранных лично правителем. В особых случаях правитель может доверить великую тайну восьмому и даже девятому человеку, но никогда — десятому. Сегодня я воспользуюсь своим правом — ты станешь восьмым Посвященным.

И отец услышал из уст правителя странную историю

о неизвестном народе, живущем за высокими горами. Позднее, пытаясь разобраться в услышанном, отец совершил поступки, круто изменившие его жизнь.

— К северу от моих владений, — начал свой рассказ Синдх Раджа, — находится земля Друк-юл, что означает «Страна дракона». Расположена она среди суровых долин, окруженных высочайшими в мире горами. Правит ею мой названный брат Друк-гьялпо, или Король-дракон. Подданные его живут в основном в монастырях-крепостях, которые называются дзонги...

Суть истории, рассказанной правителем, сводилась к следующему. Много лет назад один ученый, посланный отцом Синдха Раджи в Друк-юл, обнаружил в отдаленном от столицы дзонге непонятную старинную книгу, которую местные монахи не смогли прочесть. Ученому удалось расшифровать ее текст. Содержание оказалось настолько удивительным, что он, ничего не сказав о своей удаче хозяевам дзонга, записал слово в слово прочитанное и, вернувшись домой, сообщил о том, что узнал, лично верховному правителю, отцу нынешнего.

В книге говорилось, что сердце дракона живет отдельно от его туловища. И если туловище покоится в нескольких долинах, то сердце бьется за высокой горой в земле, где много красивых драгоценных камней и необыкновенных лекарств, изгоняющих болезни и отодвигающих старость.

На одной из страниц была нарисована карта. На ней рядом со Страной дракона, за горными хребтами, изображалась неизвестная земля, напоминавшая своими очертаниями человеческое сердце. Надпись, правда, гласила, что это — страна Сердце дракона. Далее следовал подробный план, пояснявший, как попасть к Сердцу дракона. Путь шел через горы, глубокие ущелья, сквозные пещеры. К сожалению, в книге отсутствовали две странички, на которых, видимо, рассказывалось, как пройти последнюю, самую большую пещеру с выходом в страну Сердце дракона. На плане был указан вход

в пещеру и путь до подземного озера. Далее следовала фраза: «За озером находится каменный замок, после которого подземный коридор выходит на склон горы, находящейся в стране Сердце дракона. Открыть каменный замок следует так...» В этом месте страничка кончалась. В конце книги описывалась удивительная жизнь людей в неизвестной миру стране.

Отец Синдха Раджи, судя по всему, был человеком любознательным. Он повелел организовать тайную экспедицию с целью найти описанную в книге страну. Руководствуясь картой и планом, посланцы верховного правителя отправились в путь. После невероятных лишений они нашли в конце концов нужную гору и небольшое, скрытое кустарником отверстие, служившее входом в пещеру. Подземный коридор привел путешественников к огромному залу, своды которого терялись наверху в темноте. Часть зала занимало небольшое, но очень глубокое озеро. За ним была гладкая каменная стена. Не доходя до зала, посланцы раджи заметили в каменном коридоре несколько боковых ответвлений. Их исследования ничего не дали. Экспедиция вернулась домой ни с чем.

Верховный правитель был очень раздосадован неудачей экспедиции. На следующий год он приказал повторить поиски неизвестной страны. Взяли больше факелов и легкие разборные лодки. Но даже самые тщательные обследования противоположного края подземного озера не дали результатов: проходов в стене не было. Тогда посланцы раджи решили внимательно изучить боковые ответвления подземного коридора. Это оказалось опасным: в одном из проходов случился обвал и трое остались навечно в горе. Но вот однажды, когда экспедиция вернулась из боковых пещер к озеру, она с изумлением обнаружила на его берегу небольшую лодку с тремя молодыми людьми. Незнакомцы ничуть не испугались, наоборот, очень приветливо встретили членов экспедиции. Прислушавшись к речи посланцев раджи, молодые

люди заговорили с ними на одном из диалектов страны верховного правителя. Взаимопонимание установилось быстро. Незнакомцы попросили взять их с собой к правителю, пославшему экспедицию. Отвечать на вопрос, как проникнуть к ним в страну через каменную стену, незнакомцы отказались, заявив, что это тайна, которую они не имеют права кому-либо выдать.

С этого дня начались контакты людей из пещеры (так их прозвали) с отцом Синдха Раджи. Верховный правитель предупредил участников экспедиции, чтобы они под страхом смерти никому не говорили о своем путешествии. Тогда и было решено, что тайну о стране Сердце дракона будут знать семь человек. Дело в том, что, благодаря контактам с людьми из пещеры, княжество стало быстро богатеть. Посланцы страны Сердце дракона появлялись обычно раз в три года. Они приносили в подарок радже крупные драгоценные камни, каждый из которых стоил баснословную сумму, изящные фигурки из золота и очень эффективные лекарства. Взамен они просили раджу помогать им, под видом людей его княжества пересекать Индию и садиться на корабли, отправляющиеся в Европу. Через три года эти люди возвращались, часто вместе с молодыми женами, и с помощью опять-таки раджи достигали своей пещеры, а на смену им, как бы из-под земли, появлялись другие. Все попытки раджи разрешить его подданным посетить страну Сердце дракона вежливо, но твердо отклонялись.

Рассказ Синдха Раджи очень заинтересовал отца. Неизвестная страна сильно поразила его воображение и даже часто снилась ему. Он попросил раджу еще раз подробно рассказать все, что было известно об этой стране. Прошло несколько месяцев. За это время отец после долгих и настойчивых просьб сумел все же уговорить Синдха Раджу организовать экспедицию с целью проникнуть в неведомую землю. Разумеется, Раймон был включен в ее состав. Отец твердо обещал правителю, что любое открытие, сделанное экспедицией, не будет

в дальнейшем использовано во вред его княжеству, а возможные встречи с жителями Сердца дракона не ухудшат многолетних добрых отношений между двумя народами.

Как бы там ни было, а в один прекрасный день экспедиция, которую возглавил один из приближенных раджи, молодой военачальник Чандра, отправилась в путь. Только двое из ее участников знали об истинной цели похода: отец и Чандра — тоже один из Посвященных. Отец упросил раджу включить в число участников экспедиции и Поля, которому не сказали всей правды, но уговорили отправиться «в небольшую горную страну, где сохранились какие-то редкие книги на непонятном языке». Против такого соблазна Поль не устоял...

Первая часть пути проходила через джунгли. Поэтому передвигались на слонах. В обозе шли лошади и мулы. Когда, ко всеобщему удовольствию, кончились джунгли с их сыростью, москитами и змеями, проводники со слонами повернули обратно, а путешественники пересели на лошадей и мулов. Начались предгорья. Двигались по каменистым тропам, которые поднимали экспедицию вираж за виражом к первому высокогорному перевалу. Он особенно запомнился отцу. Возможно, с непривычки путникам казалось, что они никогда до него не доберутся. Потом были другие перевалы, наверное, менее доступные. Но достигнуть их все же было легче — люди уже привыкли к нагрузкам горных переходов и разреженному воздуху. А тот, первый переход надолго остался в памяти...

Хвойный лес давно уже сменился альпийскими лугами, потом исчезли и они. Бесплодные каменистые участки стали чередоваться с зарослями низкого кустарника. И вот наконец долгожданные признаки перевала — клочки ваты и «молитвенные флажки», привязанные к веткам кустов. То были приношения богам. Их оставляли дошедшие до перевала путники в надежде задоб-

рить «коней гор» — духов вершин, чтобы те не затребовали к себе их души.

На самом перевале возвышалась пирамидка из камней — по обычаю, каждый, кто достигал этого места, добавлял в нее свой камень. Спуск оказался ничуть не легче, чем подъем. В скале были вырублены ступени, по которым пришлось двигаться вниз. Выглядело это так: каждую лошадь люди держали сзади за хвост, а спереди осторожно руками передвигали ее копыта. Так продолжалось несколько часов. Заночевали на небольшой площадке перед висячим мостом из натянутых волокон бамбука. Внизу ревел поток.

На преодоление высокогорных перевалов, пересечение глубоких каньонов по качающимся веревочным мостам, осторожное продвижение по узким, прилепившимся к скалам тропам путешественники затратили гораздо больше времени, чем предполагали. Лишь через несколько недель им удалось добраться до отдаленного дзонга Таши, где они собирались отдохнуть и набраться сил перед заключительным этапом поисков таинственной страны.

Дзонг Таши много лет служил перевалочной базой на пути в пещеру, из которой появлялись и в которой исчезали люди страны Сердце дракона. С этим затерявшимся в горах дзонгом отец Сингха Раджи старательно поддерживал самые дружеские отношения, посылая его жителям богатые подарки и предметы первой необходимости, высоко ценившиеся в горах.

Тримпон — властитель закона, главное административное лицо в дзонге, — встретил путешественников приветливо. Чандра протянул ему кашаг — грамоту. Это был пропуск, выданный предыдущими тримпонами дзонга Таши людям индийского княжества. Осмотрев внимательно грамоту, тримпон подозвал своего заместителя по хозяйственной части — ньерчена и попросил его предоставить путешественникам комнаты, расположенные на верхней галерее. Дзонг представлял собой правильной

формы четырехугольник, каждая сторона которого являлась высокой каменной стеной, тщательно побеленной. Углы венчали четыре массивные, также четырехугольные, башни. Внутри дзонга были жилые и хозяйственные помещения. Передохнув в дзонге и заменив мулов на пони, путешественники двинулись дальше. Добравшись до входа в пещеру, они разбили лагерь, и несколько человек, включая Чандру, отца и Поля, отправились знакомиться с подземным озером. Полю объяснили, что путь должен проходить через озеро, но неясно, как преодолеть на его противоположном берегу вертикальную стену. Когда отец обследовал стену, он высказал предположение, что в ней скрыт каменный механизм, как в египетских пирамидах. Такие механизмы открывают и закрывают ход в стене с помощью потайного рычага. Но как ни искали его путешественники, найти не смогли. Впоследствии оказалось, что отец был прав в своей догадке, только рычаг находился под водой, поэтому-то его и не обнаружили.

ПЕЩЕРЫ ГРИБОЕДОВ

Чандра предложил изучить повнимательнее боковые ответвления основного хода. Начали с ближайшего. Чандра, Поль, отец и двое слуг с факелами отправились исследовать узкий коридор. Спустя некоторое время они увидели впереди странное изменяющееся мерцание. Коридор в этом месте раздваивался, и группа свернула налево, откуда шел мерцающий свет. Но не успели они пройти и ста шагов, как позади послышался шум обвала. Чандра тут же приказал слугам повернуть обратно. Поздно! Коридор, по которому они только что прошли, был засыпан песком, который еще струился с потолка, заполняя все большее пространство. Одновременно песок посыпался как раз над тем местом, где находились слуги с горящими факелами. Факелы погасли, и песочный дождь прекратился. Пятеро путешественников оказались

в полной темноте. И в этот момент на них напали. Кто-то быстро связал им руки и ноги, наложил на глаза повязки, положил каждого на носилки и куда-то понес. Несли довольно долго. Время от времени носилки ставили на землю — похитители отдыхали. Связанные могли свободно переговариваться между собой, а носильщики делали все молча.

— Поль! — крикнул в темноту отец во время первого привала.

— Я здесь, Раймон, — раздался близкий голос.

— А остальные?

Чандра и его слуги также откликнулись из темноты.

— Интересно, за что это нас так? — снова спросил отец. — Может, наказывают за попытку пройти сквозь пещеру?

— Пока неясно, — отозвался Поль. — Раз сразу не убили — значит, будут с нами говорить. И тащат к тому, кто проведет переговоры.

— Насколько я разбираюсь в подобных вещах, — вмешался в беседу Чандра, — с нами обращаются вежливо. Связали аккуратно, не бьют, а глаза завязали, чтобы мы не смогли сориентироваться даже в темноте. Боятся, что сбежим.

Наконец пленников куда-то принесли. Их развязали, сняли повязки с глаз. Отец осмотрелся: не очень большое помещение, слабо освещенное чем-то вроде фосфора, нанесенного на стены.

Вокруг молча суетились существа, похожие на людей. Одетые в темное, на груди у каждого — фартук, пропитанный или намазанный светящимся составом. Приглядевшись к похожим на призраки существам, отец понял, что это все-таки люди. Только очень странные. Видимо, давно живут под землей. Другие пленники также оторопело смотрели на светящиеся фигуры. Неожиданно «хозяева» начали медленно говорить, обращаясь к пленникам. Отец ничего не понял, но Поль вскоре переспросил что-то у «привидений» и стал с ними объясняться.

— Речь этих людей походит на невари — язык непальских неваров, — сказал он по-английски своим спутникам. — Они говорят, что не собираются убивать нас и сожалеют, что поступили с нами столь бесцеремонно. Наконец, они приветствуют своих гостей в лучшей из всех стран, которую называют Садам грибов.

При этих словах даже невозмутимый Чандра хмыкнул, а отец усмехнулся в темноте.

— Сейчас нас покормят, — продолжал Поль, — а потом грибоеды — как они себя называют — представят нас Великому Ричу. Наверное, это их жрец.

Вскоре путешественников действительно покормили какой-то массой, принесенной на плоских камнях. Похоже, что это были грибы. Пища оказалась довольно вкусной. Потом гостей взяли под руки и повели подземными коридорами, слабо освещенными, видимо, все той же светящейся массой, наклепленной или растущей на стенах.

Комната Великого Рича была просторной и светлой. Здесь светящаяся масса заполняла и стены, и потолок. Сам Великий Рич был в белой одежде, видимо, домотканой.

Он тепло поприветствовал гостей-пленников и стал рассказывать им о своем народе и стране Сад грибов. Поль переводил.

— Я рад, — сказал Великий Рич, — что к нам попали в гости люди, понимающие наш язык. Вы — в стране счастливого и мудрого народа, который выжил, когда погибли все его соседи. А погибли они потому, что поклонялись свету и богу света — Солнцу. Свет их и уничтожил. То был День Большого Огня. Умерли все, кто не был в пещерах, а те, кто находился у выхода из пещер, ослепли. С тех пор мы не выходим на свет, а неслушающихся, тех, кто тайно проповедует учение о Солнце, мы заставляем идти в сторону света, и он их убивает.

— Чушь какая-то! — по-французски сквозь зубы про-

бормотал Поль, но на таком университетском жаргоне, что, кроме отца, его никто не понял.

Великий Рич, видимо, уловил недоумение на лицах своих гостей и сказал, что он знает о существовании других народов, живущих при свете дня, но они, по его мнению, достойны сострадания. В пещерах жить лучше. Грибоеды живут прекрасно, и никто не умирает с голоду. После Дня Большого Огня они совсем перестали выходить днем из пещер и только ночью работают на своих плантациях. Лишь одна беда есть у грибоедов — им все труднее заключать между собой браки, так как многие из них стали родственниками. Вот почему чужеземцы — желанные гости в Саду грибов, о них заботятся и дают им в жены лучших женщин.

— Кажется, нас хотят женить! — усмехнулся отец.

— Чужеземцы не должны сердиться, если их похищают грибоеды, — продолжал владыка пещерного царства. — Мы устраиваем специальные ловушки в отдаленных пещерах и ждем, когда кто-то из чужеземцев окажется в пещерах. Ждать приходится очень долго, и дозорные отряды по очереди сменяют друг друга.

— Не огорчайтесь, что останетесь на всю жизнь с нами, — великодушно добавил Великий Рич. — Убежать отсюда вы все равно не сможете. Вы женитесь, и у вас родятся сильные, выносливые дети.

— Обворожительное будущее, пещерно-доисторический брак, — добавил снова на жаргоне Поль.

На этом аудиенция была закончена. Путников проводили в отведенное им помещение — просторную пещеру со стенами, мерцающими фосфорным светом. Наконец их оставили одних. Но перед этим один из грибоедов, возможно, какой-то начальник, попросил Поля объяснить своим товарищам, почему им не нужно пытаться бежать отсюда.

— Здесь огромный лабиринт пещер, — сказал грибоед. — Даже мы можем легко заблудиться. И бывает, что наши люди погибают от обвалов или голода, если поте-

ряют ориентировку. Кроме того, у выходов в дальние пещеры много искусственных ловушек, и беглецы проваливаются в пропасти или же их засыпает песок. Первая заповедь, высеченная в Стене закона, гласит: «Грибоед никогда не должен покидать Сада грибов». — С этими словами сопровождающий покинул пленников.

— Хорошие законы! — фыркнул отец. — Вроде надписи на воротах клиники для очень, очень нервных людей: «Своим выход запрещен!»

Путники осмотрели предоставленное им помещение. В пещере было несколько каменных лож, устланных чем-то, напоминавшим мох.

— Давайте спать, — предложил отец. — Мы безумно устали, а утро вечера мудренее, хотя я и не знаю, как определить, когда наступит утро. На всякий случай заведем-ка свои часы...

И все повалились на подстилки из «мха».

На другой день путешественники провели совещание. Оставаться на всю жизнь в пещерах никто не хотел. Решили, чтобы не вызывать излишних подозрений у хозяев, согласиться для видимости с предложением обзавестись семьями, но постараться оттянуть момент бракосочетания, а тем временем изучить Сад грибов и изыскать возможность для бегства.

— Меня интересует, что имел в виду Рич, когда говорил, что грибоеды выходят ночью на свои плантации, — сказал Чандра. — Может, оттуда можно бежать?

— Думаю, что мы должны быть предельно осторожны и внимательны, — озабоченно проговорил Поль. — Следует запоминать все переходы, по которым нас будут водить, и потихоньку составлять план подземного города. У меня, кстати, есть карандаш и немного бумаги. И еще. Когда мы уходили от Рича, он перекинулся несколькими словами с сопровождавшим нас грибоедом. Но говорили они не на невари, а на языке дравидийской группы. Возможно, знатные грибоеды ведут свое происхождение от дравидийской этнической группы, а не от

неваров, отсюда два языка: общенародный и для знати. На дравидийском Рич просил своего подданного обеспечить надежную охрану пришельцев и повнимательней присмотреться к каждому из них. Значит, нас будут хорошо стеречь...

* * *

Прошло несколько недель. Раймон и его товарищи начали осваиваться в подземном государстве. Узнали некоторые подробности о жизни грибоедов и даже завели среди них знакомых. Племя было разделено на семьи, каждая из них жила в отдельной или в нескольких пещерах, иногда очень просторных, со сложной системой вентиляции. Пещерный город имел выходы на поверхность, где были расположены так называемые «плантации». Однажды путешественников пригласили побывать на этих плантациях, скорее всего чтобы дать им понять, что бегство отсюда невозможно.

Была ночь, на чистом небосклоне сверкали яркие звезды и светился тоненький серп луны. Плантация раскинулась на почти горизонтальном плато, круто обрывавшемся в пропасть. Чувствовалось, что за растениями плантации тщательно ухаживают. Грибоеды объяснили, что каждую часть плантации обрабатывала специальная группа, обычно отдельная семья, выходившая на поверхность только ночью. Оказывается, от солнечного света подземные жители обычно теряли сознание и умирали. В редких случаях они оставались в живых, но полностью лишались зрения.

От чистого живительного воздуха у отца и его друзей закружилась голова. Преодолев недомогание, они с интересом стали разглядывать ландшафт. Грибоеды, безусловно, рассчитывали на такую любознательность: достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что бежать с плато невозможно — по крайней мере, без специального альпинистского снаряжения. Внизу виднелась

долина, окруженная горами. Она казалась безжизненной. Справа путешественники рассмотрели еще пять или шесть плато-плантаций, также с отвесными склонами, уходившими вниз на сотни метров.

Отца заинтересовала небольшая площадка слева, под которой метрах в тридцати была другая, побольше, вся усыпанная, насколько можно было разглядеть, человеческими черепами и костями.

— Что это? — спросил отец, а Поль перевел вопрос грибоедам.

— Место Смерти, — последовал ответ. — Ночью на верхней площадке прощаются с теми, кто умер, — их тела сбрасывают вниз. Предки завещали нам не хоронить умерших внутри пещер — могут начаться болезни. Днем на верхней площадке Смерти совершаются казни...

— Они же не выносят дневного света! — перебил говорившего отец. — Спроси, Поль, как они могут выходить на площадку днем?

Поль перевел.

— Днем никто и не выходит, — пояснил грибоед, — приговоренных к смерти выводят на площадку ночью и оставляют там, а каменную дверь запирают изнутри. Утром солнце убивает осужденных, а если кто-то умирает не сразу, то обязательно слепнет и, срываясь вниз, разбивается о скалы. Тела тех, кто умер на верхней площадке, на следующую ночь также сбрасывают на нижнюю площадку Смерти.

— И часто вы казните своих соплеменников? — спросил Чандра.

Поль снова перевел вопрос.

— Нет, мы казним только за самые страшные преступления: за принадлежность к свето- и солнцепоклонникам.

— А какая между ними разница? — не выдержал Поль.

— Большая! Солнцепоклонники утверждают, что бог находится вне пещер, и этот бог — Солнце. Они тайно собираются во главе со своими жрецами и молятся перед изображением дневного светила. Солнцепоклонники рисуют изображение Солнца на стенах подземных коридоров. Они хотят, чтобы их жрецы захватили власть и стали выше даже Великого Рича.

— А светопоклонники?

— Эти еще хуже. Они проповедуют учение, что грибоеды должны покинуть подземные поселения и выйти на поверхность земли. Но сначала, говорят они, необходимо постепенно, каждое утро, приучать глаза к дневному свету. Тогда якобы свет не будет никого убивать... Светопоклонники — ниспровергатели существующего строя, они хотят гибели всего нашего народа. Они хотят овладеть знаниями за пределами Сада грибов, в мире света. Светопоклонников надо безжалостно уничтожать! Они не хотят жить в пещерах!

— А как вы узнаете среди грибоедов светопоклонников или солнцепоклонников?

— Врагов распознать трудно. Они хитрые. Не говорят открыто, о чем думают. Но у нас есть «искатели червей», это очень достойные грибоеды, подчиняющиеся самому Великому Ричу. Червь — главный враг гриба, свето- и солнцепоклонники уподобляются червям, разъедающим общество грибоедов. «Искатели червей» внедряются в ряды грибоедов, определяют самых опасных и после приговора, вынесенного Великим Ричем, выводят их на место Смерти...

— А что вы выращиваете на плантациях? — Поль явно хотел сменить тему разговора.

— У нас много растений, — ответил грибоед, также довольный сменой опасной темы, — большинство из них мы употребляем в пищу, из других делаем одежду и обувь, третьи идут на одеяла, подстилки, коврики, корзинки для сбора грибов.

Прошло еще два-три месяца. Пленники продолжали усиленно искать возможности для побега. Однако ничего конкретного придумать они не могли.

Но вот однажды их повели на грибные поля, или грибницы. Это были помещения, где выращивали различные виды съедобных грибов — основную пищу подземного населения, а также светящуюся грибовидную плесень, которой покрывали стены пещер и вымазывали фартуки.

Грибницы представляли собой бесконечную анфиладу просторных пещер, в которых трудилось великое множество народа. Как пояснили пленникам, труд на грибных полях считался почетным и обязательным для всех, кроме самых высших руководителей. Но и те время от времени добровольно приезжали сюда и участвовали в сборе грибного урожая, хотя и чисто символически.

Нехитрую науку аккуратно выкапывать из земли грибы и осторожно укладывать их в легкие плетеные корзины пленники постигли быстро. Особенно усердствовал Поль. Он часто спрашивал совета у других сборщиков, интересовался, нет ли каких-либо особых приемов в работе, ускоряющих сбор грибов. Не стесненный языковым барьером, он легко сходиллся с работающими на плантациях и активно заводил знакомства. Товарищам он пояснил, что надеется во время разговоров выудить что-нибудь неожиданно полезное для побега.

И неожиданное явилось. Один из сборщиков грибов, внешне резко отличавшийся от других грибоедов, долго присматривался к Полю и однажды вдруг признался, что он не местный, а попал в пещеры из другой страны и поэтому хотел бы помочь чужеземцам бежать на волю, но при условии, что они возьмут его с собой.

Сначала Поль заподозрил провокацию. Потом решил, что может легко проверить своего нового знако-

мого — попросил его сказать несколько фраз на языке своего народа. Тот сразу же заговорил на языке, явно относившемся к индоевропейской группе. Поль понял и этот язык. Говоривший сообщил, что его родина известна племенам, живущим в горах, под именем страны Сердце дракона. Не знаящий об истинной цели экспедиции, Поль рассказал отцу и Чандре о неожиданном знакомстве. Те решили довериться Шоку — так звали нового знакомого.

План побега, придуманный Шоком, был прост. Работая ночью на плантациях, он внимательно приглядывался к верхней и нижней площадкам Смерти и пришел к выводу, что с помощью длинной веревки можно спуститься с верхней на нижнюю площадку, а затем по крутому, но не отвесному склону вниз, в долину. Там протекает речка, а она обязательно куда-нибудь впадает... Трудность была в том, чтобы раздобыть веревки и, главное, проникнуть на верхнюю площадку Смерти.

Веревки Шок тайно сплел уже из растений для подстилок и хранил в укромном месте. А ход на площадку он знал: однажды участвовал в похоронах своего друга-грибоеда. Оказалось, что, по обычаю, траурная церемония начиналась в самом большом зале апартаментов Великого Рича (в том самом, где властитель принимал наших друзей). Из зала похоронная процессия двинулась во внутренние покои и в третьей по счету пещере остановилась перед большой каменной дверью. За ней оказался извилистый туннель, полого поднимавшийся вверх. Метров через триста-четырееста туннель уперся в другую каменную дверь. За ней и была верхняя площадка Смерти.

Шок сказал, что он понял устройство замков у первой каменной двери туннеля, но не успел разобраться, как же открыли вторую. Однако он считал, что разгадать их секрет нетрудно, поскольку на его родине подобные замки бережно сохраняют как памятники далекой незатейливой старины. При этих словах отец усмехнулся

про себя, вспомнив тщетность попытки разгадать «незатейливый» секрет каменного замка на подземном озере.

Итак, беглецам предстояло проникнуть в покои Великого Рича, открыть две каменные двери, спуститься на веревках с верхней на нижнюю площадку Смерти и затем в долину, что казалось самым легким.

Пожалуй, сложнее всего было попасть в апартаменты подземного правителя. Вот что предлагал инициатор побега, который вынашивал свой план долго и основательно. У него был «камень, рождающий огонь», и «сухой гриб, загорающийся от искры» (друзья поняли, что это кремь и трут). Шок хотел заготовить несколько факелов из травы и сушеных грибов, зажечь их и идти прямо к жилищу Великого Рича. Не выносящие яркого света, грибоеды тут же разбегутся. Воспользовавшись паникой, беглецы проникнут в апартаменты, а затем в туннель, ведущий к верхней площадке Смерти. Важно было провести операцию днем — тогда грибоеды не смогут преследовать беглецов на площадке...

План был принят, только Чандра предложил зажечь факелы в самый последний момент, у дверей покоев Великого Рича.

— Надо без шума добраться до жилища владыки, — сказал индус, — и обязательно дожждаться момента, когда кто-нибудь выйдет от правителя или войдет к нему. Тогда можно будет ворваться к Великому Ричу, ослепив факелами охрану, и помешать ей запереть каменную дверь.

На том и порешили. Начался период активной подготовки к побегу. Факелы делал Шок, поскольку, в отличие от путешественников, не находился под постоянным наблюдением. Когда он сообщил, что факелы готовы, пленники попросились на прием к Великому Ричу: нужно было посмотреть на запоры каменной двери перед его покоем. Великий принял незамедлительно. Он сразу же объявил, что скоро состоится традицион-

ный праздник семьи и путешественников познакомят с их будущими женами.

— Подбор невест уже завершился, — добавил Рич.

Друзья попросили Великого рассказать о празднике. Правитель охотно согласился. Торжества, пояснил он, проходят на лунных полях, куда приходят юноши-грибоеды и их невесты. Каждому юноше старшие подбирают двух невест. За женихом остается право остановить выбор на одной из них. Но он не может сразу указать на свою избранницу. По обычаю, юноша обязан поработать определенное время на грибных плантациях поочередно с предложенными ему невестами, поближе узнать их характеры и только потом окончательно решить, на которой он женится.

— Каждому из вас, — добавил Великий Рич, — мы тоже подобрали невест, но не по две, а по три, чтобы вы могли иметь хороший выбор. Однако и вам придется поработать с ними.

— Надо бежать отсюда, пока нас не женили, — сказал Поль, как только друзья вышли из покоев правителя. — Завтра же попросимся на лунные поля подышать свежим воздухом...

«Подышать свежим воздухом» было крайне необходимо, чтобы точно определить час побега: на площадку Смерти надо было попасть утром или днем... Грибоеды все-таки отобрали у пленников все часы.

Сразу же после посещения лунных полей друзья попросились на грибные плантации, где встретились с Шоком и окончательно обо всем договорились. В назначенное время Шок пришел в пещеру к путешественникам и помог обезвредить трех грибоедов, постоянно находившихся при пленниках. Их крепко связали веревками из запаса, приготовленного для спуска с площадки.

Далее все пошло точно по плану. Пленники тихо приблизились к покоям подземного правителя. Когда кто-то вышел оттуда, двое кинулись на стражу — поме-

шать ей закрыть дверь. Остальные зажгли факелы. Стража разбежалась.

Великого Рича в большом зале не оказалось. Но друзья не считали обязательным прощаться с ним... Они быстро добрались до третьей пещеры и открыли дверь в туннель. Шок сделал это почти мгновенно. И надо сказать — вовремя! Когда беглецы нырнули в туннель, сзади послышался гул многочисленных голосов — видимо, стража организовала погоню. Миновав извилистый подземный коридор, друзья оказались перед закрытой каменной дверью. Здесь Шок несколько замешкался. Пока он изучал устройство замков, в темноте туннеля показались тени — воины-грибоеды, вооруженные длинными копьями. Они не решались подойти к факелам и топтались на месте, ожидая, когда огонь погаснет. Факелы действительно быстро прогорали.

Все понимали, что, как только догорит последний факел, их немедленно схватят, если Шок не успеет открыть наружную дверь. Другая же возможность убежать из подземного царства вряд ли им когда-нибудь представится. Это отлично понимал и Шок, а сознание собственной ответственности увеличивало волнение, которое мешало ему разобраться в механизме двери. Но все же буквально в последний момент, когда факелы уже гасли, он открыл дверь — и яркий дневной свет ослепил друзей, а грибоедов заставил немедленно скрыться в темных глубинах туннеля. Подождав, пока глаза привыкнут к свету, беглецы осторожно с помощью веревок спустились с верхней площадки на нижнюю. На скале над дверью из туннеля был нарисован белой краской огромный человеческий скелет, видимо олицетворявший Смерть. Кто и когда сделал этот рисунок (скорее всего при лунном свете), так и осталось загадкой.

С нижней площадки, также по веревкам, путешественники спустились в долину и пошли по течению небольшой реки. Но прежде чем двинуться в путь, Шок

попросил всех сделать из травы повязки на глаза, предохраняющие зрение от казавшегося нестерпимо ярким света.

Часа три они шли по берегу реки. Ландшафт изменился. Долина сузилась и теперь напоминала довольно широкое ущелье. Первым заподозрил неладное Чандра. Он указал остальным на вырисовывавшуюся впереди невысокую гору, запиравшую ущелье.

— Не могу понять, куда девается река!

Действительно, выходов из ущелья не просматривалось. Подойдя к горе, путешественники увидели, что река исчезает у ее подножия в зыбучих песках. Вода уходила сквозь землю! Это открытие подействовало на беглецов удручающе, но Шок оптимистично заявил, что узнаёт знакомые места, так как был схвачен грибоедами, когда углубился в пещеру с противоположной стороны горы.

— Видимо, галереи подземного царства простираются до самой горы, — добавил он.

Решили подняться на гору — за ней Шок знал дорогу в свою страну. Подъем оказался довольно сложным. Все основательно промерзли. Только после суток блужданий беглецы вышли наконец к горному плато, откуда было недалеко до одного из селений страны Сердце дракона.

ПОСЕЛОК ДРУ

Отец много рассказывал о стране Сердце дракона. Ее жители называли себя друссами, а свою страну Друсней. Но рассказы эти были не связаны один с другим, и восстановить последовательную картину пребывания друзей в этой стране оказалось невозможным.

Тем не менее я попытаюсь систематизировать его рассказы в хронологической последовательности.

Поселение, в которое попали беглецы, называлось Дру, оно сильно поразило воображение путешественни-

ков. Здания были сооружены из камня, дерева, стекла и металла. Освещение домов и территории — электрическое. В домах много непонятных электрических приборов и механизмов. Мебель в комнатах красивая и удобная, сделана из разных сортов дерева, тщательно отполированного.

Друсы встретили путешественников радушно. Сначала отец думал, что это из-за Шока, но позднее, когда побывал в других поселениях друсов, понял, что гостеприимство и приветливость — отличительные черты этого народа. Каждому путнику, включая индусов-слуг, было предоставлено отдельное помещение: две комнаты, кухня, ванная и примыкающая к ней баня (типа турецкой). Баня особенно обрадовала отца: у грибоедов они купались в теплых подземных источниках, но редко. А после побега и тяжелого лазания по горам баня была очень желательна.

Читая это место в рукописи Поля, я невольно вспомнил русские сказки моей бабушки Александры: там путника всегда сначала поили, кормили, в баньку водили, спать укладывали, а уж потом, отдохнувшего, расспрашивали. Разумно, ничего не скажешь!

Поль далее описывал встречу отца и его товарищей со старшим в поселке. Звали его Лок. Это был крепкий темноволосый мужчина с приятными европейскими чертами лица. На вид ему не было и пятидесяти лет. Лок пригласил путешественников к себе в гости на второй день их пребывания в поселке. Чандра при этом очень корректно объяснил друсам, что, по законам его страны, слуги не могут быть приглашенными на важную беседу наравне с хозяином. Поэтому он попросил разрешить сопровождавшим его индусам не присутствовать на встрече у Лока. Друсы не стали настаивать.

В доме Лока на верхнем этаже, где проходила встреча, одна стена оказалась стеклянной — сквозь нее можно было любоваться изумительным видом на высокогорья Центральной Азии.

Кроме Шока, в просторной и красиво обставленной комнате были еще двое мужчин («старейшин поселка», по выражению Лока) и очаровательная темноволосая девушка лет девятнадцати, очень похожая на хозяина дома («Моя дочь Лала», — представил ее Лок).

Девушка поражала не только своим изяществом, но и умением свободно и уверенно держаться в мужском обществе. Из путешественников, кроме Раймона, присутствовали Поль и Чандра.

Вежливо расспросив гостей о самочувствии и поговорив о трудностях странствий по горам, Лок попросил друзей рассказать о цели их путешествия. Отвечавший на вопросы Поль (он по-прежнему не был посвящен в настоящие планы экспедиции) коротко рассказал хозяевам о поисках путешественниками древних книг и рукописей, а также о пребывании в плену у грибоедов.

Присутствовавшие слушали не перебивая. Когда Поль кончил, Лок неожиданно заговорил на английском языке.

— Мы не так оторваны от остального мира, как кажется. Как видите, я свободно говорю на одном из европейских языков. Мы изучаем языки других народов, их культуру, государственное устройство. Знаем мы и о жизни грибоедов.

— Простите, Лок, — спросил отец, — почему эти люди живут под землей?

— В этом есть доля нашей вины. Но чтобы ответить на ваш вопрос, придется начать издалека.

И Лок рассказал, что его страна уже в давние времена достигла больших успехов в развитии науки. Ученые были самыми уважаемыми гражданами государства — они построили машины, которые облегчили многие виды труда и заменили людям лошадей в дальних

странствиях. Потом научились делать машины, похожие на больших насекомых — бегающих, прыгающих, летающих, плавающих.

В этом месте рукописи я вспомнил об аналогичных машинах в парке Куртьё в Солони. Неужели принцип этих моделей был заимствован из страны друссов?

Лок рассказал, что «Те, кто много думают» (так называли высший орган страны — Совет ученых) определяли фактически, чем должен заниматься каждый житель страны и где необходимо в первую очередь прикладывать силы и знания всего народа. Открывали новые источники энергии, изучали способы продления человеческой жизни. «Те, кто много думают» регулярно посылали разведчиков («сквозь горы»), чтобы посмотреть, как живут другие народы, но возвращавшиеся исследователи неизменно подтверждали, что в соседних странах процветают дикость, жестокость, ведутся кровавые войны между племенами.

В стране друссов между тем царили спокойствие, порядок, вера в незыблемость основ всего существующего. Потрясение основ началось с маленького светлого пятнышка, замеченного однажды на ночном небе с помощью сильных оптических приборов. Это пятнышко росло в размерах, вскоре его можно было увидеть на небосклоне невооруженным глазом. Ученые определили, что к Земле приближается большое небесное тело, которое в английском языке обозначают словом «комета».

Согласно старым книгам, продолжал Лок, по стране поползли слухи, что приближающаяся комета может разрушить Землю. Видимо, эти опасения были серьезными, потому что в Совете «Тех, кто много думают» произошел раскол. Часть астрономов, которых поддерживали видные специалисты промышленности, потребо-

вала построить большие металлические лодки, способные улететь на Луну или на близкую к Земле Красную звезду, там переждать, пока комета пройдет около Земли, и после этого вернуться обратно. Сторонники отлета пугали всех страшными катастрофами, утверждали, что притяжение кометы заставит выплеснуться воду из океанов и гигантские волны смоят все живое, обойдя несколько раз сушу земного шара. Опасались также землетрясений, которые завалят пещеры и убежища в горах, где люди могли бы укрыться от потопа.

Лок рассказал, что ученые Друссии давно уже работали над созданием «больших лодок, способных подняться в небо и долететь до Луны».

(Примечание Поля: Лок не употреблял слов «космические корабли», отец тоже в своем пересказе говорил «небесные лодки», но я для удобства пишу слово «космический».)

Научились также поддерживать в космических кораблях свежий воздух. Один из кораблей с большим количеством людей даже поднимался на несколько дней в Небо и благополучно вернулся на Землю. Ученые, строившие летательные аппараты, пользовались огромным уважением в стране, а они утверждали, что долететь до Луны, переждать там прохождение кометы и вернуться обратно будет нетрудно.

Однако нашлось много людей, не желавших покидать Землю. Некоторые астрономы всенародно объявили: опасность, связанная с приближением к Земле кометы, сильно преувеличена, потоп будет, но не зальет всю сушу, а от ядовитых излучений небесного пришельца нужно построить специальные убежища в долинах — тогда уменьшится опасность разрушения их от землетрясений и оползней.

Впервые за многие годы в Друссии начался раздор. Образовались два политических лагеря — обе группировки обвиняли друг друга в стремлении захватить власть и подчинить себе полностью ресурсы страны.

По требованию желавших остаться на Земле, провели опрос каждого человека старше пятнадцати лет: намерен ли он улететь в Небо. Большинство ответило: «Нет». Тогда «Дети Неба» (так окрестили тех, кто собирался отправиться в космос) добились разрешения построить для себя двадцать больших летающих лодок, в которых намеревались долететь до Луны. Лодки построили, хотя и поспешно. Одновременно построили убежища для всех, кто оставался на Земле.

Комета между тем приближалась. Она зловеще сияла на небе, с каждым днем увеличиваясь в размерах. Приближался и день отлета. Все жили в лихорадочном возбуждении. Значительная часть «Детей Неба» изменила свою точку зрения и решила остаться на Земле. Но самые упрямые были по-прежнему твердо настроены переждать прохождение кометы в космосе или на Луне. В день отлета девятнадцать огромных кораблей успешно взлетели в небо. С последним, в котором находились главные руководители «Детей Неба», произошло несчастье. Он взорвался, едва успев оторваться от Земли. Это случилось над селениями одного примитивного племени, жившего в горах недалеко от друсов. Племя называло себя грибоедами, поскольку исстари разводило в горных пещерах огромные съедобные грибы. Когда космический корабль упал, взорвалось его топливо — температура взрыва была очень высокой, несчастные грибоеды просто испарились от жара. Уцелели только те, кто в тот день отправился в пещеры за грибами. Самих друсов спасла случайность — космический корабль упал за высоким горным хребтом, отделявшим Друссию от селений грибоедов.

На уцелевших в пещерах грибоедов огненная катастрофа произвела страшное впечатление. К тому же те из них, кто первое время после взрыва выходил из пещер, получили большую дозу радиационного облучения, с них сползала кожа, и они умирали в мучениях. Тогда-то грибоеды и поклялись жить под землей — так посте-

пенно у них возникла религия, запрещавшая выходить из пещер в дневное время...

Рассказ Лока многое объяснял. Космические корабли друссов, видимо, были оборудованы атомными двигателями, и, когда один из них взорвался, грибоеды погибли от высоких температур и радиации. Отец попросил хозяина рассказать, как сложилась судьба друссов после прохождения кометы и что стало с теми, кто улетел в космос. К его удивлению, Лок попросил ответить на эти вопросы свою дочь, пояснив, что она — признанный специалист по истории Друссии. Девушка, ничуть не смущаясь, начала говорить на хорошем английском языке.

— Мы не знаем, что случилось с теми, кто улетел в Небо. Ни один корабль не вернулся на Землю, по крайней мере в нашу страну или в известные нам страны. А для народа, оставшегося в Друссии, наступили тяжелые времена, как сообщают письменные памятники.

И Лала рассказала, что комета все-таки вызвала землетрясение и оползни. Часть зданий пострадала, и главное, были разрушены некоторые заводы, важнейшие лаборатории, уничтожены уникальные приборы. Восстановить удалось далеко не все, поскольку те, кто мог бы это сделать, улетели в космос. Страна была отброшена в своем развитии назад. С тех пор, кстати, опасаясь землетрясений, было решено не строить в Друссии больших и высоких зданий. Но землетрясения имели еще одно пагубное последствие. Вызванные ими оползни перегородили страну на две части: большую — восточную и меньшую — западную. Оползни полностью засыпали легкодоступные горные перевалы, соединявшие обе части, в прошлом — отдельные провинции. В результате стали параллельно развиваться два самостоятельных государства — на востоке друссов, а за горами, на западе, муссов. При восстановлении страны среди друссов выдвинулся человек, которого никто не зовет

по имени, но зато все величают словом «Мудрый». Мудрый разработал для управления государством свод законов, избавивших народ от многих неприятностей.

— Мы, — добавила Лала, — до сих пор следуем духу этих законов, и, поверьте, они действительно помогают нам решать трудные проблемы, с которыми, кстати, приходится сталкиваться и другим государствам, особенно нашим соседям муссам.

— А что стало с вашей западной провинцией? — спросил отец.

— Там начались раздоры и междоусобицы. Ученые именно западной провинции были главными инициаторами отлета в Небо, и, когда они улетели, в той местности практически не осталось сколь-нибудь сильных руководителей. Все кончилось совсем неожиданно: в западной провинции создали королевство (дело неслыханное в Дрессии!), назвав его Муссатангом. Цивилизация дрессов всегда издевалась над автократическими государствами¹, считая их этапом развития примитивных народов, и тут вдруг появился под боком собственный монарх. Связь между восточной и западной частями страны была очень плохая: смельчаки одиночки пробирались из одной провинции в другую через ледники, пропасти, пещеры и могли сообщать лишь новости о том, что где происходит. В этих условиях Восток не мог повлиять на развитие дел на Западе.

— А кто же стал королем на Западе? — поинтересовался Поль.

— Молодой человек по имени Мусса. Явно незаурядный. С большой целенаправленной волей. И очень сильный физически. К тому же жестокий, не считающийся с нравственными нормами при достижении своих целей. После прохождения кометы и землетрясений на Западе

¹ Автократия — система управления, при которой одному лицу принадлежит неограниченная верховная власть (деспотии Древнего Востока, империя Рима, абсолютные монархии, современные политические режимы фашистского типа).

стало плохо с продуктами. Начались волнения. Отдельные группы людей самовольно захватывали склады с продовольствием. Центральная власть в западной провинции оказалась слабой и не могла справиться со смутьянами. В этих условиях Мусса создал хорошо вооруженный отряд и с его помощью стал наводить порядок. Он убивал всех, кто выражал хоть малейшее недовольство его методами. Для друссов, привыкших к свободному выражению своих мыслей, это был настоящий кошмар. Но сопротивляться они не умели. Вскоре, кстати, было объявлено, что все жители западной провинции будут называться муссами (вместо друссов) в честь своего повелителя. А тот создал жесткую централизованную систему власти, которая с небольшими изменениями сохранилась в Муссатанге до сих пор. Себя повелитель провозгласил королем Муссой Первым-Неповторимым. С тех пор все короли на Западе носят имя «Мусса Неповторимый». Причем правящего короля называют обычно «Мусса Сегодняшний» (опуская порядковый номер: Седьмой, Восьмой, Десятый), а предыдущего зовут «Мусса Вчерашний».

Последние слова Лала произнесла с нескрываемой иронией. Отец слушал ее и удивлялся: юная, стройная, очень женственная — и в то же время рассказывает о серьезных исторических коллизиях, анализирует их, не стесняясь высказывать свое собственное суждение. Таких девушек он еще не встречал. Полю рассказчица тоже очень понравилась: достаточно было взглянуть на него, чтобы это сразу стало ясно.

— У вас что, — отец подыскивал нужное слово, — своеобразный взгляд на порядки в соседней стране?

— У нас, друссов, другие основы организации власти. Мое мнение: муссам не повезло — после кометы они вернулись к примитивному общественному мышлению, из-за нехватки продовольствия и товаров в их стране возобладали «принципы первоначальных инстинктов», то есть правда сильного и хитрого.

— Ваше общество в военном отношении сильнее муссов?

— Намного! И в экономике, и в научных исследованиях тоже! Если бы муссы имели такое преимущество перед нами, они давно бы захватили Друссию!

— А что же вы не поможете муссам? Насколько я понял, у них тирания, навязанная большинству?

Лала рассмеялась:

— У нас есть сторонники активного вмешательства в дела Муссатанга. «Горячие головы», как их зовут. Кстати, я тоже отношусь к их числу. Но большинство членов Совета «Тех, кто много знают» выступает против вмешательства в дела соседней страны. Противники вмешательства полагают, что сегодняшние муссы уже настолько глубоко впитали в себя привычки раболепия перед своей знатью и монархами, что внешние попытки что-то там изменить приведут лишь к замене одной формы тирании другой. Сторонники невмешательства утверждают, что насильственно ломать существующий в Муссатанге строй — это все равно что перестраивать внутреннюю часть улья, куда пчелы механически носят мед. Муссы якобы должны заново созреть для нормального, свободного мышления — тогда им можно будет помочь.

— А вы лично все-таки за вмешательство? — уточнил отец.

— Да, и я не скрываю этого. Впрочем, разговор беспредметен. Чтобы судить о Муссатанге, надо хорошо представлять себе, что там происходит, а еще лучше пожить среди муссов. Я там не жила, но ко мне, как специалисту по истории, стекается много разных сведений об этом обществе. Хотите чашку чая?

Путешественники прожили в пограничном селении друссов несколько недель. Уклад жизни хозяев во многом поражал их. Поражали и сами хозяева — подтянутые, интеллектуальные, доброжелательные. Атмосфера доброжелательства была, пожалуй, самым характерным

в отношениях между друссами, при этом никто никому не навязывал своей воли и своих привычек. Поль окончательно влюбился в Лалу и на этой почве чуть-чуть поглупел. Лала, конечно, заметила состояние друга моего отца, но относилась к Полю ровно, приветливо и немножко сочувственно... Самому отцу друссы очень прижились по душе. Чандра чувствовал себя несколько стесненно: то, что он видел вокруг, сильно расходилось с внушенными ему с детства категориями поведения. Тем не менее друссы ему тоже нравились.

Наступил день, когда отцу и его друзьям предложили посетить столицу Друссии.

— Надеюсь, вы освоились с нашими порядками, — сказал сообщивший им это известие Шок, — и вам нетрудно будет привыкнуть к нашей стране.

Из Дру до столицы нужно было добираться по воздуху. В поселке было несколько небольших летающих лодок с крыльями как у стрекоз, их называли стреколетами. Путешественники совершили пробные полеты на этих аппаратах вокруг селения. Отец вспоминал, что вначале было страшновато, а потом они освоились, хотя страх и остался. Добираться до столицы на лошадях, пони или яках было невозможно, так как перевалы завалило снегом.

Лока беспокоила погода — сильные ветры над перевалами. Но внезапно ветер стих, и на другой день было решено отправиться в столицу на двух стреколетах. Первый пилотировал Шок. С ним летели Чандра и его слуги. Во втором аппарате летели отец, Поль и Лала.

Поначалу полет протекал нормально. Однако после того как первый стреколет благополучно миновал ближайший перевал, внезапный ураганный порыв ветра подхватил второй аппарат и стремительно понес его в сторону. Шок тем временем успел увести свою летающую лодку далеко вперед. Надо отдать должное Лале — она не растерялась и ее хладнокровие спасло жизнь всем трем. Ей удалось долго удерживать в воздухе

аппарат, планируя над горами, а затем, когда стреколет все-таки швырнуло вниз, приземлиться на снежном склоне, превратив воздушную лодку в сани, помчавшиеся по крутому спуску. Кончилось все это тем, что путешественники оказались у подножия горы более или менее невредимыми, а их лодка развалилась. Забрав с собой аварийный запас продуктов, троица двинулась дальше в поисках людей и жилья.

— Что ж, — не без юмора констатировала Лала, — вы интересовались жизнью муссов, теперь вам выпала редкая возможность познакомиться с ними лично. Поэтому что судьба и ветер занесли нас в Муссатанг...

МУССАТАНГ

— Итак, — сказала Лала, — сейчас самое главное для вас — внимательно прислушиваться к советам мудрой женщины, то есть к моим советам. Как историк, могу вам сообщить, что Муссатанг — страна своеобразная и не такая примитивная, какой может показаться с первого взгляда. Поэтому лучше всем нам постараться произвести впечатление людей не очень образованных и не очень далеких. Это будет означать, что никто из нас никогда не слышал о друссах. Мы — путешественники-европейцы, исследовавшие в составе большой экспедиции горы, заблудившиеся в пещерах и угодившие в плен к грибоедам (муссы о них знают). Теперь мы бежали из плена и пытаемся вернуться в Индию. Полю придется объявить меня своей женой, тем более, — хладнокровно закончила эта удивительная девушка, — что я ему, кажется, нравлюсь.

Поль густо покраснел. Отец хмыкнул и, не удержавшись, тут же предложил себя в роли представителя любой религии, чтобы обвенчать молодых.

— Увы, я серьезно, — продолжала Лала, — нам будет очень плохо, если подозрительные муссы узнают, что я друссиянка. Нас объявят шпионами и, чего доб-

рого, могут казнить. У муссов свои комплексы и определенная ущербность, когда речь заходит о моей стране. Но главное — король боится нежелательных, с его точки зрения, влияний на своих подданных. Пусть уж лучше я выдам себя за европейскую женщину, например, англичанку, вышедшую замуж за француза. Назваться француженкой не могу — у муссов есть специалисты по языкам, начнут говорить со мной по-французски, а я знаю этот язык очень слабо. Правда, надеюсь, что с сегодняшнего дня мой названный супруг будет учить меня своему языку.

— Названным бывает брат, когда он не родной, — буркнул Поль, — а муж должен быть всегда родным...

— Посмотрим, посмотрим, — лукаво улыбнулась Лала. — Кстати, а как вам мой английский? За англичанку принять можно?

— За англичанку принять нельзя, — сказал Поль, — хотя произношение неплохое. Выдавайте себя за жительницу Шотландии. Шотландца трудно понять даже англичанину. Заодно давайте уж сменим вам имя. Элен подойдет?

— Согласна.

До ближайшего селения добирались три дня. К тому времени, когда их увидели первые муссы, все трое приобрели достаточно живописный и убедительный вид измученных, голодных, несчастных людей, вырвавшихся из неволи подземного царства.

Поселок муссов произвел на путешественников гнетущее впечатление. Аборигены, все одетые в одинаковую грубую одежду серого цвета, выглядели изможденными и запуганными. Когда путешественники появились на улице поселка, состоящего из нескольких длинных одноэтажных каменных зданий барачного типа, местное население попряталось. Только минут через пятнадцать на пустынной улице возникла группа людей в сером, среди которых выделялся один в коричневом одеянии (позже выяснилось, что это был местный староста). Поль всту-

пил с ним в переговоры и быстро понял язык хозяев — он оказался разновидностью языка друссов.

Староста попросил чужеземцев пожить несколько дней в деревне, пока не придет распоряжение от бобá относительно их дальнейшей участи.

— Кто такой бобá? — спросил Поль.

— Это верховный начальник всей нашей местности, — последовал ответ.

Через семь дней трое важных людей в богатой зеленой одежде привезли распоряжение. Их сопровождали человек десять, одетых в коричневое платье. Один из «зеленых», крупный мужчина лет пятидесяти, с орлиным носом и внимательными холодными глазами, сносно говорил по-английски. Он сообщил, что его зовут Су.

— Я принадлежу к достойным обáнам, — сказал «зеленый», — моя должность, в европейском понимании, соответствует начальнику канцелярии министра. Мне поручено помочь вам доехать до столицы.

Поль выразил Су признательность за его заботу о чужестранцах. Су представил своих спутников (в зеленом) — Шу и Зу и объяснил, что они также принадлежат к достойным обáнам. Монголовидный Шу и похожий на индийца Зу величественно кивнули. Оба они знали по-английски несколько фраз. Путешественники не поняли, кто такие обáны, но решили пока воздержаться от вопросов. Людей, одетых в коричневое платье, нашим друзьям не представили.

Между тем Су объявил, что правительство великого государства Муссатанга хотело бы встретиться с чужестранцами, а посему всем необходимо немедленно отправиться в столицу страны город Танг. Путешественников посадили в повозку, запряженную парой низкорослых лошадей, «зеленые» и «коричневые» также расселись по повозкам, и все двинулись в путь.

Путешествие длилось несколько дней. На одном из привалов к отцу подошел Су. Возможно, оттого, что никого из его соплеменников не было рядом, он откры-

венно демонстрировал свое дружелюбие. Воспользовавшись этим, отец попросил поподробнее объяснить, кто такие обаны.

— У нас в государстве несколько социальных слоев, — начал Су. — Чтобы вам было понятнее, можно употребить слово «касты», но это не те касты, которые существуют в Индии. Каждая каста имеет свои права и привилегии, а также носит одежду определенного цвета.

— Ваша, очевидно, зеленого цвета, — заметил отец.

— Это нетрудно угадать, — улыбнулся Су. — Одежда сразу показывает общественное положение человека, и все знают, как к нему относиться. Высшая каста — бо — одевается в черные или розовые одежды, вышитые золотом. К бо относятся наш король, Мусса Сегодняшний-Неповторимый, члены его семьи, а также трое старших советников короля — по религии, по безопасности и по финансам. Вторая каста — бобá — носит синее платье с серебром. Бобá, дословно: советники короля, назначаются обычно министрами или губернаторами провинции. Третья высшая каста — бобáны, то есть, советники советников короля, — одеваются в оранжевые одежды.

— Простите, а сколько всего у вас каст и сколько из них высших? — перебил обана отец.

— Всего семь каст, из них три «высших», две «достойных» и две «простых». «Достойные» — это обаны, то есть приказывающие, по-вашему, начальники, и бáны — средние, мелкие государственные служащие и солдаты. Баны носят коричневую одежду. К «простым» относятся áны, одевающиеся в серую одежду, и ны, у которых платье должно быть всегда белого цвета. Ны — это люди неуважаемых профессий: мясники, выделыватели кож, могильщики и другие. Иногда среди них встречаются разжалованные королем за серьезные проступки бывшие сановники и чиновники. Впрочем, король может перевести провинившегося сановника в любую касту. При этом родственники наказанного также

переходят в соответствующую касту. Но изменить касту может только сам король.

— А к какой касте вы относите иностранцев, например, таких, как мы?

— К касте чужеземцев. — Су чуть усмехнулся. — Правда, бывают случаи, когда король жалует иностранцу звание своего подданного, а заодно и сословие. Но это после испытательного срока. Вначале же чужеземцам дают полосатое желто-зеленое одеяние... — Су на секунду задумался. Потом продолжал: — Должен вас предупредить: те, кто стал гостем Муссатанга, никогда не возвращаются обратно в свои поганые страны.

— Почему поганые? — удивился отец.

— Простите, это по привычке. У нас принято называть расположенные за горами государства «погаными», поскольку они не обрели еще великой мудрости жизни, которой руководствуемся мы, муссы.

Отец в изумлении посмотрел на обана, тот явно не скрывал иронического отношения к своим словам.

Однако на следующих привалах в присутствии своих соплеменников Су был сдержан и официален. Как-то утром он объявил, что к обеду путешественники прибдут в столицу страны — город Танг.

— Вы будете жить в «Саду для гостей», — продолжал обан. — Так называется резиденция, расположенная в красивом парке. Ваша дальнейшая судьба будет определена после того, как вас примет Мусса Сегодняшний-Неповторимый.

Город Танг показался путешественникам довольно неказистым поселением. В основном однообразные, скучные, длинные, каменные здания в два-три этажа. По сравнению с ними особняк для гостей производил более благоприятное впечатление. «Сад», окруженный каменной стеной, оказался действительно красивым парком с аккуратными дорожками. Однако сразу бросалось в глаза, что резиденция усиленно охраняется: с внутренней стороны стены вышагивали часовые.

Потянулись дни ожидания аудиенции у Его Неповторимости (титул соответствовал европейскому «Его Величество»). Позднее путешественники догадались, что Мусса Сегодняшний-Неповторимый нарочно тянул время, отдаляя аудиенцию. Король хотел, чтобы чужеземцы поняли, какая высокая милость — сам факт получения аудиенции у Его Неповторимости.

Жизнь в «Саду» была монотонной и скучной, только все трое этого не замечали. У Поля начался серьезный роман с Лалой, которую теперь звали Элен. Она наконец открыто призналась, что тоже любит лингвиста. Неожиданно для себя влюбился и отец. Предметом его страсти оказалась стройная сероглазая с европейскими чертами лица девушка по имени Илү, которую прикрепили к гостям переводчицей. Илу знала сносно английский язык и немного французский. Была она очень деликатной и доброжелательной. Странно было встретить в центре Азии эту светловолосую тоненькую девушку, которую скорее можно было принять за уроженку Праги или Вены, чем за жительницу затерянного в горах Мусатанга. Впрочем среди муссов (как и среди друссов) встречались самые разнообразные лица — от монгольских до скандинавских. Правительства обоих государств регулярно отправляли юношей на несколько лет в другие страны, прежде всего в Европу, учиться, и охотно разрешали им возвращаться на родину с женами-иностранками.

Илу была внимательной и заботливой по отношению к чужестранцам, но в глазах ее постоянно таилась грусть. Отец как-то поинтересовался у Су, почему девушка всегда грустит. Обан понимающе посмотрел на Раймона:

— Я заметил ваши чувства к Илу. — Она дочь моего покойного друга. Даже больше, чем друга, — он относился ко мне как старший брат. Этот человек занимал очень высокий пост и в свое время помог мне подняться по служебной лестнице. Потом его неожиданно разжа-

ловали, он не выдержал этого и вскоре умер. Я забочусь о его дочери, как о своей собственной, хотя своих детей у меня нет. Илу — хороший и добрый человек. Она сильно любила отца и не может его забыть. Матери своей она не помнит — та умерла, когда Илу была маленькой девочкой. Я прошу вас: отнеситесь к ней бережно.

Су мог бы и не говорить последней фразы. Отец и так относился к переводчице исключительно мягко и бережно, а та, в свою очередь, постепенно привязывалась к нему.

Однажды Илу рассказала Раймону историю своего отца. По ее словам, отец был добрым и справедливым. Он принадлежал к касте боба. Почти все свое время отец отдавал работе, а в свободные дни забирал дочь, и они отправлялись в горы исследовать разные пещеры. Это были самые лучшие часы ее жизни. Отец баловал Илу вниманием и заботливостью, но не прощал ей безделья, бессмысленного времяпрепровождения и с раннего детства отучил говорить неправду. Кроме того, он не терпел ни малейшей капризности. Он много занимался с дочерью географией, математикой, астрономией, английским и французским языками — и все это в несчастные свободные минуты. Потом король разгневался на отца и лишил его всех постов. Однажды утром Илу вошла будить отца и обнаружила, что он умер во сне. Девушка страшно закричала и потеряла сознание. Она долго болела после этого. А потом ее взял к себе Су, большой друг отца.

Раймон был тронут рассказом Илу. Он заявил, что в жизни не встречал девушки лучше, признался, что полюбил ее с первого взгляда. Для него будет большим счастьем, сказал он, если она согласится стать его женой. Илу подняла на него большие серые глаза и вдруг заплакала.

— Я вспомнила об отце, — сказала она сквозь сле-

зы. — Как бы он был счастлив, если бы смог увидеть нас с тобой.

Раймон много рассказывал Илу о Франции, Европе, Индии, а однажды честно признался, что надеется когда-нибудь вместе с нею, Полем и Элен убежать из Муссатанга: чем больше узнавал он эту страну, тем меньше она ему нравилась. Илу, не колеблясь, согласилась бежать вместе с Раймоном, только сказала, что надо обязательно взять с собой Су, которому грозит казнь, если чужеземцы убегут. Су отвечает за них перед королем. Кроме того, Су может существенно помочь в организации побега. Раймон задумался. Он решил посоветоваться с Лалой и Полем, а пока попросил Илу ничего Су не говорить.

Монголовидный улыбающийся Шу, навещавший время от времени пленников, вдруг стал проявлять к ним особое внимание. Однажды он предложил им поехать за город, посмотреть живописные места вокруг Танга. Держался Шу с пленниками очень вежливо и просто (без напыщенности, свойственной Зу) и старался предупреждать их желания. Необходимые формальности, связанные с прогулками, Шу быстро уладил. Он с явным удовольствием расспрашивал про обычаи в Европе и, в свою очередь, много интересного рассказывал об истории муссов. Но что-то в его суетливой вежливости и предупредительности настораживало. Первой заговорила об этом Лала.

— В наших школах, — сказала она Полю и Раймону, — изучают психологию человеческого поведения. И мои познания наводят на мысль, что обан Шу — человек очень неискренний и опасный. Будьте с ним крайне осторожны. Я немного знаю местные нравы. Пожалуй, в интересах продвижения по службе он может устроить нам какую-нибудь провокацию. Изображая из себя искреннего друга, он, похоже, выискивает наши слабые места. К тому же, боюсь, он догадался, что я друссианка.

— Мне тоже это приходило в голову, — сказал отец. — А что вы думаете о Су?

— Насколько я могу судить, он человек порядочный.

Наконец наступил день аудиенции у короля. Накануне в «Сад» пожаловала представительная, весьма торжественная депутация: молодой, но важный сановник в синей, вышитой серебром одежде, которого несли в паланкине, четверо менее молодых и чуть менее важных людей в оранжевой одежде, несколько полностью утративших свою повседневную важность «зеленых» (то есть обанов), которые почему-то страшно суетились, и большое число солдат и музыкантов в коричневых костюмах. Все они медленно шли под звуки восточной музыки. Приблизившись к пленникам, вышедшим встретить неожиданных гостей, они остановились. Музыка смолкла: и «синий» боба выступил вперед. Один из «оранжевых» протянул ему бумагу, и боба громко и нараспев начал ее читать. В бумаге сообщалось, что завтра Его Неповторимость примет чужестранцев в час, когда солнце будет в зените.

Раймон от имени путешественников вежливо поблагодарил Его Неповторимость за оказанную им большую честь и выразил признательность членам делегации во главе с многоуважаемым боба за то, что они «так замечательно передали высокое приглашение» (витиеватые фразы Раймон произнес по просьбе Су, который объяснил, что подобного пышнословия требует этикет).

Музыканты снова заиграли, и под их музыку процессия удалилась.

— Великие любят почет, — пробормотал по-латыни Поль, а Лала не могла скрыть смешинки в глазах.

Утром следующего дня путешественников повезли в трех золоченых каретах на аудиенцию к Его Неповторимости. Королевский дворец находился за городом на плоской вершине невысокой горы, склоны которой были искусственно обрублены таким образом, чтобы по ним никто не смог взобраться снизу. У подножия горы до-

рога упиралась в металлические ворота. За воротами был туннель, кругами поднимавшийся вверх внутри скалы. В нескольких местах его перегораживали железные ворота.

Мусса принял гостей в огромном тронном зале. Рядом с правителем и вдоль стен, как живые истуканы, застыли асины — личные охранники короля. Выражение их глаз походило на взгляд кобры, приготовившейся броситься на свою жертву. Отец вспомнил, как однажды во время прогулки Су рассказывал о личной охране короля. По словам обана, ею руководит старший советник не по безопасности, а по религии. Он сам тщательно отбирает для работы в охране короля молодых людей, но только тех, кто поддается определенному виду внушения. С отобранными проводятся необходимые занятия, а затем их увозят в специальное поселение за городом. Там им дают особый наркотик. Одурманенным юношам объявляют, что они попали в рай. Несколько дней будущих охранников всячески ублажают вышколенные красавицы, выдающие себя за райских гурий. Они готовят молодым людям изысканные кушанья и напитки и одновременно следят, чтобы в организме у каждого постоянно поддерживалась необходимая доза наркотиков. Наконец наступает день прощания с «раем», и каждый надеется, что праведной жизнью заслужит возвращение в него. Юношам внушают, что, если они отдадут жизнь за короля, то снова немедленно попадут в рай. Поэтому охранники легко жертвуют своей жизнью. По первому знаку короля они беспрекословно прыгают со стен дворца вниз и насмерть разбиваются у подножия горы. Так король проверяет их преданность.

Аудиенция у Его Неповторимости фактически была отрепетированным театрализованным представлением. Когда путешественники вошли в тронный зал, они увидели только асинов и нескольких придворных, причем каждый находился строго на своем месте. Короля не было, впрочем, как и трона, зато в разных местах стояли

чучела животных и птиц. Потом заиграла тихая музыка, и в зале стало темнеть. В этот момент чучела ожили: птицы захлопали крыльями, звери начали поднимать лапы, вытягивать шеи и рычать. Громко заклекотал большой орел, сидевший на искусственной скале в углу зала. Снова потемнело, и под звуки музыки сверху спустился Мусса Сегодняшний-Неповторимый на ярко освещенном золотом троне. Ему было лет сорок пять, черты лица выражали жесткую волю. Он милостиво кивнул всем, и путешественников попросили подойти к нему поближе. Началась беседа. Переводил Су. Мусса, видимо, был в курсе приключений наших героев. Он интересовался, как французы чувствуют себя в его государстве. Отец, выступавший от имени всех, учтиво поблагодарил короля за заботу (по сравнению с рядовыми жителями Муссатанга путешественники действительно жили в роскошных условиях) и сказал, что все трое с огромным интересом знакомятся со страной Его Неповторимости (что было правдой).

Все-таки разговора не получилось. Пленники опасались задавать вопросы (их предупредили — не проявлять излишнюю активность), а Мусса был настолько поглощен собственной персоной, что, похоже, все остальное представлялось ему мелким и неинтересным. Король спрашивал скорее из государственной вежливости и согласно существующим традициям встречи чужеземцев. Отцу показалось, что за профессиональной монархической вежливостью короля скрывается полное равнодушие к собеседникам. Все же аудиенция продолжалась сорок минут. Потом вновь заиграла музыка, потемнело, и трон с монархом поднялся в потолочные выси. При виде такой дешевой театральности путешественники с трудом сдерживали улыбки и сохраняли серьезность.

Су считал, что аудиенция прошла хорошо. Илу, с которой он поделился более подробными впечатлениями, сказала Раймону, что король только что раскрыл заговор против своей персоны и поэтому мало интересо-

вался иностранцами, видимо, целиком поглощенный мыслями о наказании заговорщиков.

— Часто бывают у вас заговоры? — спросил отец у Илу.

— Нет, — ответила она, — редко. Последний раз, когда я была девочкой, лет восемь назад. Тогда десятых заговорщиков казнили публично, отрубив им головы на главной площади столицы. С тех пор о заговорах я ничего не слышала.

Илу сказала также, что, по мнению Су, его коллеги Шу и Зу смертельно обиделись, что их не пригласили участвовать в аудиенции.

— Как бы они не выкинули какой-нибудь подлости, — озабоченно добавила Илу, возможно повторяя слова Су.

Су официально уведомил путешественников, что Его Неповторимость решит их участь несколько позже: сейчас он занят неотложными государственными делами.

— Пока вы поживете в «Саду». Надеюсь, вам здесь неплохо, — сказал Су. — В зависимости от решения Его Неповторимости вы получите определенный социальный пропуск в наше общество. Социального равенства, как вы заметили, мы не признаем.

— А где мы будем жить дальше? — спросил Поль.

— Это тоже будет зависеть от цвета вашего пропуска. «Черно-розовые», «синие» и «оранжевые» имеют у нас право жить в отдельных деревянных домах. Правда, для категорий бо и боба дома разрешается строить из особо ценных и полезных для здоровья пород дерева. Обаны живут в отдельных домах, но из камня. Баны, как правило, селятся в хороших квартирах, но в общих каменных домах. Анам предоставляются небольшие квартиры или большие комнаты в общих домах. Там строгая дисциплина и каждые пять семей объединены в пятерку во главе со старостой. Он докладывает регулярно властям о любом проявлении беспорядка среди членов подопечных семей. Ны живут в специальных домах

типа общежитий. У них дисциплина еще строже, чем у анов.

— Порядочки! — не выдержал отец.

— У каждого народа свои традиции, — грустно сказал Су.

Обычно перед ужином отец, Поль, Лала и Илу гуляли в саду. Иногда к ним присоединялся Су. В тот день, запомнившийся отцу, Су пришел в парадной зеленой одежде, немного возбужденный, и сразу же во время прогулки принялся рассказывать забавные истории из жизни муссов. Поведение обана удивило наших друзей. Это не укрылось от самого Су и, прервав свое очередное шутливое повествование, он сказал:

— Через месяц — День короля, день рождения Муссы Сегодняшнего-Неповторимого. В этот день каждый подданный по традиции делает подарок королю — пишет отчет «О себе». Горе тому, кто вставит в отчет хоть крупичку неправды или умолчит о том, что знает... В связи с этим я хочу с вами посоветоваться.

— Слушаем вас, — ответила за всех Лала.

— Женщины моей страны никогда не отвечают прежде мужчин, — посмотрев на нее, заметил Су. — Только в странах, именуемых Европой и Америкой, есть такие женщины. Есть они еще в одном месте — соседней с нами территории, которая называется Друссией.

Он снова внимательно посмотрел на Лалу.

— Продолжайте, — холодно сказала друссиянка.

— То, что Элен не из Европы, я понял сразу. Это не было заметно по ее английскому произношению, но для внимательного человека определить женщину из Друссии не представляет особого труда. Друссиянки очень образованны, организованны, спортивные и бесконечно уверены в себе. Сейчас передо мной дилемма: или написать в отчете «О себе», что среди наших гостей имеется скрывающая свою национальность друссиянка, что автоматически ведет к обвинению всех троих в шпионаже, а в связи с раскрытием недавнего заговора против ко-

роля, возможно, и в стремлении свергнуть существующий строй, за что полагается смертная казнь после тяжелых пыток, или скрыть из человеколюбия этот факт, что все равно грозит в недалеком будущем разоблачением и последующей казнью уже не троих, а четверых — четвертым, естественно, буду я. К тому же мой вечно улыбающийся друг Шу наверняка обнаружил, что Элен друссианка, но по каким-то известным только ему причинам пока помалкивает об этом.

— И что же вы решили? — спросил отец.

— Бежать. Помочь бежать вам, а вместе с вами и самому. Илу, разумеется, мы тоже возьмем с собой. Без нее, насколько я разбираюсь в обстановке, вы все равно не побежите.

— Совершенно верно, — сказал отец. — Только где гарантия, что все это не провокация?

— Никакой гарантии. Один здравый смысл. Семьи у меня нет, кроме Илу, заменившей мне дочь. Обоих нас ничто здесь не держит. Через год наступит мой «трок» — меня официально отстранят от должности по возрасту. Я стану обаном вчерашним, а, следовательно, мое жалованье уменьшится втрое, я лишусь большинства привилегий в получении продуктов и проведении отдыха. Я даже не смогу оставить за собой право ездить на охоту и рыбную ловлю. Эту привилегию сохраняют лишь вчерашние бо и боба.

— Вы хотите бежать в Друссию, чтобы поохотиться? — спросила Лала.

— И это тоже. Но не надо издеваться. Я уже стар, и мне давно надоело участвовать в придворной пляске на канате — вроде той, о которой писал английский писатель Джонатан Свифт. В молодости опасные курбеты с целью продвижения наверх будоражат кровь, подхлестывают тщеславие, к старости они вызывают отвращение, да и сломанные кости срастаются труднее.

— Простите, Су, к какой касте принадлежали ваши родители? — снова задала вопрос Лала.

— Я родился аном, и, поверьте, пробиться в обаны было непросто. Я все же пробился, но однажды вдруг стало невозможно выделять па на канате карьеры — при этом нужно ведь обязательно спихивать вниз своих соперников, танцующих рядом. Так что звания бобана я уже не хотел добиваться. Особенно сильно повлияло на меня незаслуженное разжалование и опала моего старшего друга Лу, отца нашей Илу. Кстати, его наказали за то, что в ежегодном отчете «О себе» он не упомянул об одном доверительном разговоре по поводу персоны короля, опасаясь подвести собеседника. Однако тот в своем отчете не забыл подробно описать разговор... Каждый отчет тщательно проверяет специальная служба, и любое расхождение немедленно расследуется... Мой отчет будут внимательно изучать в сравнении с отчетами Шу и Зу, а они, думаю, много чего смогут написать...

Су посоветовал бежать незадолго до Дня короля, когда все будут заняты приготовлениями к празднику, писать торжественные речи, восхваляющие Муссу Сегодняшнего-Неповторимого, отбирать подарки для короля, а главное, с трепетом ожидать Церемонии сдачи отчетов «О себе» — таково ее полное название. Проходит она в каждом городском квартале и каждой деревне. Как рассказывал Су, в этот период во многих глазах, независимо от ранга, отражается волнение, а то и откровенный страх. Все понимают, что никто не застрахован от расхождений между отчетом каждого о себе и сведениями о каждом, имеющимися у специальной службы советника по религии, которая проверяет отчеты. Хотя король карал «нечестных», как правило, через несколько недель после Церемонии, страх начинал преследовать людей задолго до Дня короля. Наказание варьировалось — от понижения в звании до (особенно в случае словесного оскорбления персоны короля) смертной казни с предварительными тяжелыми пытками.

Дней за десять до Дня короля, воспользовавшись

общей нервозностью и занятостью, Су получил у кого-то из боба разрешение свозить чужеземцев за город. Во время этой прогулки и решено было сбежать.

Случилось так, что утром накануне побега к друзьям неожиданно пришел Шу. Был он необыкновенно торжествен. Даже постоянная вежливая улыбка исчезла с его лица. На плохом английском языке он объявил, что собирается сделать важное сообщение и попросил Илу помочь его перевести.

— Мне выпала высокая честь, — начал Шу, — сообщить, что сегодня вас всех приглашает к себе на обед Ку Разумный, четвертый палец правой руки Его Неповторимости.

— Мы с глубочайшей благодарностью принимаем столь высокое приглашение, а также отдельно выражаем нашу искреннейшую признательность тому, кто так учтиво передал нам это приглашение, — отвечивал Раймон, впервые слышавший о Ку, но уже начавший привыкать к церемониалу официальных переговоров.

Кланяясь, Шу удалился.

— Это что еще за четвертый палец, который приглашает нас на обед? — спросил Раймон у Илу, как только торжественная физиономия обана исчезла за дверью.

Илу испуганно огляделась.

— Ку Разумный — один из влиятельных боба в государстве. Он руководит самой большой провинцией — столичной провинцией Танг.

— А при чем здесь четвертый палец правой руки Его Неповторимости?

— Высший королевский совет состоит из десяти человек, обычно их называют «десять пальцев Его Неповторимости». Первый палец правой руки — бо, советник по религии, второй палец — бо, советник по безопасности, третий — бо, советник по финансам и экономике. За ними следуют семь боба, занимающих самые ответ-

ственные посты. Столичную провинцию возглавляет четвертый палец правой руки...

— Понятно. Спасибо, Илу.

— Раймон, надо обязательно предупредить Су, что вас сегодня приглашают к Ку Разумному.

Су пришел после завтрака в прекрасном настроении — у него было все организовано для побега. Когда ему сказали, что обедать путешественники будут у Ку Разумного, он побледнел.

— Это очень серьезно. — Су стал ходить взад-вперед от волнения. — Только бы вас там не арестовали. Стража Ку фактически никому не подчиняется, кроме своего бобá. Полагаю, что Ку Разумный хочет лично убедиться, что среди вас находится друссианка. Тогда он потребует у короля разрешения на ваш арест. А так как вы находитесь на территории столичной провинции, то арест произведут его люди. Это важный момент, вы все окажетесь полностью в руках Ку. А этот человек, когда чувствует свою силу, не церемонится.

— Зачем ему нужно нас арестовывать? Мы же не делаем ничего плохого?

— Причины я не знаю. Подозреваю, что Ку ведет какую-то свою большую игру. Практически он третий человек в государстве. Второй — советник короля по религии. Он и Ку ненавидят друг друга, но Мусса Неповторимый приблизил обоих, играя на их разногласиях. Так ему спокойнее, поскольку каждый из них докладывает о малейшем промахе другого. У Ку везде свои люди: в армии, полиции, в других провинциях. Он знает положение в стране лучше, чем советники короля по религии и безопасности. Кстати, Шу — тоже преданный ему человек, и он информирует своего хозяина обо всем, что происходит в «Саду для гостей». Влияние и авторитет Ку объясняются просто: он — блестящий оратор; постоянно восхваляя Муссу Сегодняшнего, он в своих речах проповедует и собственные идеи — прежде всего, о загнивании стареющей Друссии, о том, что будущее

принадлежит целеустремленным, волевым муссам, которые создадут Великий, Вечный Муссатанг. Надо сказать, что на выступления Ку приходят толпы людей из числа тех, кто желает возродить былое величие родины. Особенно обожают Ку молодые офицеры и чиновники. Они обычно бешено аплодируют ему. А сам Ку во время своих речей до того распаляется, что перед ним ставят миску со льдом, куда он опускает руки, чтобы остудиться...

— Ку серьезно думает, что Муссатанг сможет обогнать Друссию?

— Обогнать — не знаю, но разгромить — может быть. Когда-то, в давние времена, ученые, создавшие большие летающие лодки, жили именно в провинции Танг. Сохранились некоторые чертежи. И как раз на территории столичной провинции находятся сегодня заводы, где в большом секрете стараются воссоздать эти летающие лодки. Отсюда авторитет Ку среди военных. Разумный уделяет много времени этим заводам. Летающие лодки можно начинить взрывчатыми веществами и направить на Друссию... Тогда от интеллектуального превосходства друссов мало что останется. Но, повторяю, все это готовится в строжайшей тайне.

— А как относится к этому Мусса?

— Идея Великого Муссатанга ему по душе, но, побаиваясь друссов, он более сдержан, чем Ку. Можно добавить, что перед Ку заискивает сам советник короля по безопасности, которому подчиняются армия и полиция.

* * *

Ку Разумный внешне оказался довольно приятным человеком, который, в отличие от Муссы Сегодняшнего, живо интересовался историей путешественников и с увлечением стал расспрашивать их обо всех случившихся с ними приключениях, а также о жизни во Франции

и Европе. Путешественники разговорились. Ку довольно остроумно комментировал их рассказы. Единственная странность, бросившаяся всем в глаза, — Разумный избегал обращаться к Лале. Расстались все внешне довольные друг другом. Ку, возможно, узнал то, что ему было нужно (убедился, что Лала — друссианка), а друзья облегченно перевели дома дух, так как до последней минуты опасались ареста. Очень довольным выглядел и Шу, видимо, выполнивший данное ему боба поручение.

Рано утром Су разбудил Раймона, Поля, Лалу и Илу и попросил быстро собраться на «прогулку». Он очень торопился: Шу не знал, что друзья уезжают в горы, и, если бы узнал, то наверняка задержал бы их в «Саду для гостей». Вскоре путешественники в сопровождении двадцати всадников — все баны — и самого Су выехали в сторону границы с Друссией. Часам к десяти утра они расположились на «пикник», как выразился Су. Стали пить чай. После чая все двадцать стражей заснули богатырским сном. «На сутки», — пояснил Су, подсыпавший в чай стражников снотворное. Беглецы забрали всех лошадей и спустились с гор на плато, за которым возвышались другие горы, отделявшие Муссатанг от Друссии. Плато было каменистым, кое-где росли небольшие группы деревьев.

— Это плато называется долиной Смерти, — пояснил Су. — Когда-то долина внушала суеверный ужас: человек, ступивший на ее землю, мог умереть через несколько дней — и никто не знал отчего.

Но умирали не все, а самородного золота в долине было много. Вот люди и рисковали. Потом обнаружили, что убийцы — москиты, разносящие особую, смертельную лихорадку. Сейчас, в это время года, москитов здесь не бывает. Правда, много скорпионов и змей, поэтому спускаться с лошадей на землю не рекомендую...

Пока двигались по плато, Су по просьбе Раймона

рассказывал о принятой в Муссатанге системе деления людей на касты.

— В древних книгах, — говорил обан, — я прочел, что касты ввел Мусса Первый. До этого все люди были равны перед законом, а должностным лицам предписывалось избегать пяти пороков, которые могли поколебать их честность: праздности, зависти, жестокости, поспешности в действиях и неопытности. Я помню, в старых законах была фраза, которая меня поразила: «Завистливые и ленивые чиновники не могут преуспевать в достижении народного блага. Должностным лицам следует избегать жестокости и злобы, быть великодушными и доброжелательными, решая общественные дела». Я запомнил эту фразу и старался руководствоваться ее смыслом.

Плато удалось пересечь за пять часов. Оставалось трудное восхождение на заснеженный перевал (Су надеялся, что на это уйдет часов шесть) и часа три движения по снегу. Потом шел неопасный спуск к долинам Друсси. За два часа преодолели первую половину подъема к перевалу и вышли на широкую площадку, с которой открывался вид на долину Смерти. С площадки просматривалась и прилепившаяся к скале узкая тропинка (двум лошадям не разойтись), серпантином полого поднимавшаяся к перевалу. Оставалось около часа светлого времени. С двух сторон на площадку выходили ущелья.

— Надо располагаться на ночлег, — сказал Су. — Подниматься ночью по этой тропинке на перевал нельзя: разобьемся. К тому же к вечеру здесь резко похолодает, и на перевале можно замерзнуть. Переночуем в одном из ущелий, там меньше ветра.

— Смотрите! — воскликнула вдруг Илу. — В долине какое-то движение!

Действительно, далеко внизу беглецы увидели большой конный отряд, направлявшийся в их сторону.

— Нас, кажется, преследуют, — заметил Су. — Не-

ужели Шу обнаружил спящих стражников и поднял тревогу?

— Что делать? — спросила Лала.

Су старался сохранить спокойствие.

— Идти сейчас на перевал, — сказал он, — равносильно самоубийству. Преследователи будут на нашей площадке завтра, часа через полтора после рассвета, — раньше не успеют. Ночью подниматься наверняка не будут — слишком опасно. Мы с вами завтра, через полтора часа после рассвета, будем еще на карнизе, не очень высоко от площадки. Перестрелять нас снизу будет нетрудно: по тропе нам придется продвигаться временами боком, прижавшись лицом к скале, — отличная мишень... — Су помолчал. Все напряженно слушали его. — Предлагаю женщинам и одному из вас начать подъем к перевалу, как только рассветет, а мне и второму мужчине остаться здесь, чтобы выстрелами не допустить стражников до площадки. Когда трое поднимутся достаточно высоко, чтобы чувствовать себя в безопасности, они найдут закрытую позицию, с которой будут простреливать площадку, прикрывая наш отход. Есть возражения?

— Подождите минутку. — Илу что-то сосредоточенно соображала. — Я знаю: здесь неподалеку, в ущелье, в скале есть древний храм. Когда был жив отец, мы с ним туда лазили. От главной площади храма длинный коридор ведет ко второму выходу. Этот выход, как говорил мой отец, уже на территории Друсси, по ту сторону горы. Но вход в храм расположен в отвесной скале, на высоте около тридцати метров от дна ущелья. Мы с отцом забирались по тропе на карниз, нависающий над входом, и спускались метров на семьдесят вниз по веревочной лестнице.

— Веревки я прихватил, но их хватит лишь метров на пятьдесят, — сказал Су, — а взобраться тридцать метров по отвесной скале невозможно.

— Выход есть, — вмешался отец, — взобраться вполне можно. Какая ночью будет температура?

— Часа через три вода замерзнет, — ответил Су.

— Прекрасно!

— Что ты предлагаешь? — спросил отца Поль.

— Остаться здесь двоим и отстреливаться — можно кого-то потерять. Я предлагаю забраться в храм-пещеру и через него выйти к друзьям.

— Но как взобраться?! — воскликнули хором остальные.

— Есть старый способ, применяемый в горах. Придется убить нескольких лошадей, и крупные куски мяса прилепывать к скале. Мороз намертво прикрепит кусок, превращая его в ступеньку лестницы. Так снизу вверх до отверстия в пещеру надо будет нашлепать куски мяса. Потом я заберусь по ним наверх и спущу вам веревку, по ней поднимутся все с оружием, боеприпасами, факелами, продуктами. Лошадей бросим в темноте. А утром, с восходом солнца, мясо оттаяет и упадет вниз.

— Рискованно, но придется попробовать, — выразила общее мнение Лала.

Все обошлось. Мороз действительно крепко сцементировал мясо со скалой. Отец, тренированный альпинист, без особого труда забрался в пещеру и помог подняться остальным. Илу хорошо помнила путь внутри храма. Только в одном месте она остановилась в нерешительности.

— Мой отец говорил, что здесь есть ловушка, и мы с ним шли у самого края стены. Но я не помню, справа или слева.

— Посветите мне лучше, — попросил Поль. — Я попробую что-нибудь выяснить.

Он внимательно осмотрел стены, пол и потолок прохода. Потом велел остальным отойти шагов на тридцать

назад. Место, вызвавшее сомнение у Илу, походило на начало большой, метра два в диаметре, каменной трубы, уходившей с некоторым наклоном вниз. Поль еще раз внимательно обследовал пол и потолок, потом вернулся в коридор и притащил тяжелый камень, лежавший в проходе. Он обвязал камень веревкой и осторожно, ступая у самой стены, стал продвигаться с ним вперед. Так же осторожно он поставил камень посередине туннеля-трубы и возвратился, скользя вдоль стены. Посоветовав всем отойти еще дальше назад, он стал с помощью веревки подтягивать камень к себе. Как только камень попал на какой-то квадрат пола, он стал медленно уходить вниз. Одновременно с потолка посыпались камни и песок, и вдруг оттуда же со страшным грохотом упал огромный двухметровый каменный шар, покотившийся по туннелю-трубе. Если бы в этот момент в трубе были люди, они были бы неминуемо раздавлены исполинским каменным ядром.

— Быстрее! — вдруг закричал Поль, и все увидели, как сверху медленно стала спускаться громадная плита, которая явно должна была перекрыть туннель. — Вперед! — снова не своим голосом крикнул он, и беглецы бросились по туннелю вслед за гигантским шаром. И вовремя: плита за их спинами закрыла ход назад.

Подавленные, друзья двинулись по туннелю вниз. К счастью, факелы во время стремительных передвижений не погасли. Всех волновала мысль, не закупорил ли каменный шар выход. Он действительно мог наглухо закупорить проход, но сила его инерции, помноженная на вес, была такова, что этот подземный болид глубоко врезался в стену в том месте, где туннель поворачивал на девяносто градусов влево. Образовавшаяся сбоку щель позволяла человеку пройти свободно. Еще через несколько сот метров туннель вывел беглецов на пологий склон горы значительно ниже перевала. Они оказались в Дрессии.

ДРУССИЯ

...Как-то я спросил отца, почему он не остался в Друссии, как это сделал Польша.

— У моего друга была на то серьезная причина, — помолчав, ответил отец. — Только учти: расстаться с родиной — огромное несчастье для любого человека. Родина у каждого одна, и забыть ее нельзя. А если человек оказывается далеко от родины, она остается в его сердце. Человек, равнодушный к своей родине, — очень плохой человек. Могу сразу сказать: такой никогда не сможет любить по-настоящему ни своих родителей, ни свою жену, ни своих детей. И у него никогда не будет настоящих друзей.

— А как же мать? — задал я каверзный вопрос. — Ведь ты лишил ее родины!

— Мне непросто ответить тебе, сын. Илу очень любит свою родину и тоскует по ней. Ей было девятнадцать лет, у нее не было никого, кроме Су, меня и памяти своего отца, которого она безумно любила. Но остаться на родине она не могла: нас всех там в скором времени казнили бы как «шпионов соседнего государства», хотя, конечно, мы не были никакими шпионами. Только это вряд ли заинтересовало бы королевский трибунал при вынесении нам смертного приговора. Позже выяснилось, что наш услужливый и улыбающийся «друг» Шу тщательно готовил показательный политический процесс над нами, Су и некоторыми попутно притянутыми сановниками. Процесс должен был притупить бдительность короля и отвлечь его внимание от подлинного заговора, возникшего в тот момент среди высшей знати. Наш побег спутал заговорщиков все карты, и они обвинили Шу в неумении «делать дело». Тогда тот решил «кое-что подправить»... Но об этом мы узнали позднее.

— Значит, связи с Муссатангом не были оборваны?

— Муссатанг сам протянул к нам свои щупальца.

Понимаешь, я, Илу и Су с первых же недель пребывания в гостеприимной Друссии затосковали. Причины тоски у каждого были разные. Я вдруг остро захотел вернуться во Францию. Илу страдала по своей, хоть и неласковой, родине, особенно огорчаясь, что никто не ухаживает за могилой отца. А Су плохо чувствовал себя в организованной Друссии, хотя о своих бывших коллегах по ту сторону гор и вспоминал с отвращением.

— А Поль?

— Поль забыл все на свете, кроме Лалы. Он очень любил ее и, женившись, был счастлив. Перед свадьбой она открыла ему свой секрет. Мы ведь были уверены, что красивой, умной и начитанной друссиянке от силы лет восемнадцать-девятнадцать, а она призналась жениху, что старше его на пятнадцать лет... Оказывается, друссy долго сохраняют молодость. Отцу Лалы было за восемьдесят! В этой стране медицина и биология намного обогнали другие науки, и врачи научились продлевать всем молодость. В среднем же в Друссии человек живет до 160—170 лет! Но так долго жить можно, лишь не покидая страну, где дважды в год каждый проходит специальный курс омоложения. Поэтому Лала прямо сказала Полю, что, как только покинет с ним свою родину, она начнет быстро стариться и тогда он может ее разлюбить... Вот Поль и остался в Друссии.

Раймон рассказал, как закончился побег пленников из Муссатанга. Когда они вышли наконец из пещеры на землю друссов, то вначале немного приуныли: кругом была безлюдная местность, а силы их оставляли. К счастью, одно из следящих устройств, установленных в пограничном районе, обнаружило их довольно быстро. На помощь беглецам немедленно выслали стреколет, и всех пятерых доставили в столицу, город Рус. Туда же прилетел отец Лалы. Он рассказал, что правительство подготовило операцию по освобождению троих путешественников — их собирались выкрасть из Муссатанга. Как выяснилось, друссy долго не знали, что Лала, Поль

и Раймон остались живы. Полагали, что все трое погибли под снежной лавиной (она прошла два часа спустя после того, как потерпевшие катастрофу успели выбраться из опасной зоны). Вылетавшие на поиски стреколеты обнаружили лучеискателями глубоко под снегом обломки стреколета Лалы.

Прошло довольно много времени, прежде чем разведчики Друссии, внедрившиеся в Муссатанге, случайно узнали, что все трое живы и находятся под охраной. Еще какое-то время ушло на разработку деталей операции по освобождению пленников. Выделили несколько специальных стреколетов и других аппаратов, которые должны были участвовать в операции. Однако путешественники сами опередили события.

Отец с огромным уважением и искренней симпатией рассказывал о друссах — народе, безусловно, талантливом, добром и очень необычном. Но однажды он признался, что ему было не совсем просто в этой стране.

— Я невольно чувствовал свою какую-то ущербность среди друссов, — говорил отец. — Это похоже на ощущение человека, неспособного даже подтянуться на турнике и оказавшегося вдруг в обществе красивых и хорошо натренированных гимнастов и гимнасток. Блестящее образование друссов, далеко превосходившее все то, чему учили нас в Сорбонне, их подтянутость, спортивность, большая внутренняя организованность и сильная воля утомляли меня. Я, конечно, и сам внутренне подтянулся, но в результате постоянно чувствовал какую-то напряженность, не позволявшую мне душевно расслабиться. Вот почему я с удовольствием откликнулся на просьбу Илу и Су уехать во Францию.

Друссы все видели и все понимали. Они не стали задерживать отца и его жену (Раймону и Илу была устроена пышная свадьба вскоре после их прибытия в Рус), а только попросили их дать честное слово, что никому, кроме своих детей, они не расскажут о Друссии, да и им не назовут точных координат этой страны.

Потом была организована большая экспедиция в Европу. Друссы воспользовались благоприятным случаем и направили туда вместе с отцом, Илу и Су еще двенадцать юношей. Отец обещал помочь им обосноваться во Франции, а через три года эти молодые люди, посмотрев мир и поучившись в разных университетах, должны были вернуться на родину.

Правительство Друссии приготовило моим родителям подарок в духе сказок Шехерезады: одну из лошадей экспедиции нагрузили поклажей с великолепными драгоценными камнями. Стоимость этих самоцветов не поддавалась учету — некоторые крупные экземпляры были уникальны. В Швейцарии отец положил большую часть камней на хранение в банки Цюриха, а кое-какие постепенно продал и разбогател.

Выяснилось, что друссы далеко не все свои самоцветы находили в шахтах и по берегам горных рек. У них с незапамятных времен существовали предприятия, где при очень высоких температурах и огромных давлениях делали великолепные драгоценные камни невиданной чистоты. Даже знаток по этой части Чандра не мог отличить искусственные самоцветы от натуральных (кстати, Чандра со своими спутниками остался в Друссии). У друссов драгоценные камни, в том числе бриллианты, ценились недорого, но были незаменимы в некоторых областях техники и в качестве валюты: ими снабжали тех, кого отправляли на учебу в другие страны. Отцу и Илу как-то даже предоставили возможность посетить одно из предприятий, на котором делали алмазы и корунды.

А по своему техническому развитию Друссия по сравнению с Муссатангом ушла вперед на много веков. Друссы не строили больших заводов, но у них были невиданные в ту пору в Европе автоматические линии, производившие при минимальном участии людей множество нужных вещей. Как правило, эти заводы-автоматы размещались в естественных или искусственных горных

пещерах. Энергией, необходимой для их работы, служило электричество, которое вырабатывали (как сообщил позднее Поль) небольшие атомные станции, также расположенные внутри гор.

Продукты производились большей частью в оранжереях, напоминавших заводы. Растения, дававшие огромный урожай фруктов и овощей, выращивали по принципу, который ныне называется гидропоникой. Однажды Раймона и Илу пригласили посмотреть одно из предприятий животноводства. В огромных чанах там выпаривали и обрабатывали кору некоторых хвойных деревьев. Потом эту массу использовали на корм скоту, а также для выращивания шампиньонов и других грибов (грибы, вкусно приготовленные, занимали значительное место в меню друссов). После сбора шампиньонов хвойная масса шла на подстилку скоту, а затем в ней разводили крупных червей — отличный корм: в специальном инкубаторе — курам и в искусственном водоеме — рыбам... Цикл был, как говорится, безотходным.

Отъезд родителей Куртьё из Друссии ускорили события, связанные с посещением храма Девяти. Лала давно уже предлагала поехать в горы посмотреть этот древний храм девяти мудрецов. О его происхождении бытовали разные версии. В основном они сводились к тому, что храм построили ученики девяти индийских мудрецов в честь своих учителей. Как попали эти ученики в Друссию и когда это случилось, выяснить не удалось, хотя некоторые предположения существовали...

И вот однажды Лала, Поль, Раймон, Илу, Су и Чандра на трех двухколесных колясках, запасшись большим количеством провизии и кормом для лошадей, отправились в горы. Способ передвижения предложил Поль, который после катастрофы на перевале около Дру с большим недоверием относился к стреколетам. По замыслу Лалы, путешественники должны были провести три-четыре дня в пути, ночуя в легких походных шатрах. Один день намечали посвятить знакомству с

храмом Девяти. Погода стояла отличная, и путешественники, не понукая лошадей, медленно поднимались по горной дороге, наслаждаясь чудесным воздухом и изумительными видами.

Раймон, поменявшись с Полем местами в колясках, решил воспользоваться случаем и разобраться с помощью Лалы в принципах управления друсским обществом. Однако Лала не очень охотно отвечала на его вопросы и в конце концов сказала, что европейцам трудно понять некоторые вещи, поскольку в основе построения общества друсов лежат критерии, не принятые в других странах, даже в таких, как Франция или Англия.

— У нас тоже было много сложностей в старые времена, — пояснила Лала. — Была борьба за власть, очень мешавшая нормальному развитию страны. Все это продолжалось, пока государство не возглавил Мудрый. Он объяснил народу, что надо отказаться от принципов управления, принятых в других государствах, и предложил новую систему.

— Он был очень образованный человек?

— Безусловно. Ему привозили книги о древних государствах, и он их тщательно изучал. И пришел к выводу о ненужности любого вида монархии, а также формальных типов демократии вроде вашего французского парламента. Он предложил триединую систему: «Те, кто рекомендуют», «Те, кто исполняют», «Те, кто наблюдают».

— Как практически это выглядит?

Лала рассмеялась:

— Обычно — все совершенное просто. В стране три Главных Совета: Первый, Второй, Третий. Первый Совет — «Те, кто отбирают», или лучше переведем его название, как «Те, кто рекомендуют». Это пять человек, которые меняются каждые семь лет. Свой пост они могут занимать только раз в жизни. Эта пятерка руководит небольшой, но очень организованной группой до-

стойных людей, задача которых — выискивать в стране самых способных к управлению граждан. Основной закон государства гласит: «Тот, кто работал в системе «рекомендующих», никогда не может занимать должность среди «Тех, кто управляют». «Те, кто управляют» — по-вашему, правительство, — это Второй Совет, состоящий из семи человек. Иногда его называют «Гана» — старое слово, означавшее в давние времена группу руководителей. Члены Ганы правят семь лет, каждый по очереди становится на год киром, то есть старшим в Совете.

— Ясно, Лала. А вот «Те, кто наблюдают» — кто такие?

— Обычно мы их называем «Те, кто много знают». Это Третий Главный Совет. В него пожизненно входят все бывшие члены Первого и Второго Советов. Третий Совет не имеет права прямо вмешиваться в деятельность правительства, но может провести в стране открытое обсуждение, если в чем-то не согласен с правительством. Такое обсуждение — дело серьезное, и оно обычно заканчивается референдумом. Тогда, если большинство граждан не поддержат правительство, Второй Совет обязан изменить свою политику... «Те, кто много знают» — это контроль. Он нужен стране еще и для того, чтобы не допустить появления «тирана» — помните историю Древней Греции? А «тиран» уничтожит все демократические основы общества — у нас ведь тоже может произойти то, что случилось в Муссатанге...

Раймон задумался над странностями управления Друссией, но потом вспомнил, что «игры в парламентскую демократию» в его родной Франции или в соседних странах вечно связаны с политическими дрязгами, грязными интригами, подкупом, шантажом. Возможно, в непривычной системе друссов что-то есть. Он решил уточнить для себя некоторые ее моменты.

— Лала, чем руководствуются «Те, кто рекомендуют», предлагая своих кандидатов в правительство?

— Чтобы попасть во Второй Совет, рекомендуемый обычно должен перед этим поработать в правительстве одной из провинций. Вообще-то принцип отбора кандидатур для любой должности не разглашается, но есть вещи, которые известны всем.

— Например?

— Например, общеизвестно, что существует три этапа отбора. Первый: присматриваются к детям начиная с десяти лет. Берут на заметку тех, кто, по мнению отбирающих, может вырасти в хорошего руководителя. И потихоньку изучают их. Второй этап — когда отобранным исполнится шестнадцать лет. Постепенно начинают отсеивать тех, кто не годится.

— По каким признакам?

Прежде всего, гипертрофированное тщеславие. Хотя наши ученые и утверждают, что гипертщеславие — это небольшая аномалия мозга, которую можно вылечить, но политики предпочитают не рисковать: гипертщеславный человек, получив власть, не умеет использовать ее достаточно осторожно и во имя своих личных целей наделает массу ошибок во вред другим. Такому человеку категорически противопоказано руководить любым количеством людей, поскольку он отходит от общепринятых принципов взаимоотношения с товарищами.

— Что же, вы ставите на пятнадцатилетнем человеке штамп на всю жизнь? Это же несправедливо!

— Возможно, Раймон. Но иного пути недопущения узурпации власти мы не знаем. Как говорят у нас, нельзя давать власть психологически «ориентированным на власть». Это очень опасно. Для «ориентированных на власть» стремление к власти заслоняет все другие жизненные ценности, и, стремясь удержать власть, эти люди — фактически душевно неполноценные — могут пойти на преступление.

— Серьезный у вас подход.

— Это еще не все. На втором этапе отбора отстра-

няют также тех, кто отличается скупостью и отсутствием юмора.

— Поразительно!

— Не удивляйтесь. Я ведь предупреждала, что чужестранцам сложно нас понять. Хотя вещи очевидные. Природная скупость — тоже особенность мозга. Ее очень трудно преодолеть. А скупые люди не имеют широкого подхода при решении больших и малых проблем. Сдерживая себя в мелочах, они губят серьезные дела. Кроме того, скупые, как правило, не выдвигают молодежь, не создают ей условий для роста, полагая, что никто не должен получать слишком много в ранние годы...

— Но ведь скупость нередко появляется у людей с возрастом, когда они стареют?

— Правильно, это качество мозга. А если у человека мозг «старый» с детства, то это черствый человек, эгоистичный и ему нельзя руководить другими.

— Во Франции ваши воззрения вызвали бы немало споров. Только при чем здесь юмор?

— Юмор — признак высшей интеллектуальности любого человека. Но главное, люди с чувством юмора никогда не создадут атмосферы страха, нервозности и угнетенности среди тех, кем руководят. Это очень важно: раскованность снимает у подчиненных стрессы и продлевает им жизнь... Да, забыла еще одно важнейшее качество — его обладатели немедленно отстраняются от дальнейшего участия в конкурсе на руководящую должность. Это — зависть.

— Зависть — понятно. А что такое третий этап отбора?

— Если человек прошел второй этап, ему предлагают учиться четыре года в специальной, единственной в стране школе администраторов. Там он получает знания, совершенствует свой характер, развивая доброжелательность, требовательность и великодушие, внимательность к людям, а также быстроту мышления, уме-

ние принимать ответственные решения в экстремальных ситуациях. Кроме того, его обучают конкретным специальностям. После окончания учебы каждому выпускнику намечают будущее в соответствии с его индивидуальными способностями и наклонностями. Кстати, большинство тех, кто принадлежит к рабочей группе Первого Совета, неизвестны, их знают только члены Совета. Рабочая группа тайком как бы со стороны наблюдает за деятельностью провинциальных правительств и дает наверх объективные рекомендации, кого можно выдвинуть во Второй Совет.

Раймон искренне поблагодарил Лалу за разъяснения.

Далее в рукописи Поль отмечал, что разговор отца с Лалой был значительно длиннее, но он восстановил лишь наиболее важные его вехи.

К вечеру того же дня путники прибыли к подножию горы, в которой был вырублен храм Девяти. Начинало темнеть, поэтому быстро поставили шатры, а осмотр храма отложили до утра.

Вечером случилось непредвиденное.

Выйдя из шатра, Раймон решил немного размяться, подышать ночным воздухом и полюбоваться звездами. Он отправился вниз по дороге, которая вела в Рус. Внезапно из-за больших камней на него прыгнула какая-то черная тень. Будучи хорошо натренированным спортсменом, Раймон резко присел и «помог» нападшему стукнуться головой о камни на дороге. Но не успел француз выпрямиться, как кто-то крепко обхватил его сзади. Раймон нагнулся, схватил обеими руками ногу того, кто его держал, и резко рванул ее вперед и вверх между своими ногами, одновременно опрокидываясь всем телом назад на нападавшего. Тот упал на спину, застонал и разжал руки. Но этим дело не кончилось. Перед Раймоном оказался третий, с кинжалом, поблескивавшим в правой руке. Человек замахнулся, но Раймон успел поймать его правую руку в «замок», после

чего в плече у напавшего что-то хрустнуло, он громко закричал и повалился на землю.

— Неплохо! — похвалил себя Раймон, подбирая кинжал.

Двое стонали на земле, тот, кто напал сзади, удрал.

«Какого черта они напали? Что я им сделал?» — подумал Раймон.

Из темноты вынырнули Лала и Чандра.

У друссианки в руках было огнестрельное оружие, похожее на короткую снайперскую винтовку.

— Пропал Су! — крикнул Чандра. — Что с тобой случилось?

— Не со мной, с ними! — Раймон показал на лежащих. Он коротко рассказал о нападении.

— О кони ветра! — воскликнула друссианка. — Это же один из наших бывших охранников в «Саду для гостей»!

Она указала на лежавшего на земле человека, обеими руками державшегося за голову и непрерывно сто-навшего.

— Так, значит, снова Муссатанг! Су у нас, конечно, похитили. Только бы его не убили! Уйти они не смогут, вниз дорога одна. Я здесь знаю все тропинки и могу точно сказать, где укрылись похитители.

Прибежали Поль и Илу.

— Опять вам придется слушаться мудрой женщины, — продолжала Лала. — Раймон нечаянно помешал муссам уйти вниз вместе с Су. Они, конечно, хотят вернуть обана на родину, чтобы там публично казнить. Спрятаться бандиты могли только в одном месте, недалеко отсюда. Тропинка справа ведет к площадке над пропастью, в скале там есть выемка вроде небольшой пещеры. Думаю, они в этой пещере. Пошли!

Лала, как кошка, бесшумно и плавно двинулась вверх по тропинке среди скал. В правой руке она держала оружие. Остальные, также стараясь не шуметь, последовали за ней. Метров через триста Лала остано-

вилась. Она приладила к плечу винтовку и выстрелила в темноту. Раздался крик. Позднее Раймон узнал, что винтовка была снабжена подзорной трубой, позволявшей видеть в темноте. Друссиянка выстрелила снова. И вновь кто-то закричал. Тогда Лала предложила муссам сдаться, пока их всех не перестреляли. Ответом было молчание. Только после третьего выстрела, также попавшего в цель, муссы стали выходить по одному из пещеры. Последним, ко всеобщему удивлению, вышел Шу. Пленников было десять человек, но пять из них, включая двух, покалеченных Раймоном, были ранены. Лала, будучи отличным стрелком, стреляла только в ноги и руки. У друссиянки оказался с собой небольшой аппарат связи, и она тут же сообщила в столицу о происшедшем. Вскоре в темном небе появились яркие светящиеся точки — фары приближавшихся стреколетов. Из машин выпрыгнули врачи, оказавшие первую помощь пострадавшим муссам. Затем на стреколеты погрузили здоровых и раненых пленников, и машины поднялись в воздух.

После таких событий уснуть никто не мог. Все собрались в одном из шатров, и Су рассказал о разговоре со своим бывшим сослуживцем Шу, пока ожидали стреколеты. Шу говорил откровенно, ничего не утаивая. Он понимал, что никогда больше не сможет вернуться в Муссатанг, где его либо убьют заговорщики, либо казнит король.

По словам Шу, король давно уже вызывал недовольство у большинства высших сановников страны, поскольку полностью перестал с ними считаться. Созрел заговор. Возглавил его Ку Разумный. Часть заговорщиков арестовали, но произошло это чисто случайно, и ядро заговора уцелело. Короля решено было арестовать во время его поездки по стране, когда охрана Его Неповторимости будет поручена не только королевским телохранителям, но и местным воинским подразделениям. Потом намечалось — вещь неслыханная! — всенародно

судить Муссу Сегодняшнего-Неповторимого. Короля собирались обвинить в ненужной жестокости и в вопиющей несправедливости. А чтобы обвинение было обоснованным, решили предварительно специально организовать другой открытый политический процесс против ряда известных и ни в чем не повинных бобанов, а также тех, кого вкупе с Лалой, Полем, Раймоном и Су хотели обвинить в шпионаже в пользу Друссии и в измене родине. Приговор — в таких случаях его подписывал лично король — мог быть только одним: смертная казнь на центральной площади столицы. Была и другая цель: процесс отвлекал внимание службы охраны короля от подлинных заговорщиков. Потом, после ареста короля, предполагалось обнародовать факты, свидетельствовавшие о невиновности казненных... Арестовать путешественников собирались дня через три после их обеда у Ку Разумного. Тот, убедившись лично, что Лала — друссиянка, должен был получить разрешение на арест чужеземцев у Муссы Сегодняшнего.

— Как наш спор? — спросила Раймона Лала, когда Су закончил пересказ своего разговора с Шу. — Нужно готовить тех, кто будет нами управлять, с раннего возраста или нет?

— Нужно, нужно, — поспешил согласиться Раймон.

Наутро все отправились знакомиться с храмом Десяти. Знаменитый в Друссии храм состоял из двух больших пещер. В первой находилось три индийских божества и не было видно никакой двери, открывающей доступ в глубину горы. Лала попросила всех встать точно напротив среднего божества и не двигаться с места. Затем быстро зашла за божество, потрогала его за одну из многих рук и бегом вернулась к остальным. Раздалась странная музыка, каменная плита, находившаяся под ногами у путешественников, стала медленно опускаться. После пяти метров спуска все увидели в стене вход в большой зал, освещенный солнечными лучами через специальные отверстия на куполе потолка. В зале

застыли в разных позах девять огромных каменных изваяний, выступавших из стен с трех сторон. Изваяния, высотой пять-шесть метров каждое, поражали тонкой работой скульптора. Каждая каменная фигура имела свой собственный индивидуальный характер, выражение лиц было строгим, но чувствовалось, что сквозь строгость проступают человеческая доброта и спокойная, уверенная в себе мудрость.

Посреди зала на специальном возвышении лежал огромный, согнутый пополам золотой меч. Рядом с мечом были выгравированы на камне слова, которые Поль тут же перевел:

— «Побеждает только истина. Мне следует стремиться ко благу всех людей. И нет для меня дела более важного, чем творить добро всему народу». Пиядаси Деванампия... Пиядаси Деванампия... — задумчиво повторил Поль. — Это означает «Царь, милый богам». Так называли индийского императора Ашоку.

На этом записки профессора Куртьё оканчивались.

* * *

Содержание рукописи Куртьё оказалось настолько неожиданным, что я ощутил потребность как-то осмыслить прочитанное. И потом поговорить с Полем. Некоторые стороны нашей работы предстали передо мной в несколько ином свете. Были у меня и вопросы к профессору. Очень серьезные и менее серьезные, например, как сложилась в дальнейшем судьба родителей Поля и их верного Су. Однако человек предполагает, а судьба располагает... В данном случае судьба не предоставила мне возможности задавать вопросы. Профессор позвонил неожиданно сам и попросил немедленно зайти. Когда я вошел в кабинет, мне показалось, что Куртьё чем-то удручен.

— Виктор, — резко начал он, — у нас тут круто изменились обстоятельства. Становится небезопасно,

а главное, возникли осложнения в одной из лабораторий, где срочно требуется мое присутствие. Иначе пойдут насмарку результаты двух лет кропотливейшей работы. Я понимаю, ты хочешь поговорить о том, что прочитал. Поговорим позже. А сейчас я забираю Пьера и отправляюсь в «Офир».

— Куда?

— В «Офир». Так называется один из филиалов Солони. По размерам он даже больше нашего здешнего центра и расположен в горах Северного Йемена, на границе с Южным. Помнишь легендарную страну золота Офир? Где она находилась, так точно и не установили. Одна из гипотез утверждает, что в Аравии. Возможно, как раз в том месте, где мы устроили свой филиал. Золото, во всяком случае, там есть. И в большом количестве.

— Поль, но в Северном Йемене европейцы не могут покупать землю. Не так ли? — машинально спросил я.

Более нелепого вопроса в данный момент трудно было придумать. Но все было слишком уж неожиданно.

— У нас там обширнейшая территория, в труднодоступных горах. Сами лаборатории внутри скал. Земля куплена на имя одного йеменца, нашего сотрудника. Думаю, что скоро вы с Жаклин приедете ко мне, там уже много наших. А пока уезжайте в Париж. Координатором остается Жорж. Помогите ему, поддержите. У него личные трудности.

Поль имел в виду неудачную любовь моего друга. На яхте в Карибском море рыженькая Катрин неожиданно обратила внимание на Леона. Потом, после полученного Леоном электрошока, она вызвалась ухаживать за ним в качестве сиделки. Пока Леон поправлялся, Катрин, возможно к собственному удивлению, влюбилась в него, окончательно позабыв о Жорже. Жорж стоически и молчаливо перенес это неожиданное несчастье, и только затаенная грусть в глубине глаз выдавала его страдания. Когда я попытался посочувство-

вать другу, он хладнокровно отвел тему разговора, но, улыбнувшись, заметил:

— Классик сказал, что счастлив не тот, кого любят, а тот, кто любит...

Куртьё подошел ко мне и неожиданно крепко обнял.

— Виктор, будь осторожен и береги Жаклин. Лучше поживи у нее в семье, а не в Солони. Есть кое-какие агентурные сведения, что нами будут интересоваться те, кто расследует взрыв компьютера на острове Шу. Никаких прямых улик против нас нет. Но наша фирма в списке подозрительных... Работы в Солони пришлось частично свернуть — трудно скрытно доставлять сюда нужные материалы. Могут засечь. Да и мне полезно на время исчезнуть. Хотя охрану мы здесь оставляем очень сильную...

— Поль, в Солони будут проходить какие-нибудь работы?

— Да, здесь продолжают исследования по генетике. А вот роботов защиты, которыми я занимался последнее время, опасаясь нападения, будем заканчивать в «Офисе». До скорой встречи, Виктор. Иди!

Такое стремительное прощание, прямо скажем, сбilo меня с толку, и я позабыл о многих вещах, о которых собирался сказать Полю. Но, видно, он очень торопился, потому что через несколько минут я увидел его бронированный автомобиль, покидавший наше имение.

ЧАСТЬ III

ПУТЬ НА ВОСТОК ЧЕРЕЗ ЗАПАД

Париж

Он извинился и попросил разрешения присесть за наш столик. Одежда и акцент выдавали в нем американца. В этот час в маленьком кафе на Больших Бульварах свободных столиков не было, и я разрешил ему подсесть к нам. Подскочившему гарсону американец заказал «одну блондинку» — бокал светлого пива. Видимо, он бывал в Париже и знал местный жаргон: иностранцы обычно заказывают «пиво», «блондинка» — говорят парижане. С нами американец не разговаривал, он медленно пил свое пиво, что-то сосредоточенно рассматривая в бокале. Мы с Жаклин продолжали болтать о пустяках.

Покончив с пивом, незнакомец расплатился и не спеша направился к входу в метро, находившемуся метрах в шестидесяти от кафе. Но дойти не успел. Он сделал шагов сорок, потом неожиданно упал лицом вниз и больше не шевелился. Я понял, что он убит.

— Отравили? — спросила меня мгновенно побледневшая Жаклин.

— Нет, убили, — ответил я.

Я ясно видел, как мужчина, сидевший за соседним с нами столиком и поднявшийся следом за американцем, сделал своеобразный жест рукой. После этого жеста американец упал. Скорее всего его поразили тоненькой иголкой, обмазанной сильнодействующим ядом. Такие

иглы запускают с помощью пружинного приспособления, прикрепленного к запястью руки.

Убийца юркнул в метро. Вокруг упавшего столпились прохожие. Я не был уверен, что убийца действовал один. За ним и за нами наверняка наблюдали. Поэтому проявление интереса к происшедшему должно было быть нормальной реакцией таких случайных очевидцев, какими были мы. Я положил на стул, на котором сидел убитый, складной зонтик, достал из портмоне деньги, оставил их на столе и помог подняться Жаклин. Потом взял зонтик. Вместе с зонтиком я взял со стула маленький ключ, оставленный нам убитым. Ради этого ключа человек пожертвовал жизнью. Ключ был от банковского сейфа.

Мне показалось, что Жаклин сейчас станет дурно — бледность ее резко усилилась.

— Спокойно, моя хорошая, — тихо произнес я, — за нами, возможно, наблюдают.

Мы подошли к убитому, постояли немного в собравшейся около тела возбужденной толпе, потом двинулись дальше. Я не знал имени американца. Анри не назвал мне его, когда вызвал меня по особо закрытому каналу специальной маленькой рации, вмонтированной в японскую музыкальную шкатулку с танцующей балеринкой. Под импульсом радиосигнала крышка шкатулки, стоявшей в моей комнате, открылась, и балеринка принялась танцевать под незатейливую старую мелодию «кайзервальса». Тогда я включил в шкатулке приемно-передающее устройство. Анри коротко сообщил время и место встречи с его хорошим приятелем из Америки, который сам подсядет ко мне с Жаклин в кафе и передаст ключ от своей холостяцкой квартиры...

— Этот ключ мне очень нужен сегодня, а я сейчас, как назло, занят. Представляешь, старик, у меня вечером встреча с изумительной девушкой. Выручи! Я к тебе попозже заеду и возьму ключ, — сказал Анри сдавленным от волнения голосом.

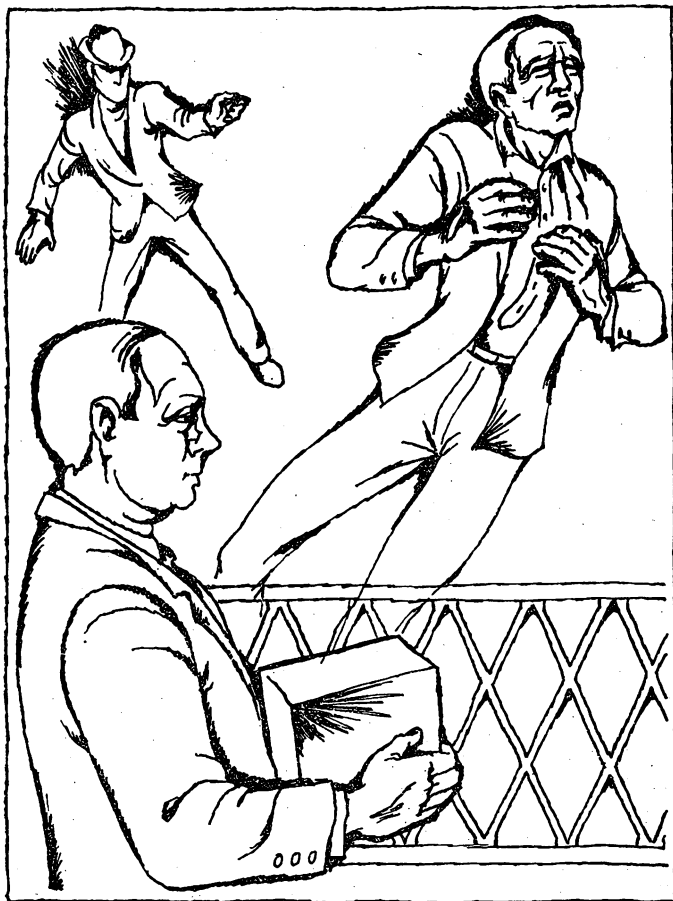
О любовном свидании не могло быть и речи. Особо закрытым каналом связи разрешалось пользоваться только в чрезвычайных обстоятельствах. К тому же Анри после знакомства с Мари как-то потерял интерес к остальным женщинам планеты Земля. Но больше всего меня насторожил голос моего друга. Я понял, что предстоит что-то серьезное. Теперь, уводя Жаклин по тротуару, подальше от кафе, я думал, как нам уберечься от пули или отравленной стрелы в спину...

«Ситроен» остановился около тротуара, и голос Анри позвал нас в машину. Мы быстро сели в автомобиль, и он тут же рванулся вперед. Сразу завернули в ближайший переулок, затем в следующий. Преследования не было заметно. Вскоре Анри въехал в большой подземный гараж. Там мы пересели в его «пежо». «Ситроен», как выяснилось, принадлежал одному из друзей Анри.

— Объяснить всего по рации я не мог, — начал Анри. — Человек, которого убили, был моим товарищем. Его звали Фрэнк. Он работал специалистом по электронике в клубе «Секвойи» и обещал мне записать на видеопленку некоторые особо опасные для человечества разговоры членов клуба...

— Ты видел, как его убили? — перебила Анри Жаклин.

— Да, я наблюдал за вами из автомашины. Показываться около Фрэнка мне было нельзя. Меня могли узнать. Он позвонил сегодня утром и сказал, что прилетел вчера в Париж в отпуск, привез от наших друзей ящик американского виски моей любимой марки. Виски он уже доставил на известную мне квартиру нашей общей знакомой, но хозяйка может задержаться вечером вместе с ним, поэтому днем он хотел бы передать мне ключ от квартиры, чтобы я их там подождал. Все это означало следующее: «американское виски» — видеокассета с записью разговоров членов клуба «Секвойи», «квартира знакомой» — сейф в заранее выбран-

ном нами банке, просьба о срочном свидании — опасность, что ключ отберут... Я назвал Фрэнку время, кафе, описал тебя и Жаклин. Ключ он обещал оставить на стуле.

Фрэнк полагал, что его могут похитить и обыскать. Но его просто убили. Значит, о видеозаписи ничего не знали. Убить скорее всего могли за то, что он удрал из Калифорнии без спроса.

— Что будем делать? — спросил я, протягивая Анри ключ от сейфа.

— Все дело в том, — тихо сказал мой старый друг, — что в банке, кроме ключа, требуется личная подпись. Поэтому ключ бесполезен. Нас не пустят к сейфу.

— Подожди, Анри. Надо что-то придумать. Давай договоримся о связи. Мне нужно несколько дней.

Мы расстались. Анри поехал к себе, Жаклин и я — к ней домой. У меня в голове вертелась, крутилась, не давала покоя мысль, что где-то я слышал о подобной ситуации с банком. Кто-то рассказывал содержание детективного фильма. Вот почему я попросил свою будущую тещу оказать мне «величайшую услугу»: поехать в магазин, где продаются видеофильмы, и купить несколько десятков кассет с детективами, особенно об ограблении банков. Подобное поручение породило множество ехидных вопросов, но кассеты мадам Иветт привезла.

Я уединился в отведенной мне комнате, притащив в нее ящик пепси-колы и других прохладительных напитков, и стал просматривать привезенные фильмы. То, что я искал, оказалось в девятнадцатом или двадцатом фильме. Это был американский веселый боевик «Украденный бриллиант», дословно «Горячий камень».

Во время сеанса связи я иносказательно изложил Анри свой план. Тот немедленно согласился и обещал сделать все, что требуется. После этого я отправился в банк, где хранилась видеопленка Фрэнка, и абонировал там сейф. Еще через три дня мы уже многое зна-

ли о слуге, открывавшем клиентам банка их личные сейфы. Со слугой тут же познакомилась Мари и очаровала этого сорокалетнего толстяка. Она уговорила своего толстого поклонника посетить уютный ресторан, расположенный на верхнем этаже одного из новых высотных зданий. Мари захотелось полюбоваться сверху видом ночного Парижа. Мы позаботились о том, чтобы к лифту Мари и ее ухажер подошли одни... Только в самое последнее мгновение в кабину лифта впрорхнула Колетт. Когда спутник Мари любезно осведомился у нашей красавицы креолки, какой ей нужен этаж, та пристально посмотрела на него, попросила нажать на кнопку «ресторан» и посоветовала внимательно глядеть на мелькающие светящиеся цифры этажей.

— Эти огоньки так успокаивают и расслабляют вас, — мягким низким голосом продолжала между тем Колетт. — Вам хорошо, когда вы смотрите на эти огоньки. Не так ли?

— Да, так мне хорошо, — отвечал толстячок, ввалившийся в гипнотический транс.

Колетт все-таки была незаурядным гипнотизером.

— Запомните хорошенько, — медленно и отчетливо говорила Колетт. — К вам придет человек и скажет: «Оскар, Мадагаскар, Занзибар», — и вы выполните все, что он попросит. Запомнили?

— Запомнил, — шевельнул губами толстяк.

— Хорошо, когда вы выполните просьбу этого человека, вы полностью забудете все, о чем он вас просил. Теперь проснитесь.

Мари и толстячок весело провели время в ресторане, любуясь видами Парижа. А на другой день я пришел в банк, имея в кармане два ключа от личных сейфов. Предъявив свой ключ, я расписался и был допущен в хранилище. Дежурил толстячок. Я попросил его принести в закрытую комнату абонированный мною сейф — небольшой стальной ящик. Служитель пошел к ячейкам и вскоре запер меня в изолированной комнате

наедине с моим личным сейфом, в котором лежал обернутый в темную бумагу роман Сименона. Через три минуты я включил лампочку над наружной стороной двери — сигнал, что меня можно выпускать из комнаты. Служитель отпер дверь. Глядя ему в лицо, я четко произнес:

— «Оскар, Мадагаскар, Занзибар».

— Слушаю вас, мсье, — невозмутимо сказал служитель.

Я не понял, повлияли на него мои слова или нет, но твердо продолжал:

— Отнесите этот сейф на место и принесите другой, который открывается вот этим ключом, — и протянул ему ключ от сейфа Фрэнка.

Все так же невозмутимо служитель отнес мой сейф и вернулся со стальным ящиком, абонированным Фрэнком. Я снова попросил меня закрыть. В сейфе американца лежали две видеокассеты продолжительностью три часа каждая...

Со множеством предосторожностей я поехал на квартиру, снимаемую Жоржем. Там уже собрались Анри, Жаклин, Мари и Колетт. Мы просмотрели обе видеокассеты, одновременно сняв с них копии. Фрэнк умудрился подробно записать обсуждение членами клуба «Секвойи» плана «Дождь Шукры», которое состоялось после взрыва компьютера в Карибском море. Клубмены договорились временно уменьшить ассигнования на климатические диверсии и увеличить расходы на разработку космического оружия — усовершенствованных ракетных систем, позволяющих наносить ядерные и лазерные удары из космоса. Особую активность при этом проявили промышленники из Калифорнии. Они надеялись получить львиную долю заказов и баснословные прибыли. Разгорелась острая полемика — вложившие деньги в проект «Дождь Шукры» не хотели сдаваться. В качестве компенсации им пообещали дать возможность подзаработать в ближайшее время на химическом ору-

жи, после чего калифорнийцы одержали полную победу. Один из них, импозантный холеный мужчина с седыми висками, глава известной ракетной фирмы и одновременно «король дыма» — владелец крупнейшей компании по производству сигарет, — заявил под аплодисменты своих сторонников:

— В конце концов, чихать я хотел на всех чистоплюев-пацифистов — зеленых, синих, пусть даже красных. Им все равно, против чего выступать: бензина, керосина, сигарет, ракет. Мы не можем принимать всерьез крикунов, бормочущих об опасности для человечества вывода на околоземную орбиту космического оружия. Как говорил французский король, «человечество — это я». Если все привыкли, что океаны бороздят армады наших подводных лодок с «Поларисами» на борту, то привыкнут и к тому, что у них над головой будут летать космические корабли с ядерными ракетами. Зря в ход мы их не пустим. Пустим лишь тогда, когда кто-то не захочет прислушиваться к нашим советам... (Смех присутствующих.) А «Толчок из ада», то бишь взрыв вулкана по проекту Шукры, временно отложим. Но мы еще к нему вернемся...

В речах членов клуба поражало даже не манипулирование словами об уничтожении народов и стран, несогласных с доктринами, выработанными на Поляне Секвой. Поражали цинизм и легкомыслие людей, в руках которых находились страшные рычаги управления современным молохом¹, именуемым «военно-промышленный комплекс».

— Что будем делать? — прервал Анри подавленное молчание, воцарившееся в комнате после просмотра.

— Надо показать пленку Куртьё, — сказал Жорж. — И может, потом предать ее гласности.

— Да, но для этого кому-то придется лететь в «Офир», — заметил Анри.

¹ Молох — ненасытная сила, требующая человеческих жертв (в мифологии божество, которому приносили человеческие жертвы).

— Только не тебе. Твое лицо слишком популярно. Лететь должен Виктор. Его мало знают. Есть другие предложения? — спросил Жорж.

Других предложений не было.

Только Жаклин украдкой взглянула на меня. Жорж это заметил.

— Я думаю, — добавил он, — часть пути Виктору надо лететь вместе с Жаклин. Это отвлечет постороннее внимание. До конца нельзя — так сложно добираться. Можно вместе до Адена, а дальше Жаклин затеется в Африке и вернется в Париж.

Мы тут же разработали детали путешествия. Жорж дал пароль для Адена, но попросил задержаться дня на три в Каире, чтобы успеть предупредить наших людей в Йемене.

КАИР — АДЕН

Через несколько часов прямо с конспиративной квартиры мы с Жаклин отправились в аэропорт. За эти часы Жорж сумел сделать невозможное: прибегнув к помощи своих друзей в посольствах, поставил в наши паспорта несколько въездных виз. Теперь мы могли свободно путешествовать по Африке и ряду стран Ближнего Востока. В аэропорту Колетт вручила нам билеты до Каира. Еще через два часа мы были уже в воздухе. На моих коленях лежал «дипломат» с видеокассетами Фрэнка.

Каир — город своеобразный. По моему мнению, сверху он смотрится лучше ночью, чем днем. Ночью он состоит из множества светящихся аккуратных прямоугольников, только один из них синего цвета, а другие — желтого, поскольку город освещен разного типа лампами. Эти геометрические светящиеся гирлянды ассоциировались у меня с рождественскими праздниками, когда улицы Парижа озарялись по вечерам морем разноцвет-

ных огней. Днем Каир — пыльный восточный город, со всеми контрастами старины и современности.

Мы прилетели в Каир ночью. Пока самолет шел на посадку, Жаклин, видевшая впервые столицу Египта, смогла вдоволь насмотреться на ее ночные огни. На площади перед аэропортом мы взяли такси, и я назвал адрес Ги, моего одноклассника, товарища по детским играм, который давно уже покинул родной Париж, предпочтя ему сухой и жаркий Каир. В столице Египта Ги заимел собственный трехэтажный особняк, собственных слуг и собственное дело. К тому же он умудрился заделаться собственным корреспондентом солидного парижского журнала. Правда, собственную жену он все же привез из Парижа. Его супруга Полетт отличалась гостеприимством, и я уже дважды использовал эту ее слабость, останавливаясь вместо каирских гостиниц в особняке своих друзей.

Ги и Полетт искренне обрадовались неожиданным гостям. Жаклин, которую я представил им как свою невесту, быстро нашла общий язык с Полетт. Мы же с Ги, запасшись прохладительными напитками, уединились в его кабинете, устланном шкурами разных убитых не им зверей. Было нежарко, и окна комнаты оставались открытыми настежь.

— Привык окончательно к Египту? Не тоскуешь по Франции? — не очень деликатно начал я разговор.

Ги задумчиво посмотрел на финиковые пальмы, в изобилии росшие во дворике его особняка, и неожиданно сказал:

— Знаешь притчу об одном тосковавшем человеке?

— Расскажи.

— В старые времена жил счастливый человек, имевший богатство, красивую любящую жену и воспитанных, что редко бывает в наше время, детей. И вдруг он затосковал. А тут кто-то рассказал о прекрасном волшебном городе, где все счастливы. И решил он уйти жить в этот город. Только дороги туда не знал. Один

маг сжалился над ним и показал, в каком направлении надо идти. Ты действительно не знаешь этой притчи?

— Нет, продолжай.

— Шел человек, шел и чтобы не сбиться с пути, ложился на ночь в пустыне спать ногами в сторону волшебного города. Но однажды ночью, да простит аллах мне эту прозу жизни, его искушали комары. Так искушали, что он не заметил, как, отбиваясь от них во сне, перевернулся головой к волшебному городу. А утром пошел обратно в сторону своего дома и наконец вернулся в родной город, полагая, что пришел в другой, волшебный. Он только удивился его сходству со своей родиной. Отыскал он улицу, похожую на улицу в его городе, увидел там дом, похожий на его дом, встретил жену и детей, как две капли воды походивших на тех, кого, как он считал, оставил в другом городе. И зажил он со своей «новой» семьей. А когда через много лет стал умирать, то признался родным, что хорошо ему было с ними, только очень тосковал он по своей родине...

— Хорошая притча, Ги. Кажется, я понял ее и тебя. Прости за бестактный мой вопрос.

— Ничего, старик. Долго будешь у нас?

— Дня три, если не прогонишь.

— Ты же знаешь, на Востоке гость — улада сердца хозяина. А я стал восточным человеком. Помощь нужна?

Ги никогда не задавал лишних вопросов. Этим он мне и нравился. Он сразу же понял, что мой приезд с невестой, мягко выражаясь, необычен, но распространяться на эту тему не стал.

— Помощь? Только машина и твой Ибрагим в качестве гида-телохранителя.

Ибрагим был уже много лет главным слугой в доме Ги и вынуждал его детей, не доверяя этого дела Полетт. Он лично готовил изысканные блюда во время приема в особняке именитых гостей, не доверяя этого дела повару. Ибрагим был опорой дома, его стражем, хранителем

семейных традиций. И конечно, он был выходцем с Верхнего Египта.

Жителям Верхнего Египта я всегда симпатизировал. Все-таки в верхнем течении Нила, возможно из-за сурового климата, такие человеческие качества, как лень, краснбайство, пронырливость и мелкий обман, встречаются значительно реже, чем в нижнем. Люди в Верхнем Египте сдержанны, аскетичны, честны. Они хорошие семьянины и строго соблюдают собственный кодекс чести.

Некоторые из них, очень бедные, приезжают в Каир наниматься в слуги. Фактически они продают свою порядочность. На них можно положиться, им можно доверить детей, дом, деньги. Они преданы своим хозяевам, но сохраняют при этом чувство собственного достоинства и пользуются большим уважением со стороны окружающих. Таким был Ибрагим, которого я попросил у Ги в сопровождающие. Кстати, выходцем с Верхнего Египта был Гамаль Абдель Насер.

Три дня в Каире промелькнули быстро. Первым делом я повез свою невесту к сфинксу и пирамидам в Гизе — это было совсем недалеко от центра города. За те три года, что мы не виделись, сфинкс совсем не постарел, нос у него был по-прежнему отбит. Вообще в натуре он выглядел менее импозантным, чем на картинах и фотографиях. Все также дежурили у пирамиды Хеопса арабы, предлагавшие туристам за небольшую мзду сфотографироваться верхом на верблюдах. Величайшая в мире пирамида, построенная за 27 веков до нашей эры, пока еще держалась под напором ветра, солнечных лучей и туристских полчищ. Возможно, она даже не стала ниже и сохранила свои сто сорок шесть и шесть десятых метра высоты.

Я беспрекословно согласился сфотографировать Жаклин и верблюда на фоне пирамид, но категорически отказался идти внутрь великой гробницы, напомнив своей спутнице обо всех загадочных жутких болезнях, от

которых погибли первые проникшие в пирамиды ученые и грабители. Исторически было наоборот: сначала в пирамиды проникли грабители, ученые шли за ними. На самом деле меня мало волновало «проклятие фараонов», то есть вирусы и их разносчики — летучие мыши. Что меня действительно беспокоило, так это маленькая «тойота», бесцеремонно повторявшая маршрут нашего «пежо» вокруг пирамид. У пустыни все-таки имеются свои прелести: если за вами кто-то едет на машине, то этого трудно не заметить. В этой ситуации залезать в темное жерло пирамиды мне не хотелось.

Я указал Ибрагиму, выполнявшему одновременно обязанности чичероне пустыни и телохранителя-кассаи, на открыто преследовавшую нас японскую технику. Однако Ибрагим невозмутимо ответил, что причин для волнения нет — это просто служба безопасности присматривает для порядка за вновь прибывшими иностранцами.

Никогда еще сообщение, что за мной следят агенты государственной службы безопасности, не доставляло мне такого облегчения. Приглядевшись повнимательнее к двум египтянам в «тойоте», я почти уверился в правоте слов Ибрагима. Тем не менее вести Жаклин внутрь пирамиды все же не решился. Желая хоть как-то утешить мою огорченную спутницу, я принялся в шутливом тоне блистать перед ней эрудицией.

— Пирамиды, как известно, знамениты саркофагами и мумиями, — начал я. — Главное, конечно, мумии, поскольку саркофаги предназначены именно для них. Но «мумия» — слово не древнеегипетское и даже не арабское. Оно пришло из Персии и по-персидски звучит «мум». Так называлась минеральная черного цвета смола, которую персидский шахиншах Фатх-али прислал в подарок Людовику XIV. Смола находилась в серебряном флакончике, а флакончик был помещен в ящик из розового дерева. В Версале не знали, что делать

с мумом, хотя и слышали, что густая черная масса — чудодейственное лекарство...

— Милый, — прервала мое повествование Жаклин, — я, конечно, понимаю, что ты хочешь ради моего блага просветить меня и рассказать историю мумиё, которым египтяне бальзамировали тела умерших. Лучшее мумиё в Непале и в Северном Йемене. Наверное, египтяне добывали мумиё в горах Северного Йемена. Потом все пошло наоборот. Поскольку мумиё стало цениться баснословно дорого, начали грабить пирамиды и продавать остатки тел усопших, пропитанных чудодейственной смолой. Кусочки мумий стали продавать как мумиё. И это была одна из главных причин разграбления пирамид...

— Ужасно иметь дело с эрудированными женщинами! Просто неприятно! Женщина должна быть скромной, не очень много знающей и, главное, слушающей мужчину с широко открытыми глазами. Именно на таких женятся или, по крайней мере, хотят жениться...

— Так что, наша свадьба расстраивается?

— Нет, потому что сейчас я продемонстрирую свое интеллектуальное превосходство и скажу то, чего ты не знаешь! Ты не знаешь, что Древнему Египту мир обязан не только мумиями и пирамидами, но еще и пивом, которое египтяне варили тысячи лет назад.

— Я действительно этого не знала, Виктор! — рассмеелась Жаклин. — Но полагаю, и ты кой-чего не знаешь про пирамиды.

— То есть?

— Например, как их строили. В школе нас учили, что пирамиды складывали из огромных каменных блоков, которые тысячи людей вырубали в каменоломнях, а потом перетаскивали к месту строительства.

— А что, это было не так?

— Наверное, все было проще: известняк дробили и заливали связывающим раствором в деревянную опалубку. И делалось это на самой пирамиде, что намного

легче, чем тащить гигантские камни из карьеров. Кроме того, этот способ объясняет высокую точность подгонки таких больших блоков — между ними невозможно воткнуть ребро игральной карты...

— Откуда ты все это знаешь?

— Это только гипотеза. Химики установили, что микроструктуры известняка каменоломен и блоков пирамид сильно отличаются друг от друга. В блоках много добавлений, не встречающихся в породе из каменоломен, и у них меньшая плотность, чем у естественного камня.

— Да, признаю твое превосходство. В наше время одолеть женщину с помощью высокой интеллектуальности нереально. Ее можно победить только лестью...

— Считаю, что ты победил...

После пирамид я показал Жаклин старый Каир с его лабиринтами узких улочек, базарами, нищими, мелкими лавчонками и ремесленными мастерскими.

Самое неприятное впечатление в этом перечне производят каирские нищие. Это корпорация опустившихся на дно жизни людей, связанных преступной круговой порукой. Они воруют детей, которым перебивают ноги так, чтобы те никогда не могли стоять на них. Потом из этих несчастных маленьких калек вырастают ползающие паукообразные существа, они хватают за ноги прохожих и просят подаяния... По логике бандитов, ворующих детей, калекам больше подают.

В лавочках старого города продавалась всякая всячина, завезенная из разных уголков мира, но чаще это были подделки, выдаваемые за подлинники. В этом плане люди Нижнего Египта — народ очень способный. Даже неискушенная в торговых делах Жаклин поразилась, увидев на прилавке маленькой лавчонки роскошную фарфоровую вазу с клеймом Севрского завода, ценой раз в тридцать меньшей, чем на Рю де парадии...

Меня лавочки и лабиринты улиц интересовали

с определенной точки зрения: следят за нами или нет. Однако при всем старании обнаружить слежку не удалось. Ибрагим, посвященный в наши тревоги, посоветовал еще раз съездить в пустыню. В пустыне также никто нас не преследовал. Не было даже «тойоты» с представителями местной службы безопасности. Мы почти поверили, что никого не интересуем.

На четвертый день, сердечно попрощавшись с Полетт, Ги и Ибрагимом, мы поднялись на борт авиалайнера, вылетавшего в Дар-эс-Салам, с посадками в Адене и Найроби.

* * *

Путь в «Офир» лежал через Аден. Здесь в неказистом, ангарообразном аэропорту я должен был затеряться, незаметно покинуть комнату для транзитных пассажиров и остаться в городе. Билеты у нас с Жаклин были до Найроби. По плану, разработанному Жоржем, Жаклин продолжала лететь тем же самолетом из Каира в Найроби, а оттуда через Дакар возвращалась в Париж. Было невыносимо тяжело расставаться, но больше, чем разлука, меня беспокоила безопасность моей невесты. Я взял с Жаклин слово, что ни в Найроби, ни в Дакаре она не покинет здание аэровокзала. Сафари и пляжи Сенегала я обещал ей лично показать в другой раз.

Мы не могли на прощание обняться. Мы не могли афишировать наше расставание даже каким-нибудь жестом или словом. Я сказал Жаклин, что пойду во «фри шоп»¹, и еле слышно добавил: «Я тебя люблю!» Купив маленький транзистор, я положил его в заменившую мне «дипломат» папочку, где находились обе видеокассеты, и направился к таможне, чтобы выйти в город.

¹ Фри шоп (англ.) — продажа в аэропорту товаров, не обложенных пошлиной.

Я страдал от холода. Я почти замерзал в самом горячем городе мира! Вот уже третий день подряд в Адене дул бодрый ветерок, накрывший полуостров облаками, а вчера — вещь почти неслыханная! — с неба капал дождик. Небесная влага внесла некоторое смятение в сердца местных и европейских аборигенов, твердо усвоивших, что если аллах и посылает раз в несколько лет с неба дождь, то случается это весной, а отнюдь не в декабре.

«Прохладная», то есть около плюс двадцати пяти градусов по Цельсию, погода, а также усиленное нагнетание средствами современной техники искусственного холода внутри гостиницы «Аден», где я жил, навели меня на мысль поискать какую-нибудь теплую воздушную или водную среду. Внизу под моим окном заманчиво блестел голубой открытый бассейн. Я спустился во двор, прихватив с собой в пляжной сумке видеокассеты. Вокруг не было ни души. Сказочно прекрасная голубизна воды бассейна и полное отсутствие представителей рода человеческого в его окрестностях зарождали сомнения в возможности согреться. Но все же я рискнул. Преодолев малодушное желание потрогать ногой воду, я мужественно и красиво прыгнул в прозрачную голубизну.

Наказание последовало немедленно. Вода показалась обжигающе холодной, и я пулей вылетел на противоположную сторону купальни. Наскоро растеревшись полотенцем, я принялся внимательно изучать устройство водоема для «моржей». Так и есть! Три бурлящих круглых отверстия на дне бассейна не оставляли никакого сомнения, что вода непрерывно сменялась и охлаждалась. Наверное, это было хорошо в летнюю пору, когда в тени жара достигала сорока пяти градусов. В декабре могли бы водоем и подогреть. Но подогревать плавательные бассейны в Адене никому еще не приходи-

ло в голову за всю историю этого города. Ладно! Придется замерзнуть дальше. Уйти с площадки, на которой расположен бассейн, нельзя: я мог пропустить желающих со мной познакомиться. Кто это будет, я не знал. В ожидании возможного знакомства пришлось расположиться на ярко-красном матрасе и с тоской поглядывать в сторону океанского залива, надеясь, что к вечеру на пляже потеплеет, а вода станет приятной для купания такому мерзляку, как я.

Океан начинался метрах в пятидесяти от бассейна. Правда, это был еще не океан, а грязноватый лиман, перегороженный в нескольких местах земляными дамбами. Зато в мелкой грязной воде стояли или двигались, смешно поднимая ноги, десятки прекрасных бело-розовых фламинго. Они что-то деловито выковыривали из ила. Рядом с ними выхаживали небольшие серые птицы, похожие на журавлей.

— Мсье отдыхает? — услышал я над головой.

Прямо надо мной стояли две молодые девушки, блондинка и брюнетка, в коротеньких шортах, с неправдоподобно длинными, стройными ногами.

— Мсье замерзает, — машинально ответил я, вставая с лежака и пытаясь сообразить, то ли это знакомство, которого я ждал. Акцент и внешность девушек выдавали в них англичанок.

— Меня зовут Виктор, — тут же представился я незнакомкам. — Насколько могу судить, одна из вас из Уэльса? (Синие глаза, темные волосы и характерное для валлийки лицо позволили мне сделать это предположение.)

— Почти верно! — засмеялась брюнетка. — Мой отец из Кардиффа, но я родилась в Лондоне. Мсье давно в Адене?

— Вы хотите узнать, имеет ли еще мсье право голоса? Ведь по вашим британским законам после длительного пребывания в Адене гражданин не допускался к избирательным урнам, пока не проходил опре-

деленный срок и окружающие не убеждались, что он психически нормален. Как мне представляется, я не успел еще свихнуться и, видимо, пока в состоянии правильно определять свои симпатии к политическим партиям и молоденьким девушкам. Даже к тем, имена которых мне неизвестны.

— Элизабет, Кора, — представились длинноногие незнакомки. — Мы сами здесь недавно, вчера слышали, как вы говорили по-французски с портье и, учитывая недостаток европейцев в гостинице, решили с вами познакомиться.

Мы еще мило поболтали некоторое время. Темноволосая Кора засыпала меня вопросами о Париже, последних модах и представлениях варьете. Я охотно отвечал, иронизируя над нашими нравами. В конце разговора я прямо спросил англичанок, какие ветры занесли их в Южный Йемен. Девушки рассмеялись и сказали, что ответ дадут во время свидания, они назначают мне его в двадцать два тридцать в ночном клубе гостиницы, который здесь называют «Абу Нувас».

— Что ж! — согласился я. — Место свидания звучит весьма обещающе.

— Почему? — заинтересовались, в свою очередь, мои собеседницы.

— А вам слова «Абу Нувас» ни о чем не говорят?

— Нет. Это какое-то арабское выражение.

— Это имя поэта, жившего тысячу лет назад. И этот поэт Абу Нувас уже тысячу лет назад утверждал, что главная цель человеческой жизни — наслаждение и удовольствия... Нам бы его заботы!

— А вдруг он не ошибся? — многозначительно усмехнулась Кора. — Во всяком случае, место свидания мы не отменяем.

Англичанки ушли. Если одна из них и была «контактом», то, видимо, не решилась даже намекнуть на это. Чтобы я правильно сориентировался, «контакт» обязан был предварительно показать мне одну вещь до того,

как обменяться паролем. Но вещица показана не была. И все же похоже, что девушки вышли на меня не случайно. Поведение Элизабет было естественным, а вот то, как держалась Кора, мне чем-то не нравилось. Излишняя активность в вопросах, ненатуральность в голосе. Резкая смена направления разговора, если собеседник, то бишь я, настораживался. В общем, было над чем подумать.

В двадцать два двадцать я спустился в вестибюль гостиницы и вошел в клуб «Абу Нувас». Небольшой зал со столиками, в углу сцена, стены и мебель отделаны красной материей. Затемненное освещение, тихая музыка. Над потолком вращается традиционный блестящий шар, разбрасывающий тонкие серебряные лучи по всему залу. Большинство столиков свободно. В зале одни мужчины, в основном арабы, — местные женщины варьете не посещают. Один столик занимала группа японцев (и здесь японские туристы!), глядя на которых я вспомнил «Лидо» и как там меня незаметно сфотографировали. Может, «контактом» будет японец?

Я занял ближайший к сцене столик, заказал бутылку спорт-колы и принялся ждать дальнейшего развития событий. Англичанок не было. Тем не менее они оказались пунктуальными. Правда, появились не с той стороны, откуда я их ожидал.

В двадцать два тридцать музыка заиграла громче, и на сцену выскочили пять прелестно одетых длинноногих танцовщиц. Все пять, ослепительно улыбались. Но две из них улыбались явно мне — это были Элизабет и Кора. «Красотки, красотки, красотки кабаре...» — зазвучал в моей голове мотив, перебивавший громкую музыку танца. Почему-то я был шокирован. Возможно, от внутреннего снобизма. Пытаясь заняться самоанализом, я стал внушать себе, что если девушки умеют красиво танцевать, то почему бы им не подзаработать немного денег, приехав на гастроли в бархатный сезон в Аден. Ведь жизнь в Англии сейчас очень тяжелая.

Только непонятно, почему они завязали со мной знакомство?

Двое крепко сколоченных молодых людей, явно французов, подошли к моему столику и вежливо поинтересовались: можно ли присоединиться к соотечественнику. Получив мое согласие, один из них улыбнулся, затем вынул из кармана пачку сигарет и необычную по форме зажигалку. Я замер: такая зажигалка могла быть только у человека, который должен был разыскать меня в отеле «Аден».

«Контактом» оказались двое геологов, искавших в Южном Йемене нефть. Звали их Ной и Дидье. После того как представление на сцене закончилось, они сразу ушли. Но пока девушки танцевали, мы успели под звуки громкой музыки обо многом договориться.

Я продолжал сидеть за своим столиком. Вскоре ко мне подсели переодетшиеся Элизабет и Кора и тут же спросили мое мнение о представлении. Пришлось лестно отозваться об их умении танцевать. Выяснилось, что девушки действительно заключили контракт на три месяца с фирмой «Франтель» (построившей йеменцам отель), а когда погода в Адене станет невыносимо жаркой, отправятся танцевать в страны Африки южнее экватора, где наступит осень. Кора спросила, надолго ли я задержусь в Южном Йемене. С геологами мы условились о легенде, которой я буду придерживаться: в Аден приехал поплавать в океане, посмотреть окрестности, если надоест, отправлюсь в Джибути заниматься подводной охотой. На самом деле Ною и Дидье, в чьи обязанности входило переправить меня в Северный Йемен, требовалось время, чтобы получить разрешение на въезд в эту страну на автомашине. Североийеменские визы в наших паспортах имелись, о своей я позаботился еще в Париже. Поэтому на вопрос Кору я ответил, что немного осмотрюсь, а потом уеду в Джибути.

Кора, однако, продолжала проявлять любопытство.

— И что вы собираетесь тут осматривать? — на-

смешливо спросила она. — Здесь же фактически ничего нет, и если бы не хорошие деньги за выступления, меня бы сюда не затащила никакая сила.

— Полагаю, что вы ошибаетесь, — заметил я. — Южный Йемен — страна крайне интересная и очень древняя. Думаю, здесь когда-то был совсем другой климат. Поезжайте в Хадрамаут, там сохранились потрясающие небоскребы... из глины. Такие вы вряд ли где еще увидите...

— А что вы делаете завтра? — перебила меня Кора.

— Утром съезжу в Кратер, старую часть города, расположенную в кратере древнего вулкана. Потом на пляж купаться.

— У вас что, есть машина? — спросила молчавшая до сих пор Элизабет.

— Есть, — не моргнув глазом, сказал я, хотя машины у меня пока еще не было, но Ной, уходя, дал мне ключи от своего «пежо», который оставил на стоянке около гостиницы. Без автомобиля в Адене обходиться невозможно.

— Ах!.. — мечтательно протянула Кора. — Без машины из отеля никуда не выберешься, возьмите меня с собой. Я хоть и не самая красивая девушка в мире, но могу сделать мужчину счастливым, — совершенно неожиданно закончила она, окинув меня насмешливым взглядом.

— Я за женское равноправие даже среди самих женщин. Поэтому приглашаю вас обеих завтра утром на прогулку по Адену.

— Приглашение с благодарностью принимается.

— Кстати, Кора, где-то я уже читал слова о том, что «даже не самая красивая девушка в мире может сделать мужчину счастливым...»?

— Ах, Виктор, не будьте идеалистом и не требуйте от каждой девушки неповторимости, тем более от артистки. Артисты и политические деятели часто произносят слова, написанные другими...

На другой день я с Корой и Элизабет поехал в Кра-тер. Маленькие улочки, маленькие дома, нижние эта-жи — сплошные магазинчики. Они все похожи друг на друга, эти арабские лавчонки, в Аммане, в Кувейте, в Багдаде. Небольшое помещение с продавцом (или хо-зяином) у входа, тщетно ожидающим покупателей.

В Кратере лавочки намного беднее, чем в Аммане или Кувейте. Здесь торгуют разными мелкими товара-ми, доставленными в Аден чаще всего контрабандным путем — фотоаппараты, транзисторы, электробритвы, магнитофончики, мелочь для автомобиля, — но все с опозданием на несколько лет, то, что в Европе и тем более в Японии давно уже устарело. Много разной одежды, восточной и европейской, тоже устаревшей и к тому же не очень чистой после длительного хранения в пыльном помещении.

Оказалось, что Кора захватила с собой фотоаппарат и несколько раз сфотографировала меня с Элизабет на фоне лавчонок. Фотографирование не входило в мои планы, но первые снимки англичанка сделала неожиданно, не спросив разрешения. На окраине Кратера была расположена древняя система восемнадцати хранилищ для воды, уступами спускавшихся по ущелью. Видимо, в хранилищах весной собиралась вода (и то раз в не-сколько лет, когда выпадали обильные дожди), и город жил этой водой год (или годы). Кто и когда построил хранилища, так и осталось неизвестным. Археологи ду-мают, что строили в первом веке нашей эры. Англичане обнаружили их лишь в прошлом веке.

— Люди умерли, прошли столетия, но дело рук их осталось, — вдруг сказала Элизабет. — Что останется после нас?

Элизабет нравилась мне гораздо больше. Спокойная, приветливая и дружелюбная. Кора же явно нервничала. Меня неотступно преследовала мысль, что она на кого-то работает. Вчера я спросил Ноя и Дидье, не они ли посоветовали англичанкам пригласить меня в «Абу Ну-

вас» и оба заявили, что никаких див с Альбиона не знают, но обязательно заинтересуются моими знакомыми. Меня же они нашли с помощью портье, коллекционировавшего портреты американских президентов на зеленых бумажках. В данном случае портье оказал некоторые услуги за портрет президента Джексона¹.

Из Кратера мы поехали купаться. Кора предложила было поплавать около скал, образующих рога полумесяца большой бухты за городом.

— Пожалуйста, — вежливо согласился я. — Мурены, которые живут там под камнями, нам не страшны. Они откусывают только тот палец руки или ноги, которые вы суете в их подводное убежище. Морские ежи тоже не опасны, если наступить на их ядовитые иголки не имеющимися у нас резиновыми тапочками. Но вот в мой прошлый приезд, лет пять назад, одна молодая женщина вздумала нырнуть с лодки как раз в тех местах, куда зовет нас Кора. Возможно, вас заинтересует, что она тоже была англичанкой...

— Была? — переспросила Элизабет.

— Честно говоря, ее успели втащить в лодку. Акула откусила только большой кусок ее бедра.

— Ну что же, — хладнокровно заметила Элизабет. — Хотя нашу нацию и упрекают в излишней приверженности к традициям, думаю, нам необязательно продолжать следовать по пути наших соотечественниц, и мы искупаемся на цивилизованном песчаном пляже.

На «цивилизованном» пляже, кроме песка, были мороженое, кофе и прохладительные напитки. Зато акул поблизости не было. Мои спутницы немедленно познакомились с двумя мускулистыми парнями, одиноко валявшимися на песке у самой воды. Это Ной и Дидье поджидали, когда я вернусь из Кратера. Я сказал англичанкам, что уже имел удовольствие видеть их новых

¹ Портрет президента Джексона изображен на двадцатидолларовой ассигнации.

знакомых вчера в качестве горячих поклонников представления в «Абу Нувасе». Пока танцовщицы кокетничали с геологами, я, положив у ног Ноя свою пляжную сумку, поплыл в океан, не очень удаляясь от берега, так как точно не знал, где начинаются территориальные владения акул. Если правильно выбирать участки берега, в Адене, пожалуй, одно из лучших в мире мест для купания (разумеется, с декабря по февраль, в другие месяцы вода превращается в теплое или очень теплое молоко). Вода здесь чистая, а дно во многих местах песчаное, постепенно уходящее в глубину. Лежа на спине в воде и наслаждаясь океаном, я в то же время пытался придумать, как бы засветить пленку в фотокамере у Кора. То, что она фотографировала меня с целью передать кому-то снимки для опознания, не вызывало сомнения. Тем временем Кора, Элизабет и Дидье также вошли в воду. Я быстро вышел на берег, растянулся около Ноя и тихо шепнул ему, что Кора сфотографировала меня, а камера находится у нее в сумочке, лежащей в двух метрах от нас.

— Кора работает лишь на подхвате, — так же тихо сказал Ной. — Старшая из них Элизабет. Она связана с местным представителем международной гангстерской организации, торгующей наркотиками. Мы сегодня все утро разбирались с твоими англичанками. Тебя они подозревают в принадлежности к Интерполу¹. Но все равно твою фотографию оставлять у них ни к чему. Через мафию на тебя могут выйти те, кому нужен наш общий шеф Куртъё. Пленки я сейчас засвечу.

И он не спеша полез в свою пляжную сумку, чем-то там шелкнул, как будто спустил затвор фотоаппарата, потом вытащил оттуда красивые темные очки. Между тем Кора уже торопливо плыла к берегу. Наше соседство с ее сумочкой, видимо, ей не нравилось.

— Поздно, — процедил сквозь зубы Ной, — фото

¹ Интерпол — международная уголовная полиция.

дарить не придется. Мы подозревали, что тебя сфотографируют, и специально захватили с собой излучатель.

Англичанка подошла к нам и, убедившись, что ее вещи никто не трогал, весело защебетала:

— Мальчики, если вас не разочаровали наши пляски, приходите опять на шоу, а потом что-нибудь сообразим...

— Соблазнительная идея! — усмехнулся Ной. — Может, кат пожует... Только вечером нельзя. Давайте завтра. Завтра как раз четверг, а по закону кат разрешается жевать с двенадцати дня четверга и всю пятницу. В Северном Йемене — другое дело, там можно жевать кат в любой день недели. Как ты, Виктор?

Я буркнул что-то невпопад. Слова Ноя об Элизабет меня потрясли. Девушка, так мне понравившаяся, оказалась человеком мафии и столь умело руководила действиями дурочки Кору? Кажется, я разучился разбираться в людях. Но какая игра! Какая естественность! Ни одного фальшивого жеста или слова! Недооценивать такого противника опасно.

— Ной, кат — это наркотик? — послышался голос Кору.

— Никто толком не знает. Медики спорят по сей день. Йеменцы наркотиком его не признают. Как мы чай. К нему привыкают, только, в отличие от чая, он не возбуждает, а расслабляет. Говорят, что, как и кофе, этот кустарник первым открыли козы, а потом стали жевать и люди. Такие небольшие зеленые листочки...

Я уже пришел в себя настолько, что смог поддержать разговор:

— Главное, в четверг и в пятницу поаккуратнее ездить в автомобиле, а лучше совсем не ездить. Нажевавшиеся ката легко попадают под колеса. Но если в четверг какой-нибудь местный деятель пригласит вас к себе пожевать кат, то это знак большого доверия. Примерно, как в Финляндии приглашают попариться вместе в сауне.

Кора с интересом окинула нас взглядом.

— Так что же, будем вместе париться в сауне или жевать кат? — невинно спросила она.

— Конечно, в сауне, — подхватил Ной, — если вам удастся найти ее в Адене... Впрочем, парилка здесь самая настоящая, длится с апреля по октябрь. Достаточно выйти на улицу...

— И все-таки попробуем пожевать кат, — не унималась Кора, — надо знать собственные возможности.

— Одна моя знакомая, — Ной растягивал слова, — пытаюсь выяснить свои возможности, так много знала о себе, что некоторые считали ее нескромной...

Мы рассмеялись.

— Куда все-таки делся мой Дидье? — продолжил игру Ной. — Красавица англичанка, видимо, уговорила его захватить совместно какой-нибудь остров в Индийском океане и основать новую англо-французскую колонию...

— Нет, — подхватила Кора, — они скорее всего добывают со дна морского раковины, кораллы и прочие редкости. Теперь это так модно!

— Да, да, — меланхолично заметил Ной, — теперь многие стремятся приобрести редкости. Когда один тулузский врач поместил в местной газете объявление, что в связи с отъездом за границу продает редкую историческую реликвию — череп Вольтера-ребенка, он получил за неделю больше восьмидесяти запросов о цене...

— И во сколько же оценили череп? — поинтересовалась Кора.

— Недорого. Десять тысяч франков, — невозмутимо продолжал Ной.

— Однако! Не знала, что на старых черепаках можно хорошо заработать!

Мое тело так завибрировало от сдерживаемого смеха, что стало с молниеносной быстротой зарываться в песок наподобие маленьких крабов, бегавших вокруг нас.

К счастью, к берегу приближались Элизабет с Дидье, и Кора побежала к кромке воды им навстречу, не обратив внимания на мои упражнения в песке.

Жевать кат на другой день мы не стали. Геологи сказали, что рано утром им предстоит отправиться в пустыню. Девочки не настаивали. Ко мне они как-то сразу потеряли интерес, видимо, считая, что моя физиономия осталась запечатленной на пленке в сумочке у Кору и задание они выполнили. Мы мило расстались с возгласами «до завтра!».

Завтра я поднялся очень рано и погнал вверенный мне «пежо» в Литл-Аден. Там, среди мрачных скал, на диком пляже я бросил машину, оставив ключи в ящичке для перчаток. Дидье уже ждал меня в моторке у берега. Мы пересекли бухту и оказались недалеко от вчерашнего пляжа. Здесь в японском вездеходе «ниссан» нас поджидал Ной.

— Ребята, — сказал он, — граница открывается в восемь утра. Добираться до нее часа полтора. Но важно пораньше убраться из Адена. Кажется, становится жарко, хотя жарой тут никого не удивишь.

Оказалось, что у Ноя и Дидье были надежные и интересные связи в городе. Накануне утром они сразу же установили, что Элизабет контактировала с египтянином, известным в местных кругах как резидент «Триады», по их словам, крупной международной шайки, распространяющей наркотики в Африке, Аравии и многих других странах мира. Личностью крайне опасной. Египтянин поручил танцовщицам наблюдать за всеми европейцами, особенно французами, прибывающими в отель «Аден». И по возможности фотографировать их. Поэтому не исключено, что торговцы «белой смертью» не только интересуются молодыми людьми, похожими на агентов Интерпола, но и оказывают услуги спецслужбам, присматривающимся к делам Куртьё...

«Все-таки у Поля точные сведения, — подумал я, — нами действительно интересуется «Триада».

Покинув Аден, наш вездеход катил среди бесконечных песчаных барханов. Порой барханы вплотную подступали к асфальту, и тогда половина шоссе оказывалась засыпанной песком.

Конечно, в мире все относительно. Мальчишкой вместе с родителями мне приходилось бывать в Ливии. Вот там действительно барханы! Гигантские желтые дюны! Их высота достигала пятидесяти метров, а длина — десятков километров. Гребни страшных песчаных волн отстояли друг от друга на два километра, и внутри этого пространства я казался себе ничтожным муравьем, ощущая в полной мере слабость и бессилие отдельного человека перед могучими творениями природы. Но уже тогда у меня мелькнула мысль, что, если все делать сообща, человечество может укротить природу и даже на месте безжизненных барханов развести сады...

Мы продолжали свое движение на север, и вскоре песчаная пустыня уступила место глинисто-каменистой, а временами в стороне от дороги можно было увидеть жалкие селения — несколько глиняных домиков кубической формы. Стали попадаться крестьяне верхом на осликах, за которыми, привязанные, чинно вышагивали один или два верблюда. Еще дальше к северу вид пустыни снова изменился — повсюду торчали безводные черно-коричневые глиняные холмы, похожие на причудливо изрезанные скалы. Жить в этих местах на первый взгляд было невозможно, но люди все-таки умудрялись здесь жить. Я подумал, что эта безжизненная глинистая земля для местных жителей — такая же благословенная родина, как живописная Верхняя Савойя для моих спутников (оба родились в Шамони) или 16-й округ Парижа для меня самого. Как писал в рукописи Поль, повторяя слова отца, для любого нормального человека родина всегда остается родиной и заменить ее ничем нельзя.

Глядя на выжженную землю, я вспомнил гипотезу некоторых археологов, что когда-то в этих местах была вода и существовали процветавшие государства. Кончилась вода — исчезли с лица земли государства. Как, оказывается, легко погубить цивилизацию — стоит лишь чуть-чуть измениться климату (или изменить его)... Интересно, если бы поселить в эти места — хотя бы на несколько недель, без кондиционеров — членов клуба «Секвойи», пересмотрели бы они свое отношение к подготовке проекта «Дождь Шукры»? Или личности, ориентированные на бесконечное добывание денег и власти, не останавливаются ни перед чем?..

Любая дорога кончается. Мы въехали в последнее селение на земле Южного Йемена. Границу обозначали две пустые железные бочки по краям шоссе. Сверху на них был положен длинный кусок водопроводной трубы. У «шлагбаума» нас радостно приветствовала коза, спешно доедавшая старую газету — любимую пищу местных рогатых. Ее подруга не обратила на нас никакого внимания, поскольку сосредоточенно вытаскивала из разорванного полиэтиленового пакета несколько уцелевших в нем веточек ката. Если не считать двух привязанных поблизости от бочек верблюдов, других стражей границы не было. Однако Ной посоветовал поискать пограничников в соседних глиняных мазанках. Направление было указано правильно: в одном из строений размещалась застава.

Молодой приветливый офицер быстро оформил наши паспорта и, протянув какие-то бумажки, сообщил, что их у нас потребует «секретный пост», расположенный в двух километрах от «шлагбаума». Далее, добавил он, будет территория Северного Йемена.

Так оно и оказалось: отдав через два километра вышедшему из-за скалы сержанту пропуска, мы вскоре подкатили к новым железным бочкам, перегороженным водопроводной трубой.

Северойеменский офицер, внешне куда более суровый, чем его южный собрат, придирчиво осмотрел наши паспорта и разрешение на автомашину, после чего спросил, везем ли мы с собой спиртное. Спиртного у нас не было: мы знали, что на Севере оно запрещено. Видимо, удостоверившись по нашим лицам, что мы действительно не везем алкоголя, офицер окинул нас неприязненным взглядом и удалился в караульное помещение. Вернулся он через полчаса и высокомерно объявил, что не может позволить нам въехать в Йеменскую Арабскую Республику.

— Почему? — хором спросили мы по-английски.

— У меня нет относительно вас разрешения военного губернатора, — холодно ответил северойеменец.

— Какого еще разрешения? — вспыхнул Ной. — У нас же в паспортах въездные визы!

— Этого недостаточно. С визой вы можете прибыть в нашу страну через аэропорт в Сане. А чтобы пересечь границу в этом месте, требуется специальное разрешение военного губернатора.

— Можно нам позвонить в канцелярию губернатора из вашего помещения?

— Нет, позвонить я вам не могу разрешить и сам звонить не буду. Это ваши проблемы, они меня не касаются.

— Чем меньше страна, тем важнее бюрократ, — зло сказал по-французски Ной. — Все, ребята! Этого истукана в форме, имеющего два класса образования, ничем не переубедишь! Поворачиваем машину и айда обратно в Аден!

Отъехав немного от «погранзаставы», Ной вдруг расхохотался:

— Но нас же не пустят теперь в Южный Йемен!

У нас нет въездных виз! Придется до конца жизни курсировать в нейтральной зоне...

Однако южнoйеменский офицер сразу все понял. Он только пошутил по поводу «приятного» пребывания на Севере, написал в наших паспортах, что выездные визы не использованы, и пожелал доброго пути.

Километров через пятьдесят Ной остановил машину.

— Посовещаемся? — вслух спросил он и добавил: — Сегодня четверг, завтра пятница.

— Мысль глубокая, — заметил я.

— Через два часа все начнут жевать кат, — не обращая внимания, продолжал Ной. — Ни в одном учреждении Адена сегодня мы никакой помощи уже не получим. Завтра все закрыто. Но есть аварийный вариант. Только сначала скажи, ты летал когда-нибудь на дельтаплане?

— Приходилось в твоём родном Шамони.

— Тогда все в порядке. Посетим Северный Йемен без всяких виз. Поворачиваем налево.

И наш вездеход двинулся по узкой дороге, уходившей на северо-восток.

«ОФИР»

Ной и Дидье повезли меня своими геологическими «дорогами» по совершенно безлюдным местам. Двигаясь на восток, мы пересекли северную часть третьей провинции Народной Демократической Республики Йемен, а когда попали в четвертую провинцию, повернули на север. Затем на запад. Здесь в диких горах уже Северного Йемена у моих спутников оказалось потайное убежище. Вроде пещеры Али-Бабы. Только скрытая кустарником стальная дверь в скале открывалась не заклинанием «сим-сим», а маленьким инфракрасным излучателем.

В пещере хранились запасы консервированных продуктов, напитки, оружие, боеприпасы, различная радио-

техника, включая видеокамеры и видеомэгнитофоны, и несколько дельтапланов. По рации Дидье связался с «Офиром». Нам посоветовали отоспаться, а утром следующего дня продолжить свой путь. Совет был неплох: мы порядком устали. Но все же, плотно поужинав, решили посмотреть на сон грядущий какой-нибудь видеофильм. Увы, перебрав наскоро коллекцию пленок, я убедился, что все они вряд ли будут способствовать приятным сновидениям. В основном это были фильмы-ужасы: мистические — о вурдалаках, патологические — об убийцах-маньяках, фантастические — об очередном чудовище, закусывающем людьми.

Чего только не производит наша бездумная, а скорее бессовестная кинопромышленность, пытаясь выжать из людей деньги! Под руку мне попался знакомый фильм о крошечном, с карандаш, крокодиленке, с которым играла маленькая симпатичная девочка. Отец девочки брезгливо выбросил крошку пресмыкающегося в унитаз и спустил воду. Животное не погибло, а выжило в подземных канализационных резервуарах, питаясь отбросами, падалью и крысами. Через двенадцать лет крошка превратился в гигантского пятнадцатиметрового аллигатора, выбравшегося из сточных водоемов и начавшего пожирать людей... Кроме явного желания делать людей очень и очень первыми, другого смысла в этом фильме я так и не усмотрел.

Мне подумалось, что с появлением телевизора и видеомэгнитофона человечество не только что-то приобрело, но что-то и потеряло. Приобрело возможность получать знания на дому, в удобной упаковке. Потеряло часть активного интереса к этим знаниям, который порождается книгами. Телевизор развивает пассивное потребление и притупляет вкус к книгам. Уже целые телевизионные поколения малышей выросли без любви к книге. А поколения подростков воспитаны в жестокости, потому что наше телевидение и видеофильмы, с легкой руки навязывающих нам свои вкусы американ-

цев, — это, конечно, прежде всего насилие, ужасы, убийства, унижение человеческого достоинства да еще разнузданный секс. Мать Жаклин как-то во время послеобеденной беседы сказала мне, что они с мужем тщательно оберегали свою дочь от телевизионных передач, не без основания полагая, что нынешняя духовная пища с телеэкрана вызывает у подростков с их повышенной эмоциональной возбудимостью приступы агрессии, наглость, хамство, а далее хулиганство, пьянство, наркоманию.

Вот такие мысли пришли мне в голову в современной пещере Али-Бабы, оборудованной видеоманитофоном. Но я все-таки раскопал среди «ужасов» легкую французскую комедию с известным киноактером. Весьма популярную, но, на мой взгляд, глупую, а может, и вредную. Ее герои дурачат в 1936 году Гитлера, изображенного этаким недалеким идиотиком. У меня на эти вещи своя точка зрения: будь Гитлер и германский фашизм случайным сборищем кретинов, человечество не заплатило бы им страшную дань в пятьдесят миллионов жизней...

После видеокomedии мы забрались на имевшиеся в пещере подобия кроватей и основательно выпались. К счастью, наше убежище внутри горы имело хорошую вентиляцию с противомоскитными сетками в отверстиях, выходивших наружу.

Утром мы снова двинулись в путь, забрав с собой два разобранных дельтаплана. Через несколько часов езды у меня возникло убеждение, что если ущелья, по которым мы продвигались, и видели когда-нибудь человеческое существо, то никак не менее двух или трех тысяч лет тому назад.

Наконец вездеход оказался на небольшом плато, заканчивающемся крутым обрывом. Внизу, на глубине не менее полукилометра, виднелось русло высохшей реки. На противоположной стороне обрыва темнели горы. Ной включил рацию, а Дидье стал собирать дель-

тапланы. Рация сообщила, что нас ждут. Дидье разбежался и первым прыгнул с обрыва на своем дельтаплане. Он должен был указывать мне воздушный коридор, по которому предстояло лететь. Я кивнул Ною и полетел следом за Дидье.

Когда я приземлил свой дельтаплан, то решил, что путешествие подходит к концу. Однако я ошибся. Незнакомый человек, встречавший нас с Дидье, приветливо поздоровался и показал на автомашину — опять японский вездеход, — в которую мы должны были погрузить дельтапланы. Затем пришлось трястись в автомобиле еще несколько часов. Водитель попался неразговорчивый, к тому же мрачные дикие горы подавляли желание о чем-либо говорить. В одном месте крутого горного серпантина водитель остановил автомашину. Он протянул через открытое стекло кабины левую руку с небольшим пластмассовым прямоугольником и прижал его к плоской выемке в скале. Часть дороги вместе с нашим автомобилем стала медленно опускаться. Мы оказались в просторном подземном туннеле.

* * *

Лаборатория в скалах производила сильное впечатление. Большинство ее помещений находилось в штольнях какого-то древнего рудника. По-видимому, очень давно в штольнях добывали серебро.

Теперь здесь размещался целый подземный городок с отличным кондиционированием, спортивными залами, бассейнами, прекрасными жилыми комнатами. Но больше всего поражало уникальное оборудование лабораторий и ультрановейший компьютер.

Необычным было освещение подземных помещений в дневное время суток. Установленные на вершинах скал подвижные системы зеркал и линз, постоянно направленные в сторону солнца, посылали его лучи вниз по кабелю из стекловолокна. В помещениях эти лучи преобразовывались специальными рефлекторами в све-

тящееся облако, которое рассеивало ровный естественный свет.

Профессор Куртьё встретил меня радушно, хотя и был обеспокоен моим неожиданным приездом — в целях полной секретности мы решили не сообщать ему по имевшемуся каналу связи с «Офиром», что в наших руках оказались видеозаписи обсуждений в клубе «Секвойи». Я попросил Поля сразу же посмотреть видеоматериалы.

Просмотрев пленки, Поль сказал:

— Эти люди, воображающие себя властелинами мира, на самом деле ненормальные. Один мой друг в таких случаях цитировал мудрую надпись на воротах дома умалишенных в Испании: «Не все, кто находится здесь, принадлежат к ним, не все, кто принадлежит к ним, находятся здесь». Эти параноики, не находящиеся в доме умалишенных, могут принести много вреда всем остальным людям. Ради власти и прибылей они готовы уничтожить человечество, превратить планету в радиоактивную пустыню. Как жаль, что нельзя, особенно в больших странах, ввести методы друссов, отсекавших от власти стремившихся к ней шизоидов... Но помешать этим активным дегенератам с Секвойевой Поляны нужно во что бы то ни стало. Давай обмозгуем, как это лучше сделать...

Целый день мы обсуждали различные варианты наших действий. Под конец Поль сказал:

— Слушай, Виктор! Я иногда думаю, что многие люди не понимают, почему после разгрома фашизма мир снова повернул к войне. И дело здесь совсем не в угрозе с Востока. Любому нормальному человеку ясно, что русские войны не ищут. У них свои дела, для которых нужен мир. Но их заставляют все время тратить деньги на оборону, и вот почему. Был у меня хороший знакомый, правда, постарше годами, — научный советник американского президента Дуайта Эйзенхауэра.

— Поль, простите. Вы не о Джордже Кистяковски?

— О нем. Кстати, по происхождению он был русским. Очень крупный химик. Уже после того как Эйзенхауэра не стало, Джордж нередко делился со мной некоторыми своими мыслями. И постоянно возвращался к прощальной речи своего президента.

— Что-то помню. Айк тогда впервые упомянул о военно-промышленном комплексе США, или, как говорят теперь, ВПК.

— Вот именно, Виктор. Эта речь президента была очень и очень любопытной. Айк обратил внимание на то, что до второй мировой войны в Штатах практически не было военной промышленности, а в случае необходимости американские производители ора¹ могли легко переключиться на изготовление мечей. После войны появилась постоянная военная промышленность, причем в гигантских размерах. Плюс три с половиной миллиона человек стали непосредственно связаны с военным ведомством. И тут Айк даже совершил, на мой взгляд, одну неосторожность: он подчеркнул, что расходы на военные дела превысили доходы всех корпораций США.

— Ясно! Нечаянно подлил масла в огонь. Такое замечание заставило потерять сон руководителей крупнейших корпораций — они лихорадочно стали подбираться к огромным государственным деньгам, выделенным на военные нужды.

— При этом активно работая локтями. Но Айк предупреждал: соединение раздувшегося военного ведомства с крупной промышленностью стало новым фактором американской действительности. Общее влияние, которое этот фактор оказывает на экономическую, политическую и духовную сферы жизни страны, говорил Айк, чувствуется в кресле губернатора каждого штата и в

¹ Орало — плуг. Имеется в виду поговорка «перекуем мечи на орало».

каждом управлении федерального правительства. И было бы опасным недооценивать серьезные последствия этого влияния. Потом Айк с грустью отметил, что могущество военно-промышленного комплекса может вырасти до катастрофических размеров, если правительство на высшем уровне не помешает этому. Он добавил, что свобода и безопасность только тогда смогут процветать совместно, когда американцы заставят грандиозную военно-промышленную машину служить нужным образом лишь мирным целям. Но сам он не верил в такую возможность. Кистяковски признался мне: президент неоднократно жаловался ему, что не может справиться с натиском военно-промышленных корпораций, заставлявших его давать согласие на производство атомных бомб и других видов вооружения в размерах, в десятки раз превышавших действительные нужды... Пожирая миллиарды долларов, ненасытный военно-промышленный молох только подогревал свой аппетит. Этот молох и есть главная причина гонки вооружений, которую он навязывает миру. А гонка вооружений требует постоянного обострения международной обстановки.

— Поль, но ведь удалось же на какое-то время наладить разрядку.

— Только на тот период, когда молоху скормили несколько космических программ — высадка на Луне и прочее. Это временно утолило его голод. Сейчас его кормят ассигнованиями на «звездные войны».

Собственно, Поль пришел к тем же выводам, что и Анри, но я не стал говорить об этом, а лишь спросил:

— Что будем делать, Поль?

— Эйзенхауэр говаривал: только активные и информированные граждане могут заставить гигантскую военно-промышленную машину повернуть в сторону мира. Информированные, Виктор. Если все будут понимать простые истины, которые я тебе сейчас изложил, будет легче бороться с молохом. Если каждому будет по-

нятно, что любая американская ракета в Европе — это не защита западной цивилизации, а прежде всего баснословная прибыль в карман калифорнийской или другой конкретной американской корпорации, кое-что станет делать проще. У нас ведь все измеряется деньгами, и если всем будет ясно, кто получает деньги от такой политики, будет ясно, и кому нужна сама политика. Понимаешь, не могут воротилы ВПК остановиться, хотя и катятся в пропасть. Нужен кто-то посильнее Франклина Рузвельта, чтобы перевести доходы от военных заказов в доходы от других больших программ. Беда в том, что ВПК давно уже превратился в ВПМ — военно-промышленную мафию, которая не брезгует ничем. Вот почему следует постоянно раскрывать ее сущность. Поезжай в Прагу — там много левых международных организаций. Тебе помогут сделать хорошенькое шоу из видеопленки, которую ты привез. Поскольку человека, который это заснял, убили, мы можем показать пленку миру... Только сам оставайся в тени.

— Поль, скажу честно: я понимаю, что телевизионным шоу молоха не убьешь и даже не остановишь, но действовать надо. В какой-то мере это поможет многим людям увидеть в истинном свете смысл гонки вооружений и причину связанных с ней авантюр.

Несколько дней мне было предоставлено на отдых. За это время я успел детально разработать маршрут своего движения к Праге, а также запасные пути следования и различные виды подстраховки. Соответствующие инструкции Поль направил в Солонь. Сопровождать и охранять «курьера», то есть меня, поручалось Иву и Леону. Оба находились в «Офире».

Когда после кропотливых расчетов на ЭВМ проиграли все возможные и невозможные варианты нападения на «курьера» и стало казаться, что предусмотрены все случайности и закономерности (сие противоречит теории вероятностей), я решил прекратить разработку маршрута, чтобы не наделать каких-нибудь искусствен-

ных глупостей. Ив и Леон взялись показать мне лаборатории в «Офире». В одной из них я встретил Пьера. Как всегда жизнерадостный и искрящийся идеями, он сообщил, что намерен создать принципиально новый тип робота-солдата с металлическим телом и живым биомозгом. Куртьё дал задание придумать несколько вариантов роботов серии «защита», которые должны были охранять территории его лабораторий, разбросанных по всему миру...

Я недоверчиво и с опаской отношусь к работам с живым биомозгом, а посему вежливо поинтересовался у Пьера, не получится ли у него Франкенштейн¹.

Пьер тут же обиделся и высокомерно заявил, что «сомнение — враг прогресса», как утверждал еще Бион². А что касается его робота, то биомозг будет иметь жесткие ограничения в своем развитии и тройную систему дублирования приема команд, чтобы не вышел из подчинения. Так что бунта роботов не будет...

— «Пока человек жив, он никогда не должен терять надежду», — процитировал я в отместку Пьеру слова Сенеки³ и ехидно добавил: — Кстати, в более точном переводе слова Биона гласят: «Самомнение — враг прогресса»...

Больнее обидеть Пьера было нельзя. Он надулся. Но я не хотел ссориться и кое-как уговорил его сменить гнев на милость. В конце концов он отошел, и мы мирно закончили нашу беседу. Он даже признался, что в «Офире» ему очень не хватает «кают-компаний», особенно прелестной четверки наших девушек.

¹ Франкенштейн — уродливый, искусственно созданный гигант в повести английской писательницы Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», который ненавидит своего создателя и мстит ему за свое одиночество.

² Бион Бористенит — древнегреческий писатель и философ.

³ Сенека Луций Анней — римский философ.

Вечером Ив с улыбкой рассказал мне, как Пьер между делом создал в «Офире» робота-диагноста. Сама идея иметь под рукой надежного диагноста была неплохой, но, положенная на буйную фантазию Пьера, она приняла несколько неожиданные формы.

Прежде всего Пьеру не захотелось делать диагноста в виде вульгарного металлического ящика, и он, возможно под влиянием детских воспоминаний о кинофильме «Багдадский вор», придал роботу облик многорукой индийской богини, которая в картине Александра Корды сначала нежно обнимала пятью руками султана-хозяина Дворца игрушек, а потом неожиданно шестой рукой вонзила ему в спину смертоносный кинжал. Тем не менее в «Офире» нашлись добровольцы, согласившиеся довериться многорукому диагносту. Жутковатая божественная дама осторожно обхватывала своими многими руками пациента и начинала постепенно плотно прижимать его к себе. Одновременно она прикладывала к телу «жертвы» десятки разнообразных датчиков, которые немедленно начинали определять особенности пульса, давления, биополя, состава пота и т. п. данного организма и выдавать спрятанному внутри металлического живота компьютеру информацию о всех заболеваниях пациента. Как только датчики вступали в контакт с телом проверяемого, глаза у богини разгорались дьявольским зеленым огнем, а из ее уст негромко звучала сладко-тягучая восточная мелодия.

Первые смельчаки, побывавшие в объятиях железной леди, возбудили всеобщее любопытство, и количество желающих обняться с богиней, а заодно узнать про свои болезни стало увеличиваться, когда неожиданно Куртьё категорически запретил «диагностирование» и приказал использовать робота только в крайних, действительно необходимых случаях и лишь с его личного разрешения. Оказалось, что Пьер, не довольствуясь маленьким компьютером в божественном животе, подключил диагноста к большей ЭВМ «Офира» и стал про-

гнозировать продолжительность жизни испытуемых. ЭВМ определяла общий биологический потенциал человека и предсказывала дату его смерти с точностью до одного месяца... Это-то и повлекло немедленное вмешательство Поля.

Услышав историю, я расхохотался — рассказанное было весьма характерным для Пьера с его неожиданными затеями. В свою очередь, я поведал Иву об одном эпизоде, происшедшем со мной в Дели. Там в первый день моего пребывания, сразу же после контакта с «чистильщиком обуви», я, продолжив прогулку, столкнулся с сикхом, который тут же предложил мне погадать. Заметив по моему лицу, что я собираюсь отказаться, сикх торопливо произнес по-английски:

— Первое гадание бесплатно! Если угадаю, дальше будете платить.

— Ладно, — согласился я, уже снедаемый любопытством.

— Задумайте любую цифру до десяти, — попросил сикх.

Я загадал семерку и тут же услышал «севн»¹.

Между тем гадалщик продолжал:

— Кто вы и откуда — это неинтересно, а вот хотите, я узнаю имя вашей матери?

— Попробуйте!

— Люси, — произнес сикх.

Мою мать действительно звали Люси. Я протянул гадалщику деньги. Он пристально посмотрел на меня и вдруг предложил:

— Хотите, я скажу вам, когда вы родились и когда вы умрете?

— Не надо! — несколько поспешно ответил я и тут же дополнительно щедро вознаградил сикха.

— Не могут ли эти гадалщики улавливать какие-то биоимпульсы человеческого организма и по ним опре-

¹ Семь (англ.).

делять продолжительность жизни? — спросил Ив, выслушав мой рассказ.

— Не знаю, Ив. Только не завидую человеку, обладающему подобными способностями, если это возможно...

...Перед отъездом состоялась еще одна встреча с Куртьё. На сей раз у него было достаточно свободного времени, и мы неторопливо беседовали. Наконец-то у меня возникла возможность поговорить с Полем о его рукописи. И я прежде всего спросил профессора, как сложилась дальнейшая судьба его родителей. К моему удивлению, Поль несколько замялся:

— Извини, Виктор, не так-то просто ответить на этот вопрос. Придется дать тебе почитать еще кое-какие записки. История моих родителей, Су, Поля, Лалы имеет продолжение. Так же, как и событий, разыгравшихся в Друссии и Муссатанге. Но обо всем этом ты узнаешь позже. А если говорить коротко, то после многих лет жизни в Европе, а может, после многочисленных путешествий по миру у моей матери обнаружилась смертельная болезнь крови. Спасти ее могли лишь в одном месте — в Друссии. Поэтому отец с матерью снова уехали в город Рус. Меня с собой не взяли: ведь они обещали друссам никому не показывать дорогу к ним... Да и поехать вместе с ними означало бы остаться на всю жизнь в маленькой и таинственной горной стране. А я этого не хотел.

— Скажите, Поль, а можно еще спросить про Друссию?

— Можно, — усмехнулся Куртьё, — но не все.

— По рукописи Друссия производит впечатление идеальной страны, без всяких проблем. Это что, действительно так?

— Нет, не так. Проблем у них было достаточно, в том числе в управлении страной, но главная проблема — плохая рождаемость. Отец рассказывал: один из руководителей государства жаловался ему, что друссы,

видимо, допустили просчеты в воспитании девочек — красивые, образованные, интеллектуальные друссианки редко хотели иметь больше двух детей, а чаще только одного... Конечно, население постепенно стало сокращаться и, учитывая его долголетие, стареть. Видимо, поэтому Ку Разумный говорил о «дряхлеющей Друссии», когда готовил свои агрессивные планы.

Спорным вопросом, разделившим друссов на два лагеря, было отношение к Муссатангу. Многие требовали от Второго Совета прекратить политику «созерцания тирании» и покончить с несправедливостями в бывшей части Друссии. Лично для меня, Виктор, в существовании Муссатанга был один момент, в котором хотелось бы разобраться: насколько закономерным оказался переход от демократического правления ученых-интеллектуалов к режиму, очень напоминавшему фашистские государства. Меня это волнует с позиций наших сегодняшних «демократий». Неужели даже в высокоцивилизованном обществе при определенных потрясениях психология обывателя легко берет верх над разумом интеллигента и тогда этот обыватель готов открыть путь «сильным личностям» и «новым порядкам»? Особенно, если обывателю данной страны внушают, что он самый умный, самый способный и самый достойный представитель рода человеческого... Тогда появляются фашизм, расизм, высокомерное отношение к другим народам.

— Кстати, Поль, в рукописи о Муссатанге я вычитал, что Ку Разумный во время своих публичных выступлений опускал руки в лед. Я никак не мог вспомнить, что это мне напоминало, и только сейчас сообразил. Жорж рассказывал как-то: то же самое проделывал Гитлер, которому на трибуну ставили специальную тарелочку со льдом — им фюрер протирали руки. Удивительное повторение!

— Может, и не такое уж удивительное. Про Ку я тебе дам еще почитать, когда вернешься из Праги. Но я хотел бы поговорить с тобой вот о чем. Однажды ты

сравнил меня с Аватарой. Этот образ мне запомнился, и позднее мысленно я не раз возвращался к нему. Тогда, в Солони, я еще подумал, что сравнение с Аватарой подошло бы скорее моему покойному другу Аурелио Печчеи.

— Основателю Римского клуба? ¹

— Да, именно ему. Правда, сейчас клуб уже не тот. Там заправляют другие люди. Аурелио много размышлял над тем, как спасти мир, восстановить добродетель и справедливость на нашей планете. Он всегда мыслил в глобальных масштабах. По его замыслу, Римский клуб должен был привлечь всеобщее внимание к постоянно обостряющимся проблемам нашей цивилизации: хищническому разграблению минеральных ресурсов, безответственному уничтожению лесов и загрязнению природной среды, энергетическому кризису, голоду, безработице, социальной несправедливости, гонке вооружений.

— Поль, о докладах Римского клуба много сообщалось в прессе, но ведь вся его деятельность — ни к чему не обязывающие разговоры, хотя и интересные... для человечества.

— Не иронизируй, пожалуйста! Аурелио был человеком необыкновенным, хотя и оставался всю свою жизнь удивительным, неисправным идеалистом, я бы сказал, идеалистом-оптимистом. Такие люди тоже нужны. Ты знаешь его биографию?

¹ Римский клуб — небольшая общественная организация, возникшая в 1968 году в Риме. Ее члены (по уставу клуба их не должно быть более ста) — видные ученые, а также представители политических и деловых кругов Запада. Клуб организывает в разных странах обсуждения глобальных проблем, например, таких, как «Цели для человечества», «Энергия», «За пределами века расточительства». В 1977 году члены Римского клуба обсуждали в Москве на встрече с советскими учеными свой доклад «Человечество на перепутье». Критикуя многие аспекты сегодняшней капиталистической действительности и проповедуя гуманистические идеалы, члены Римского клуба находятся во многом на утопических позициях, не предлагая реальной альтернативы современному капитализму.

— Нет.

— Я тебе расскажу. Он прожил прямо-таки фантастическую жизнь. В двадцатые годы, заинтересовавшись трудами Маркса и Ленина, изучил русский язык и съездил в Советскую Россию, а потом защитил в фашистской Италии диплом на такую опасную в его стране тему, как «Новая экономическая политика Ленина». Затем женился и отправился с женой на несколько лет в Китай, где был свидетелем борьбы китайцев против японской агрессии. Вернулся в Италию и во время второй мировой войны активно участвовал в движении Сопротивления, прошел через испытания в фашистских застенках, чудом остался жив. После войны стал одним из руководителей «Фиата» и ряда других фирм, объездил весь мир, воочию убедился в ужасающей нищете многих районов Азии, Африки и Латинской Америки. Наконец обосновался, как представитель «Фиата», в Аргентине, дружил с Сальвадором Альенде, президентом Чили, и тяжело переживал его убийство во время фашистского переворота в 1973 году.

— Да, я тоже слышал, что Печчеи было очень чистым и честным человеком.

— Главное, что этот чистый человек, насмотревшись в жизни всякого — многоликого и многочисленного — зла, не потерял веры в людей. Анализируя глобальные проблемы современного общества, он предложил переосмыслить с помощью ЭВМ всю человеческую производственную структуру. Фактически он выступил в роли «математического Аватары», полагая, что точные науки спасут род людской.

— Забыв о социальных факторах?

— Да, забыв о факторах социальных. Но дело-то как раз в том и заключается, что, в отличие от мифологии, в нашем реальном мире никто не сможет стать Аватарой. Ни математическим, ни электронным, ни экономическим, ни каким другим... Есть законы, по которым

развивается наша цивилизация, правда, в этих вопросах я не силен. Я только понял, что один человек, даже такой богатый и имеющий такие уникальные изобретения, как я, выполнить миссию Аватары не сможет. По крайней мере, в одиночку или с небольшой группой соратников. Вот сейчас нас немножко «загнали в угол», и мы стараемся сидеть тихо, не привлекая лишнего внимания...

— Поль, следуя такой логике, мне не надо ехать в Прагу...

Поль поднялся со стула и принялся ходить по комнате. Я молча наблюдал за ним. Все-таки он сдал за последние недели. Не то чтобы постарел, но осунулся, под глазами появились темные круги.

— В Прагу ехать надо, дорогой Виктор! Возможно, я несколько пессимистично сегодня настроен. Во-первых, грустно с тобой расставаться. Во-вторых, я получил кое-какие агентурные данные о том, что нами будут продолжать интересоваться... Но пока все это на уровне гангстеров, а мы намного сильнее всяких преступных синдикатов. Так что не страшно. Бороться, безусловно, надо. Может быть, с помощью других, более радикальных средств, чем те, которые использовал Печей. Но он был прав, когда предлагал сделать большинство людей на земном шаре своими союзниками, если не сказать — единомышленниками. Союзниками в борьбе с теми, кто несет человечеству зло и гибель. Вот почему надо ехать в Прагу! Раскрывать людям глаза на истоки зла. Способствовать тому, чтобы у как можно большего числа людей пробуждались качества, которыми мифы наделяли Аватару. Одного Аватары быть не может. Не может быть божества, низошедшего на Землю. Но на Земле великое множество Аватар — каждый человек «нисходит» на Землю, причем только один раз в жизни. Ибо рождается и живет он только один раз. И надо помочь ему осознать свою историческую миссию на этом свете, помочь развить

в себе заложенные природой человеческие качества, от которых будет зависеть судьба человечества.

— Поль, а ведь мы с Жаклин привыкли между собой называть вас Аватарой.

— Это ваше дело, можете сохранять свои привычки. Главное, чтобы Аватара был частицей каждого человека на Земле...

* * *

На другой день я, Ив и Леон спустились на лифте в одну из штолен, где стоял небольшой самолет. Штольня представляла собой взлетно-посадочную полосу, такую же, какие делают на авианосцах. Самолет разогнался, мы вылетели из пасти пещеры в глубокое длинное ущелье, постепенно набрали высоту и вскоре приземлились на территории Саудовской Аравии. Здесь находился перевалочный пункт (земля, как и «Офир», была куплена одним арабом, сотрудником Куртьё). Пересев на более просторный самолет, мы полетели в Кувейт.

КУВЕЙТ — ВИСБАДЕН — КЕЛЬН

Я слонялся по залам нового аэропорта в Кувейте. Только это не знающее, куда девать деньги, маленькое государство могло позволить себе роскошь — построить такой огромный аэровокзал, способный обслужить куда больше пассажиров, чем их доставляют самолеты. В мире есть страны, где средний ежегодный доход на одного человека меньше двухсот долларов. В США, ФРГ или Японии эта цифра приближается к пяти тысячам долларов. В Кувейте — к одиннадцати тысячам.

Исторический парадокс: самая бедная в мире нация стала самой богатой. Живущий среди жарких песков, не имевший ничего, кроме верблюда да русской керосиновой лампы, веками приучавшийся экономить каждую монетку и беречь любую вещь, суровый бедуин Кувейта

сделался вдруг обладателем несметных сокровищ. Нефть, подобно выпущенному из-под земли джинну, осыпала его золотом и благами современной цивилизации. Надо отдать должное нуворишу пустыни — он попытался с размахом использовать свое богатство: отстроил новый город с красивыми домами и гостиницами, ярким освещением, хорошими дорогами. Он построил школы, где разрешил детям бесплатно учиться, получать бесплатное питание и бесплатную спортивную форму. В то же время желание делать широкие жесты постоянно вступает у бывшего бедуина в противоречие с вековой привычкой экономить во всем, и именно поэтому пройдоха таксист в Каирском аэропорту не спешит приглашать к себе в машину пассажира-кувейтца, зная, что от него не дождешься чаевых...

Размышляя таким образом о бедуинах и нефти, я внимательно приглядывался к пассажирам аэровокзала. Европейцев было немного. В основном по залам степенно вышагивали арабы в белых одеяниях, на голове традиционный укаль — черные кольца, закрепляющие накидку — куфию.

В сером европейском костюме, темных очках и с оранжевой сумкой в руке я заметно нарушал гармонию белых одежд. Однако меня это не смущало. Смущало другое: прямо передо мною двигался человек в арабском платье, который нес в левой руке сумку, очень похожую на мою, только белую. Я предпочел бы, чтобы этот человек нес сумку в правой руке — тогда можно было бы сразу улететь в Вену, а оттуда в Прагу. Сумка в левой руке пассажира означала, что в аэропорту я попал под нежелательное наблюдение и следует воспользоваться запасным вариантом движения к столице Чехословакии. «Наблюдение» я заметил и сам: двое молодых европейцев с холодными, неприятными лицами проявили пристальный интерес к моей особе. Видимо, мы с Куртьё недооценили широту действий синдиката, к которому принадлежали мои аденские

красавицы. Возможно, обнаружив мое исчезновение в Адене, девицы забились тревогу и их руководители взяли под наблюдение аэропорты соседних государств. Но только ли соседних?

Если под наблюдение взяты и аэропорты Европы, дело осложнялось. В любом случае приходилось воспользоваться запасным вариантом и лететь во Франкфурт-на-Майне. Там имелась подстраховка — в Вене ее не было. Однако прежде всего следовало «обрубить хвосты». Эту операцию мы отретпировали заранее. Человек в арабской одежде (под которой скрывался Леон) вошел в мужской туалет. Минуты через три за ним последовал и я. Закрывшись в кабинке, я облачился в вынутое из сумки арабское платье, надел на голову куфию и укаль. Европейскую одежду я положил в сумку, предварительно вывернув ее наизнанку — цвет сумки изменился на белый. Тем временем Леон также вывернул свою сумку на оранжевую сторону, оделся в европейский костюм — точная копия моего — и не торопясь вышел в зал. Он должен был взять билет до Вены и «поташить» за собой «хвосты». Мы с ним немного похожи, а ради такого случая даже подгримировались друг под друга.

Минут через пять после ухода Леона я покинул туалет и, не задерживаясь в аэропорту, направился к стоянке такси. Я попросил водителя отвезти меня на рынок. Краем глаза я успел заметить, как следом за нашей машиной двинулось другое такси со страховавшим меня Ивом.

Рынок Кувейта — это своеобразная и по-своему живописная часть города. Она представляет собой конгломерат нешироких улочек, застроенных маленькими магазинчиками. На окраине этого городка расположены лавки, в которых вам тут же обменяют любые бумажные деньги на любые другие. Не меняют только металлические деньги. Возможно, потому, что бумажные купюры легче подделать. В магазинчиках торгуют всем,

но в первую очередь японской радиотехникой, разнообразной одеждой и золотыми украшениями. Золото, которое здесь предлагают покупателям, без пробы, однако высокого качества, поскольку сами бедуины признают лишь двадцатичетырехкаратовый желтый металл, а европейцы покупают восемнадцатикаратовое золото. Перед магазинчиками и лавками вместо рекламы — красавцы продавцы с черными усами, живое олицетворение арабской истины: «торговля — главное занятие мужчины-мусульманина». По моему разумению, основная деятельность этих людей (если не считать беседы друг с другом) заключается в ожидании покупателя, то есть в ничегонеделании целыми днями. В этой связи меня всегда интересовало, на что же существуют эти люди (продавцы и владельцы лавок), особенно те, чьи торговые заведения находятся в центре городка. Ведь совершенно ясно, что покупатель никак не сможет донести свои динары до центра — он оставит их вскоре после того, как минует окраину рынка, в пятом, шестом, наконец, в десятом магазинчике. Ибо после пятой, в крайнем случае десятой лавки любому становится ясно, что товары везде одинаковы, как и цены на них, и что дальше продолжать коммерческую экскурсию бессмысленно...

Я умудрился донести свои деньги до центральной улочки рынка, но только потому, что не зашел ни в один из магазинчиков. Честно говоря, зайти в магазин было бы неплохо — это помогло бы страховавшему меня Иву обнаружить «хвост», если таковой у меня имелся. Но я опасался, что в арабской одежде могу вызвать подозрение у бездельничавших продавцов, особенно если они о чем-то меня спросят. А арабский язык я знал слабо. Задерживаясь у витрин (чтобы облегчить задачу Иву), я не торопясь дошел до нужной мне лавки в центре рынка. Внутри помещения находился только один человек — ее владелец Мухаммед, работавший раньше в Солони. Лавка с видеотехникой, которой тор-

говал Мухаммед, служила конспиративным местом встреч людей Куртъё.

Мухаммед молча поклонился в ответ на мое приветствие и указал на дверь, ведущую в заднюю комнату. В комнате я оставил свои арабские одежды и сумку и переоделся в неброский европейский костюм. Видеокассеты и приспособление для их моментального размагничивания, с которыми я не расставался ни на мгновение, переложил в небольшой элегантный «кейс». Поблагодарив хозяина, я покинул лавку и, поймав за пределами рынка такси, снова направился в аэропорт. Ив страховал меня по-прежнему. Мы оба едва успели на самолет, отлетающий во Франкфурт-на-Майне. Все было бы хорошо, если бы я вдруг не стал почему-то нравиться женщинам. Красавица стюардесса неожиданно проявила ко мне максимум внимания. Я слабо утешал себя, что это из-за моих внешних данных. Сидевшего в конце салона Ива она не замечала.

Франкфуртский аэропорт оживленнее Кувейтского. Здесь легче затеряться в толпе, но зато и легче проследить за кем-нибудь, оставаясь незамеченным. Следуя принципу американских политических деятелей — выставлять себя напоказ (в данном случае, чтобы Иву и встречавшим меня товарищам было видно, кто интересуется «курьером»), я пересек почти все залы аэровокзала, пока не приблизился к представительству Люфтганзы¹. Здесь над головами пассажиров был подвешен симпатичный самолет с тремя крыльями — «Фоккер-1» 1917 года, как гласила надпись на табличке. Во время первой мировой войны эта летающая машина, вооруженная двумя пулеметами, причинила нам, французам, массу неприятностей. Самолет был красного цвета, поэтому место встречи во Франкфуртском аэропорту мы обычно называли «под красным «фоккером». Место имело некоторые удобства: в углу аэровок-

¹ Люфтганза — авиакомпания ФРГ.

зала нетрудно заметить слежку и в случае чего можно было быстро сбежать через находившиеся рядом двери, ведущие к обширной подземной стоянке автомашин.

В то время когда я, задрав кверху голову, изучал табличку на красном «фоккере», мимо меня прошла веселая рыженькая девушка и, глядя куда-то в сторону, сказала голосом Катрин:

— 217-я стоянка, серый «мерседес», последние цифры номера — 57.

Я еще раз внимательно посмотрел на пулеметы трехкрылого самолета и отправился вниз, на автостоянку. Пожалуй, это был самый опасный момент в «запасном варианте»...

Когда мы с Куртьё прорабатывали маршруты моего продвижения к Праге, то пришли к выводу, что о существовании видеопленки с записью разговоров в клубе «Секвойи» никто из наших противников не подозревает. Иначе против нас были бы предприняты куда более серьезные действия. Поль предложил руководствоваться следующей рабочей гипотезой: «Грейт пасифик энд атлантик ойл» старается выяснить причину взрыва ее компьютера на острове Шу. Расследование, по имеющимся у профессора данным, ведется по разным направлениям. Во-первых, изучаются возможности преступной небрежности или саботажа на острове. Этим занимается секретная служба самой фирмы. Во-вторых, выясняется, не причастны ли к взрыву иностранные разведывательные службы — это поручено ЦРУ. В-третьих, допускается диверсия со стороны какой-нибудь частной компании. Список таких подозреваемых компаний составлен. В нем числится, наряду с другими, наша «Сосьете женераль де решерш съантифик», хотя на подозрении прежде всего фирмы, торгующие нефтью и продовольствием. Проверку частных компаний осуществляет по контракту гангстерский синдикат «Триада».

«Триада» уже не раз проявляла (видимо, по чьему-

то заданию) активный интерес к делам нашей фирмы. Сначала засылка Гастона Леграна (после испытательного срока он стал нашим сотрудником и работал в Венесуэле), потом история с вертолетом (который был нами сбит) и, наконец, попытка покушения на Куртье около ресторана «Лёдуаиен» (видимо, инициатива самих гангстеров в качестве мести за вертолет).

Далее профессор рассуждал так: «Триада» побаивается сунуться на территорию в Солони, так как там уже сильно обожглась, но гангстеры следят за фирмой и засекают, что часть сотрудников уезжает из Франции, скорее всего в Африку или на Ближний Восток. Организуется наблюдение в крупных аэропортах этого региона с целью выйти на кого-нибудь, имеющего отношение к «Сосьете». В поле зрения гангстеров в Адене попадаю я. Возможно, они не уверены в моей принадлежности к «Сосьете», но, следуя своей логике тотальной проверки, собираются увезти меня в укромное местечко и хорошенько «выпотрошить» в надежде, что под пытками я раскрою все свои секреты. Схема абсолютно та же, что и в Непале у «диких гусей», хотя последних нанимала скорее всего фирма Питера.

Итак, самая большая опасность для меня — оказаться одному в безлюдном месте, каким и был гигантский подземный гараж под аэропортом. Все это я хорошо понимал, как понимал и то, что техника похищения людей в наши дни достигла больших успехов в своем совершенствовании.

К счастью, я хорошо ориентировался в подземных помещениях Франкфуртского аэропорта и сразу же точно определил ближайший проход к стоянке № 217. Я медленно двинулся вдоль залов аэровокзала, но как только поравнялся с нужными мне дверьми, быстро юркнул в них и со спринтерской скоростью помчался вниз в поисках серого «мерседеса». Катрина оказалась молодцом: автомобиль стоял уже снаружи бокса, мотор тихо работал, на правом сиденье лежал счет за пребы-

вание на стоянке. Я резво взял с места, а миновав контрольный пункт у выезда из подземного гаража, увеличил скорость до пределов, допускаемых автобаном¹ Франкфурт — Кельн. Километров через пятнадцать я увидел справа медленно идущий «форд» со смешным рисунком, наклепленным на левое боковое стекло: ухмыляющийся английский полицейский прикрепляет к старенькому автомобилю плакат с надписью: «Все! Вам конец!» Рисунок служил опознавательным знаком. Но еще более достоверным знаком был человек, сидевший в автомобиле, ибо за рулем находилась Мари. Обе наши машины притормозили у обочины, и через пять секунд я вел «форд», а Мари продолжала свой путь до Кельна в «мерседесе», номер которого оканчивался цифрами 57. «Мерседес» быстро умчался вперед, а я стал выбираться на дорогу, ведущую в Висбаден, поскольку из карточки отеля, обнаруженной мною на сиденье «форда», явствовало, что я живу в номере 237 гостиницы «Нассауэр Хоф», лучшей гостинице города Висбадена.

Возможно, Мари знала о моих симпатиях к старым гостиницам — «Нассауэр Хоф» отвечал всем требованиям любителя старины. К тому же меня поселили в той половине отеля, которая не подверглась разрушительному действию модернизации и сохранила, несмотря на телевизор последней марки и ультрасовременную ванную, прелести былых времен. Обстановка успокаивала — как раз то, что мне было необходимо. Я включил в ванной электроспираль на потолке, наполнил теплой водой ванну и, растянувшись в ней, начал размышлять.

Положение, собственно, было не из приятных. Первое условие моей поездки в Прагу, поставленное Полем, заключалось в том, чтобы никто не мог проследить связь между появившейся в Чехословакии видео плен-

¹ Автобан — автомобильная дорога в Германии.

кой о «Секвойях» и фирмой «Сосьете женераль де рещер сьантифик». Я мог колесить по Европе (или миру) сколько угодно до тех пор, пока не получил бы стопроцентных доказательств, что все «хвосты» оборваны. Только после этого мне разрешалось отправляться в Прагу. Вторым условием было немедленное размагничивание видеопленки в случае опасности захвата ее посторонними лицами. Как я уже отмечал, в «кейсе» рядом с кассетой находилось специальное устройство, которое делало это мгновенно. В моем кармане имелся ультразвуковой включатель устройства.

Третьим условием, самым трудновыполнимым, было не позволить, чтобы меня похитили... Реальной гарантией в этом случае могло быть только самоубийство в критической ситуации, но сама мысль об этом была мне противна. Я решительно настроился бороться и победить. Проиграть было бы формой предательства по отношению к своим идеалам, своим принципам, своим товарищам, по отношению к Жаклин, наконец.

В результате «ванных размышлений» появились кое-какие идеи. Я стукнул два раза в стенку, потом, выйдя из номера в коридор и сделав вид, что замешкался с запиранием двери, коротко и тихо сказал Иву, находившемуся за дверью соседнего номера (наши двери были расположены рядом), о своих планах.

Собственно, вначале в качестве арены для боя быков я планировал использовать казино, находившееся напротив «Нассауэр Хоф». В этом варианте, расположившись за столом с рулеткой, сам я выступал в роли красной тряпки, необходимой для раздраживания быка (то бишь гангстеров). Роль тореадора отводилась Иву и тем, кого Куртьё успел прислать из Франции. Только от рулетки пришлось отказаться.

Я вовремя вспомнил, что в зал казино не пускают с сумками, папками, портфелями, следовательно, «кейс» с видеокассетой придется сдать в гардероб, на что я не мог пойти. Тогда я подумал о музее Гутенберга в Майн-

це. Майнц находится недалеко от Висбадена, и на своем «форде» через полчаса я добрался до музея.

Музей книгопечатания весьма любопытен. Здесь собраны редкие старинные книги, а также первые печатные станки. Не знаю, что произвело благоприятное впечатление на фрау Энке, симпатичного гида, — мои ли вопрошающе-правдивые глаза или мои любознательные вопросы, — только она вдруг расщедрилась, достала листок специальной бумаги и позволила мне собственноручно оттиснуть страницу Библии Гутенберга на его станке, копия которого находилась в музее.

Слушая гида, я подумал, что биография Иоганна Гутенберга наводит на некоторые размышления о подлинных и мнимых героях Истории. После того как Гутенберг изобрел свой станок, приспособив металл, употреблявшийся для изготовления оружия, на цели первой полиграфии, человечество (человечеством, по мнению европейцев, тогда была Европа) стало считать создателем книгопечатания совершенно другого человека. И так продолжалось целых триста лет. Лишь чистая случайность помогла восстановить истину. Оказывается, начав книгопечатание, Гутенберг попросил взаймы денег у одного богатого человека, Иоганна Фуста. Гутенберг надеялся вернуть долг после распродажи первых Библий. Но вскоре выяснилось, что выручка от продажи первых двухсот книг не сможет покрыть долга. Тогда Фуст начал судебный процесс против Гутенберга и в результате отобрал у него типографию. Тем временем лучший ученик первопечатника — Петер Шеффер, предав своего учителя, женился на дочери Фуста и вместе с тестем начал печатание книг в бывшей типографии Гутенберга. Триста лет этот ученик считался изобретателем печатного станка. В начале XVIII века потомки Шеффера решили организовать торжества по случаю трехсотлетия книгопечатания, «изобретенного» их предком. В связи с этим один ученый муж стал рыться в старых документах и наткнулся на материалы

судебного процесса, организованного Фустом против Гутенберга. Обнаружилось, что первый печатный станок изобрел Иоганн Гутенберг... Историческая правда восторжествовала, хотя История, в отместку, потеряла имя ученого мужа, восстановившего справедливость...

Размышления о невзгодах Гутенберга не мешали мне посматривать одним глазом (другой был устремлен в рукописи) на посетителей музея, фиксируя тех, кто среди редких изданий отыскивал меня. Но обнаружить таковых мне не удалось, несмотря на разные ухищрения вроде длительного укрывательства в комнате-сейфе, где хранилась первая печатная Библия. (Кстати, сегодня один ее экземпляр стоил столько, что на вырученные от его продажи деньги Гутенберг смог бы купить несколько типографий...) Единственный, кого я увидел, был мой черный приятель Траоре, который изучал в одном из залов какое-то старое приспособление для печатания. Во дворе музея я встретил светловолосого Дюшато, начальника нашей охраны в Солони. Удовлетворенный таким сопровождением, я направил свой «форд» в сторону Кельна.

Кельн, как известно, знаменит Кельнским собором. Собор строили долго, несколько веков, пока не достроили до такой высоты, что на прилегающей к нему площади стали дуть непрерывные ветры: их, видимо, направляли шпили собора сверху вниз. Кроме сквозняков, на площади около собора имеется еще «Дом Хотель» — старый добрый отель, где я останавливался в прежние времена. Под площадью сердобольные к похожим на меня странникам местные власти устроили большой подземный гараж, невзирая на протесты друзей старинной архитектуры. В этом гараже я и оставил свой «форд». Прежде чем войти в отель, я решил погулять на соседней с собором площади, где был расположен большой магазин хрусталя и фарфора. Проявить интерес к дорогой посуде настойчиво попросил меня Ив из-за двери своего номера в «Нассауэр Хоф». Я не сра-

зу оценил его настойчивость, особенно когда увидел рядом с роскошными посудными витринами группу давно не мывшихся молодых парней с петушиными гребнями вместо прически на голове и вульгарных девиц с волосами, окрашенными в разные цвета радуги. Кажется, пánки, подумал я. Публика безобидная, особенно если держаться от нее подальше. Фотоаппараты разбивают, если увидят, что их фотографируют, но могут и не возражать, когда им дают за это деньги. Осуждать или жалеть их бессмысленно, поскольку агрессивность и озлобленность этих типов вызваны прежде всего жизненным тупиком, который предлагает им наше общество, полным отсутствием всякой социальной перспективы, независимо от того, происходят они из бедных или богатых семей. А в общем-то, они могут быть предвестниками того, что нас ожидает.

Я уже намеревался мирно миновать компанию люмпен-юнцов, когда одна девица с растрепанными фиолетовыми волосами показалась мне знакомой. В руке она держала полуупустошенную большую бутылку с дешевым сухим вином. Посмотрев еще раз на фиолетовые волосы, я внутренне ахнул: это была Колетт — наша индийская богиня. И, как сказал бы мистер Пикквик, «известный в нашем клубе специалист по гипнотизированию банковских служащих»... Она тоже заметила меня, потому что стала приставать к прохожему, направлявшемуся в мою сторону. Поравнявшись со мной, Колетт тихо обронила:

— Тебя здесь ждали, вечером будут гости.

И побежала за своим прохожим, а я побрел по улочке с множеством магазинов. Побродив немного, я снова подошел к «Дом Хотелю». Номера была заказаны заранее. Мне достался 213-й (я не суеверен), Иву и Дюшато, насколько я был в курсе, должны были быть заказаны номера 214-й и 212-й. Все три номера имели выход на широкий длинный балкон. На этот же балкон выходили окна и двери еще нескольких номеров. Вече-

ром я честно проафишировал себя в ресторане, сидя за отдельным столиком.

Часов в одиннадцать вечера ко мне в номер пришел Дюшато. Кроме двух пистолетов, он принес еще пару резиновых дубинок. Мы включили свет в ванной комнате, пустили там воду, натянули, по всем правилам детективного жанра, на голову чулки и, спрятавшись за портьерой у двери балкона, стали ждать.

Ждать пришлось недолго. Какая-то темная фигура, появившаяся снаружи, ловко открыла балконную дверь и неслышно вошла в номер. Она успела сделать два шага по толстому ковру, когда из противоположного угла комнаты донеслось шумное дыхание и сопение. Казалось, что сопел невидимый в темноте огромный зверь. Фигура повернула голову на этот неожиданный звук, и в то же мгновение удар дубинкой, нанесенный Дюшато, свалил ее на ковер.

Бельгиец выключил с помощью дистанционного излучателя маленький, лежавший в углу комнаты магнитофон (это он так страшно сопел) и, кивнув мне на приоткрытую балконную дверь, спокойно оттащил поверженное тело в ванную комнату, где надел незнакомцу наручники, затем приковал его цепочкой к батарее и замотал ему рот клейкой лентой, после чего погасил в ванной свет и вернулся на свое место. Я успел заметить, что этот человек был одет как панки, среди которых я видел Колетт.

Минут через пять к балконной двери бесшумно приблизились еще две фигуры. Их постигла та же участь, что и первого посетителя, только одному из них Дюшато не стал заклеивать рта. Он надел на него наручники и, наставив в лицо пистолет, потребовал отвечать на вопросы. К моему удивлению, парень сразу же заговорил (только очень тихо, видимо, чтобы находившиеся в ванной его товарищи не слышали). Тем временем у балконной двери снова появились тени, но на сей раз это были два помощника Дюшато и Ив. Оказывается, они

обезвредили четвертого члена «группы захвата» (захватить хотели меня), которого заперли в ванной 212-го номера.

Заговоривший сообщил нам, во-первых, что он принадлежит к синдикату «Триада». Во-вторых, что некоторое время тому назад несколько групп были разосланы в ряд городов Европы, Африки и Ближнего Востока с целью наблюдения за аэропортами и гостиницами. Предлагалось захватить некоего молодого человека, похожего на... Тут гангстер попросил достать у него из кармана фотографию. На фотографии не очень хорошего качества был изображен я в плавках около бассейна гостиницы «Аден». Хитрющие танцовщицы успели-таки запечатлеть меня в первый момент знакомства какой-то маленькой потайной фотокамерой. Понятно, что, обнаружив вторую пленку засвеченной, они подняли переполох и мое фото было размножено. Кто же мог знать, что у них все-таки имеется моя фотография! Знали бы, не стали бы засвечивать на пляже пленку...

— Вчера, — добавил гангстер, — позвонила стюардесса («наш человек»), прилетевшая из Кувейта. По ее словам, в их самолете, приземлившемся во Франкфурте, находился мужчина, очень похожий «на того, кого ищут». Тотчас же были направлены «группы захвата» во Франкфурт, Мюнхен, Гамбург и Кельн, а сегодня днем смешавшиеся с панками члены «группы» засекли около Кельнского собора парня с фотографии. Выяснилось, что «объект» остановился в «Дом Хотеле», в 213-м номере. Вечером решено было его «изъять» и тут же попытать в 208-м или в 209-м номерах, которые были сняты «группой». Нужно было точно установить, кто в действительности этот «объект».

— Надеюсь, ты не будешь прощаться с портье? — сказал мне Дюшато. — Вот тебе веревочная лестница, спустишься с Ивом и с моим помощником с балкона на площадь, благо в этом городе все рано ложатся спать и наблюдать за вами будет некому. Вас уже ждет авто-

машина. Доедете до аэропорта, оттуда полетите во Франкфурт-на-Майне, и ты сразу же возьмешь там билет до места своего назначения. Ив и мой человек вернутся. О том, чтобы здесь все прибрать (он кивнул в сторону ванной), я позабочусь. Счастливого пути!

ПРАГА

Я летел в Прагу, златоглавый город моего детства, который любил не меньше, чем родной Париж. В чем-то даже чуточку больше. Это была страна моей Синей птицы, где жили когда-то бабушка Власта и дедушка Павел — самые добрые и заботливые люди на земле. Тогда я не знал еще, что в жизни существуют неприятности, несчастья и горе...

Позднее я видел много городов, возможно более красивых, чем Прага, но она выделялась среди всех своей мягкой доброжелательностью, приятным юмором, отсутствием грубости, хамства, хулиганства. В моей памяти Прага всегда оставалась добрым городом. Здесь хорошо относились к людям и очень любили детей. Здесь также любили животных, особенно собак и кошек. В благодарность и собаки, и кошки вели себя с удивительным достоинством и полностью доверяли людям. Собаки с пониманием относились даже к возгласу «ко-чáрек!» («коляска!»), которым кондукторы трамвая предупреждали, что в вагоне находится детская коляска с младенцем. В этом случае собакам и их владельцам приходилось терпеливо ждать следующего трамвая, поскольку животным не разрешалось ехать в одном вагоне с грудным ребенком. Зато собаки с удовольствием играли с маленькими детьми на детских площадках. Мальчуганом я запомнил одну сцену, когда к игравшему недалеко от меня карапузу резво подбежал огромный датский дог, а мать ребенка, вместо того чтобы ужаснуться, ласково сказала сыну:

— Смотри, какой хороший песáнку! Погладь его!

И малыш доверчиво положил ручонки на шею громадного пса, который тут же повел себя осторожно, чтобы не причинить случайно неприятности маленькому детенышу человека. У нас в Париже подобная сцена вызвала бы совсем иную реакцию у мамыши...

Самолет пошел на посадку. Я не надеялся, что меня встретят. Но у Куртьё была хорошо налаженная служба оповещения. В Пражском аэропорту Рузине молодой пограничник, заглянув в мой паспорт, попросил подойти к дежурному офицеру. Симпатичный чех в офицерской форме сказал мне по-немецки:

— Нас попросили оказать вам содействие. В салоне для почетных гостей вас ожидает соотечественник, который расскажет о программе вашего пребывания в Праге. Я вас к нему провожу.

Я говорил по-чешски не хуже любого пражанина, но на всякий случай поблагодарил офицера-пограничника также по-немецки. В комнате для гостей, куда провел меня чех, не было никого, кроме седоватого, сухощавого француза, неторопливо допивавшего чашечку черного кофе. Я никогда прежде не встречался с этим человеком, но узнал его сразу. Я знал его по фотографиям и по рассказам. Но даже если бы я никогда не видел его фотографий, я все равно узнал бы его с первого взгляда. Потому что он был слишком похож на свою дочь. А дочерью этого человека была моя Жаклин.

— Рад познакомиться с вами, Виктор, меня зовут Этьен, — сказал, улыбаясь, мой будущий тесть. — Будем делать вместе одно серьезное дело, если вы не возражаете.

По дороге в отель Этьен коротко рассказал мне, что через два дня намечается пресс-конференция, проводимая Международной организацией журналистов. На конференцию приглашены аккредитованные в Праге западные журналисты и представители печати восточно-

европейских стран. Она будет транслироваться непосредственно в эфир по телевидению Интервидением и Евровидением. Пресс-конференция посвящается актуальным вопросам предотвращения гонки вооружений... Этьен добавил, что, по договоренности с его другом Владимиром Виплером — руководителем чехословацкого агентства Орбис и вице-президентом Международной организации журналистов, привезенная мною видеопленка будет с соответствующими комментариями частично показана по телевидению. Мы же сами, сказал он, участвовать в пресс-конференции не намерены, чтобы не навести наших противников на след, ведущий к Куртьё. Этьен добавил, что Виплер посоветовал поселить меня в отеле, предназначенном для гостей правительства, чтобы не иметь неожиданных встреч. Формальности он взялся уладить сам. Из отеля, продолжал Этьен, лучше не выходить в город, а после пресс-конференции сразу улететь через Афины в Париж, к невесте. Жаклин подробно написала отцу обо мне и наших планах.

Сам Этьен, к сожалению, не мог пока покинуть Чехословакию (он обеспечивал выполнение на чешских заводах срочных заказов для лабораторий Куртьё).

— Вот что я предлагаю, Виктор, — после паузы сказал Этьен. — Если хочешь ускорить свадьбу, можно организовать ее здесь, в Праге, разумеется, если ты прихватишь с собой из Парижа невесту, тещу и своих родных.

— Отлично! — воскликнул я. — Надеюсь, через две недели все мы будем здесь.

Вечер мы провели с Этьеном на широченном балконе моего номера, засаженном маленькими вечнозелеными растениями. Насколько я знал Прагу, отель находился в районе Девиге и уступами располагался на холме, с которого была видна большая часть города. С моего балкона открывался живописный вид на Градчаны, Малу Страну, Старо Место. Это был центр Праги. Ее восточ-

ная часть — Жижков, где я провел свои детские годы и где стоял домик моей бабушки Власты, — отсюда видна не была. Но и панорама центра Праги навевала на меня множество воспоминаний. Я стал рассказывать отцу Жаклин о своем детстве, о человеческой доброте, которая окружала меня в те годы. Этьен слушал задумчиво, потом сказал:

— Чтобы сделать из человека джентльмена, утверждают некоторые, нужны три поколения образованных людей. Чтобы воспитать гуманизм в нации, требуются столетия высокой культуры. А вот чтобы разрушить гуманное мировоззрение у тысяч и миллионов людей, требуется куда меньше времени — всего одна война... Так что наше с тобой дело — разоблачение людей, точнее, человеческих выродков, затевающих всемирную бойню, — занятие не такое уж никчемное. Поль Куртьё это хорошо понимает, хотя порой и кажется со стороны несерьезным филантропом.

Я спросил Этьена, давно ли он знает Поля.

— С детства, — последовал ответ. — Мы вместе росли и учились.

Тогда я решился задать Этьену вопрос, который давно меня интересовал, но я не решался задать его самому Полю.

— Этьен, скажите, почему Поль не женат?

— Я думаю, он не прав по отношению к самому себе. Поль распространил на всех женщин обиду, нанесенную ему одной из них. Возможно, поэтому он иногда любит порассуждать о том, какой должна быть настоящая женщина. Сам Поль такой женщины так и не нашел. Когда-то он был страстно влюблен в девушку по имени Полетт. Мы и поддразнивали их: «Поль и Полетт». Она была красивая, тоненькая, хрупкая, нежная. Поль ее боготворил. Перед свадьбой он должен был уехать на месяц из Франции. И тут появился испанец, богатый красавец. Он налетел со своей страстью на бедную Полетт как

ураган, и, ко всеобщему изумлению, через две недели она стала его женой... Когда Поль вернулся, его бывшая невеста была уже в Испании. Он не мог ничего понять. Удар для него оказался ужасным. Та, которую он любил, родила от испанца дочь и вскоре разошлась со своим мужем. Но с Полем они больше не встретились. Думаю, что в душе оба продолжали любить друг друга. Но она чувствовала себя виноватой, а он не смог сделать первого шага. Перед смертью Полетт поведала о Поле своей взрослой дочери и попросила ее найти Куртьё и сказать ему, чтобы он простил свою бывшую любимую. Вот такая банальная мелодрама. Когда дочь Полетт пришла к Полю, он посоветовал ей остаться работать у него в лаборатории и одновременно поступить учиться на медицинский факультет. Так она и сделала.

— Кто же это?

— Мари. Только учти: об этой истории не знает даже Жаклин. А про Полетт я рассказал тебе потому, что сам не могу ответить на вопрос, в каких случаях мужчина должен прощать измену любимой женщины. Правда, Иветт умудрилась передо мной такой дилеммы не ставить...

— Спасибо, Этьен. Я тоже полагаю, что об истории любви Поля не следует рассказывать. Но мне теперь понятно кажущееся странным отношение Поля к Мари...

— Да, это так. Мари вообще-то похожа на своего отца-испанца, но в чертах ее лица и в манере разговаривать часто неуловимо проскальзывает Полетт. Это, конечно, волнует Поля.

— И все-таки вы полагаете, что Куртьё был не прав, когда не смог пересилить свою обиду и не простил Полетт?

— Я уже сказал, что не смог найти ответа на подобный вопрос. Впрочем, нам с тобой, Виктор, достались очень надежные жены...

И Этьен хитро подмигнул мне.

Через два дня мы снова сидели с Этьеном в моем номере. Включили телевизор и удобно расположились в огромных мягких креслах. На светящемся экране появилась миловидная дикторша, которая объявила, что начинается прямая трансляция пресс-конференции, проводимой Международной организацией журналистов... Я подумал, что пресс-конференция открывает новый этап в моей жизни, равно как и в жизни моих друзей.

— Ну что ж, — вдруг сказал Этьен, — будем надеяться, что твой тезка Виктор Гюго окажется пророком, ведь он заявил, что «будущее принадлежит Вольтеру, а не Круппу, книге, а не мечу»...

Несмотря на всю торжественность момента, я неожиданно расхохотался:

— Простите, у вас это, видимо, семейное — обращаться в исторические минуты к Виктору Гюго! Знаете, что сказала мне ваша дочь на третий день знакомства, когда между нами произошло важное объяснение? Она тоже процитировала Виктора Гюго: «Первый признак истинной любви у мужчин — несмелость, у женщин — смелость»...

Теперь рассмеялся Этьен:

— Литература и история прочно сидят у нас в крови, надо будет побольше заняться математикой!..

эпилог

— Аристократы почему-то всегда неприязненно относились к красному цвету, — заметила миловидная венгерка Бóри, дававшая нам пояснения внутри здания будапештского парламента. — Может, красное напоминало им кровь простолюдинов, которую они проливали часто и в больших количествах? Свою собственную кровь аристократы считали голубой...

— Почему? — поинтересовался я.

— Мне не удалось найти в исторических архивах имя первого аристократа, обнаружившего у себя голубую кровь и объявившего остальным, что у них она такая же, — серьезно ответила Бори.

— Это не удивительно. Ведь даже в старые времена Венгрия не имела выходов к морю, а не найденный вами аристократ должен был жить на морском берегу.

Бори с любопытством посмотрела на меня. Я продолжал:

— Полагаю, что этот аристократ происходил от осьминогов, поскольку именно у них голубая кровь... из-за находящейся в ней меди... Хотя могу и ошибиться. Континентальная аристократия, пожалуй, ведет свое происхождение от других родичей. Скорее всего от пауков — у них тоже голубоватый цвет крови...

— Ну и сравнения! — не выдержала Бори. — В добрые старые времена вас сожгли бы на костре за такие шуточки!

— Думаю, за подобные идеи аутодафе сочли бы слишком милосердным наказанием и придумали бы что-нибудь посерьезнее... Но простите, я перебил ваш рассказ.

— Собственно, я пыталась объяснить, почему ковер, на котором мы стоим, голубого цвета. Он расстелен перед входом в верхнюю палату парламента, в которой в прошлые времена заседали аристократы. С противоположной стороны здания перед входом в нижнюю палату, куда избиралась публика попроще, без глубоких генеалогических корней, положен в точности такой же ковер, но красной окраски. Эти два одинаковых ковра являются по своим размерам самыми большими в Европе.

— Есть ли еще какие-либо уникальные особенности здания вашего парламента, выгодно выделяющие его из ряда других аналогичных учреждений Европы?

— Безусловно! — ответила в тон мне Бори. — Хотя бы уже то, что в нашем парламенте стреляли во время заседания депутаты в министров...

— И когда это случилось?

— Перед первой мировой войной. Стреляли противники вооружения. Они решили на практике продемонстрировать вредность оружия. Кроме того, и это главное, они не хотели давать свои деньги на оружие. Вот один из них и выстрелил в того, кто требовал увеличить ассигнования на военные нужды.

— И?..

— Промахнулся! Хотя успел выстрелить несколько раз и с близкого расстояния. Испортил мебель и интерьер зала заседаний.

— Может, его специально наняла в антирекламных целях оружейная фирма — конкурент той, из пистолета которой он стрелял?

— Эта версия пока не отработана, но я займусь ею...

Экскурсия по зданию продолжалась. Парламент был построен основательно, добротно и со вкусом. Но все

же лично мне он больше нравился снаружи. Удивительный многошпильный дворец на берегу Дуная, ставший неотъемлемой частью силуэта венгерской столицы, в которой я оказался совершенно неожиданно для самого себя...

* * *

Я уже собирался покинуть свой великолепный номер в пражском отеле и отправиться в аэропорт, когда в дверь постучали и на пороге возник «вестник». Он имел два метра в высоту и пресерьезнейшее выражение на своем черном лице. Он настолько преисполнился ответственностью выпавшей ему миссии, что вместо дорожной пыли был весь покрыт важностью и дипломатическим этикетом.

— Привет, Бубакáр! — как можно более небрежно поздоровался я, надеясь сбить с малийца густой налет высокопарности и серьезности. Но мне это не удалось.

— Добрый день, мсье Виктóр! — ответствовал Бубакáр Кулибали. — Я прибыл в Прагу с очень важным поручением.

Вздыхнув, я предложил ему кресло.

— Мсье Жорж, — с достоинством начал Кулибали, — заменяющий в настоящее время в Солони мсье профессора, пригласил меня к себе и вручил два билета на самолет. Первый до Вены, второй из Вены до Праги. В Вене я был всего один час.

Я снова вздохнул, но прерывать посланца мсье Жоржа не решился. Ободренный моим молчанием, он так же торжественно продолжал:

— Мсье Жорж не разрешил ничего записывать и просил меня выучить наизусть то, что необходимо передать вам.

Кулибали сделал короткую паузу.

— Мсье Виктóр, вам необходимо направиться в столицу Венгерской Народной Республики город Будапешт.

Через три дня, в пятницу, там состоится очень важное собрание ученых из разных стран. Очень нужно, чтобы вы приняли участие в этом собрании. Через три дня вас будут ждать ровно в 12 часов по местному времени у входа в будапештский отель «Хилтон». Вот все, что у должен был вам сказать.

Я чертыхнулся про себя. Мой друг Жорж прекрасно знал о сложности миссии, которую мне только что пришлось закончить, и мог бы найти кого-нибудь другого для участия в собраниях ученых, пусть даже «очень важных». Понимал Жорж и то, что я тороплюсь к Жаклин.

— Бубакар, — забыв поблагодарить гонца, спросил я, — ты перед тем, как покинуть Солонь, не обратил внимания: мадемуазель Жаклин там?

— Там, мсье Виктор. Два дня назад ее видел.

— Молодец! — к удивлению негра, похвалил я его.

«Значит, Жаклин благополучно вернулась из Африки...» — с облегчением подумал я.

Итак, путь в Париж через Афины пришлось отложить. Я связался с Этьеном и с Владимиром Виплером. Они обещали помочь. Вечером в мой номер снова постучали и снова вошел гость высокого роста. Правда, все же не такой длинный, как Бубакар.

— Павел Марек, — представился он. — Соудруг¹ Виплер просил меня помочь вам добраться до Будапешта, а там также оказать помощь, если это понадобится... Моя машина будет в вашем распоряжении с завтрашнего утра.

На «шкоде» Павла Марек мы отправились в венгерскую столицу. Избрав средством передвижения автомобиль, мы выгадали в двух отношениях: никому не мозолили глаза в аэропортах и были обеспечены собственным транспортом в Будапеште.

Мой чешский попутчик посоветовал остановиться у своих знакомых венгров, имевших большую квартиру

¹ Товарищ (чешск.).

в одном из особняков в Буде. Я согласился, решив, что связываться с отелями не стоило. Жену хозяина квартиры звали Бóри. Она работала в одном из правительственных учреждений, помещавшихся в здании парламента, а потому, выписав нам пропуска, предложила себя в качестве добровольного гида по внутренним помещениям этого здания.

Осмотрев парламент, мы с Павлом поехали из Пешта на противоположный высокий берег Дуная в Буду. Полюбовавшись сверху видом столицы, ровно в 12 часов подошли ко входу в отель «Хилтон».

— Х(г)ле! То е але х(г)езка х(г)олка!¹ — толкнул меня под локоть Павел. — Богужел, чека на некого инего!²

К величайшему изумлению Павла, «потрясающая девушка» бросилась мне на шею.

— Ежишмарие!³ — только и смог вымолвить мой чех.

— Это действительно Мария, — рассмеялся я, — подойди, Павел, я тебя с ней познакомлю.

Мари ослепительно улыбнулась моему попутчику, который никак не мог прийти в себя.

— Йёнаподкиванок! Ходь ван?⁴ — блеснула она знанием венгерского.

— Йёнапод, Мари. Кёссоном, йол!⁵ — снова засмеялся я. — Только он не венгр, Мари, а чех и по-венгерски не понимает. А чешского ты все равно не знаешь. Давай уж я буду переводить.

— Я всегда находила общий язык с мужчиной без посредников, — озорно ответила синеглазая красавица. — Раз он чех, то должен знать немецкий.

И она заговорила с Павлом по-немецки. Тот и в самом деле хорошо знал этот язык.

¹ Посмотри, какая потрясающая девушка! (*чешск.*)

² Жаль, что она ждет не нас! (*чешск.*)

³ Иисус Мария! (*чешск.*) — принятое у чехов восклицание.

⁴ Добрый день! Как ваши дела? (*венг.*)

⁵ Добрый день, Мари. Спасибо, хорошо! (*венг.*)

Мари была не одна, ее сопровождали два венгра, а шагах в двадцати с безразличным видом стоял испанец, один из подчиненных Дюшато... Представившись, венгры сказали, что уже пора ехать на собрание ученых, ради которого я прибыл в их страну.

Пришлось поблагодарить Павла Марека и попроситься с ним.

Мари весело похлопала Павла по плечу. На сей раз она совсем не кокетничала. Просто была в очень хорошем настроении и в высшей степени доброжелательно относилась ко всем людям. Я это приписал необъяснимому влиянию, излучаемому на нее даже издали моим старым другом Анри Фалле...

Мари разъяснила, почему мы с ней оказались в Будапеште: сегодня здесь открывается не очень афишируемый международный симпозиум по СПИДу. Венгерский институт по изучению общественного мнения, который готовит правительству доклады по самым острым проблемам страны, пригласил на симпозиум нескольких очень компетентных зарубежных ученых, занимающихся вопросами синдрома приобретенного иммунодефицита. На симпозиуме предполагалось откровенно обмениваться мнениями о том, что известно о СПИДе в настоящее время и какими могут быть пути борьбы с ним.

Прослышавший про симпозиум Поль Куртьё попросил передать Жоржу, чтобы в Будапешт обязательно поехали два наших главных специалиста-иммунолога, то бишь Мари и я. У Поля, подозреваю, были свои собственные идеи, как бороться со СПИДом, но он, по своему обыкновению, не торопился ими делиться и, конечно, хотел знать, что думают об этой страшной болезни ученые разных стран.

Институт по изучению общественного мнения находился недалеко от здания парламента, и мы снова спустились на машине в Пешт. Войдя с Мари в большую с высоким лепным потолком комнату, я увидел длинный стол, за которым сидело всего человек двадцать. Некото-

рых из них я знал. Двое моих соотечественников, иммунологов из Института Пастера. Один знакомый швейцарец, биохимик. Двое известных мне вирусологов-немцев. Индийский врач, которого я как-то встретил в Париже на одном из коллоквиумов. Мы с Мари заняли свободные места за столом. Дальнейшее я воспроизвожу по своим кратким записям.

Председательствовал седовласый, безукоризненно одетый джентльмен, в котором я узнал Джона Хила, английского ученого с мировым именем. Хил постучал карандашом по графину, требуя внимания:

— Поскольку вы имели неосторожность избрать меня председателем сегодняшней встречи, — начал он, — я позволю предоставить слово самому себе, чтобы по возможности кратко и четко обрисовать проблему.

— Молодец! — шепнула мне Мари. — Он никогда не отличался свойственным буржуа лицемерием скромности!

Между тем председательствующий продолжал:

— Первое. Никто из присутствующих здесь не знает подлинной причины возникновения этого заболевания. Нам предстоит непредвзято рассмотреть различные гипотезы по этому поводу. На болезнь, как вы помните, обратили внимание тогда, когда в США заметили, что некоторые молодые мужчины умирают от заболеваний, от которых раньше умирали только пожилые. Выяснилось, что у этих молодых мужчин сбой давала иммунная система.

Второе. Само название болезни несколько сбивает с правильного подхода к решению проблемы. Увы, название уже вылетело вместе с болезнью из ящика Пандоры, и обратно ни то, ни другое не загонишь! Тем не менее СПИД — это неточно. Почему, собственно, синдром приобретенного иммунодефицита? Синдром — это когда имеется комплекс симптомов, причина которых неизвестна. А нам сегодня эти причины известны. И если вначале дефицит иммунной системы действительно был

главным симптомом болезни, то теперь это уже не так. Серьезные ученые употребляют нынче слово HIV — сокращение английского «вирус человеческого иммунодефицита». Может, точнее было бы говорить о вирусе HTLV-3, то есть о «человеческом Т-клеточном лимфотропном вирусе-3». Как вам известно, вирус СПИДа, подобно другим вирусам, не может самостоятельно размножаться. Он внедряется в Т-лимфоциты, или, как говорим мы, англичане, Т-хелперы¹, которые помогают В-лимфоцитам вырабатывать антитела. Внедрившись в Т-лимфоциты, вирус «заставляет» их производить новые вирусные частицы. Вирусом HTLV-3 занимается доктор Роберт Гэллоу в Национальном онкологическом институте США.

Заметив негодующий взгляд представителя Института Пастера Жан-Клода Клермана, Хил усмехнулся и добавил:

— Я понимаю вас, Жан-Клод. Вы полагаете, что правильнее было бы назвать болезнь LAV — «вирус, вызывающий лимфоаденопатию». Этот вирус профессор Люк Монтанье и другие сотрудники вашего института идентифицировали в декабре 1983 года как возбудитель заболевания, получившего название СПИД.

— Простите, профессор, — все-таки не выдержал Клерман, — ведь мсье Монтанье первым в мире сфотографировал вирус LAV и послал фото американцам, а они выдали эти снимки за «свой вирус» HTLV-3. Потом, правда, признались в ошибке.

— Этих дел, Жан-Клод, я касаться не хочу, хотя скорблю, что борьба за приоритет, как выяснилось в последнее время, пагубно сказывается на поисках эффективных мер против СПИДа. А люди умирают каждый день, причем все в большем количестве.

Позвольте мне продолжить.

¹ От английского «хелп» (помощь).

Третье. Некоторые наши американские коллеги обнаружили несколько лет назад у зеленых мартышек, обитающих в Заире, Бурунди и Руанде, вирус, схожий с вирусом СПИДа человека. На этом основании было объявлено, что первоначальным очагом нового жуткого заболевания, которое журналисты окрестили «чумой XX века», является Африка. Перепуганные тем, что прекратятся туризм и иностранные капиталовложения, африканские государства немедленно заявили бурный протест против подобного предположения.

Безусловно, гипотеза об африканском происхождении СПИДа, или, скажем лучше, LAV, серьезного научного обоснования пока не имеет. Даже если посмотреть, кто болеет LAV в Заире или в Руанде, так это в первую очередь богатые горожане, а не бедные крестьяне, ежедневно контактирующие с обезьянами. В общем, насколько мне известно, никаких материалов о том, как безвредный вирус зеленых мартышек заражает человека и становится для него смертельно опасным, нет. Кроме того, анализ проб законсервированной крови заирцев показывает, что в 60-е годы в ее составе не встречается антител против LAV. Эти тела появляются в замороженной крови заирцев лишь в 70-е годы, то есть в то время, когда они были выявлены и в донорской крови американцев в Калифорнии.

Четвертое. Существует не так уж много вирусов, способных переносить болезнь от животных к человеку. Что-то около сотни. Самый характерный из них — вирус бешенства. Все эти вирусы передаются только одним путем: через укус животного или насекомого. Потом они умирают в человеке, которого заразили. Но вот что любопытно. Вирус LAV имеет аналогию с вирусами, поражающими мелкий рогатый скот и лошадей. Речь идет о вирусах маэди-висны и инфекционной конской анемии. Они относятся к малоизученным лентивирусам, принадлежащим к семейству ретровирусов. А вы знаете, все ретровирусы имеют характерную особенность: они

воспроизводятся внутри клетки через энзим¹ в форме цепочки ДНК, которая соединяется с ДНК клетки, то есть становится частью генетического материала носителя, избегая тем самым защитных реакций иммунной системы. Пораженное животное остается носителем инфекционных генов в течение всей оставшейся жизни. Наконец, лентивирусы имеют многолетний инкубационный период, а когда появляются признаки болезни, 90 процентов животных погибают через два-три года.

— Разрешите добавить, профессор, — заметил ученый из ГДР Хегаль, — висна — это прогрессирующее неврологическое заболевание, очень похожее на прогрессирующий энцефалит, вызываемый СПИДом, а маэди — болезнь легких, аналогичная воспалению легких при СПИДе.

— Благодарю вас, коллега. Вы правы. Но нет ни одного известного случая передачи лентивирусов от животного к человеку. К сожалению, известно другое: в 60-е годы в некоторых лабораториях сумели с успехом культивировать вирус маэди-висны в мозговых клетках человека...

В комнате поднялся шум.

— Это значит, — громко сказал индийский ученый, — что LAV мог быть создан во время научных экспериментов!

Джон Хил жестом руки успокоил собравшихся.

— Я заканчиваю мой монолог, и мы переходим к обсуждению. Если LAV искусственного происхождения, то он мог быть получен с помощью генной инженерии, например, путем скрещивания части генома РНК² вируса лейкемии крупного рогатого скота и части генома лентивируса маэди-висны. Но, подчеркиваю, что это только предположение, чисто теоретическое. Хотя, помните, в прошлом были случаи, как, например, эпидемия болез-

¹ Энзимы — то же, что и ферменты.

² РНК — рибонуклеиновая кислота.

ни Марбурга в 1967 году, когда новые вирусы вырвались по ошибке из лаборатории и стали причиной заболевания.

Пятое, последнее, о чем я хотел сказать, относится, пожалуй, к чисто философским вопросам. Природа никогда не нарушает в своем круговороте закономерностей мироздания. На планете Земля, в частности, природа ни разу не создала веществ, выпадающих из круговорота общего обмена, то есть которые не могли бы разрушиться и разложиться на составные части естественным путем. Природа не создает пластмасс, их создал человек. Отсюда вопрос: может ли природа без вмешательства человека создать механизм, в данном случае вирус, который нарушает общие закономерности, уничтожает иммунитет живого организма, то есть основу жизнеспособности всего живого? Не противоречит ли положительный ответ на этот вопрос основам мироздания, поскольку подрубается под корень сама жизнь на Земле? Благодаря за ваше терпение! Кто просит слова?

Поднялся Хегаль:

— Трудно бороться с болезнью, не зная причин ее возникновения. Видимо, следует исходить одновременно из разных гипотез. Одна из них — искусственное происхождение LAV, ошибки генной инженерии. Разумеется, бесполезно искать доказательства или свидетелей этих ошибок. Если что-то и было, то доказательства давно уничтожены, а свидетели мертвы. Ни одна фирма, ни одно правительство не может себе позволить признаться в проведении подобных опытов, которые поставили под угрозу само существование человечества. После убийства Джона Кеннеди был убит не один десяток свидетелей, которые могли бы хоть в какой-то степени навести на след тех, кто организовал покушение на американского президента. Правда о тех событиях так и не вышла наружу. Но вопрос об убийстве всего населения земного шара куда серьезней, чем смерть одного человека, даже президента США. Можно только представить,

какие будут приняты меры, чтобы скрыть правду, если СПИД возник в результате ошибок генной инженерии.

В то же время известно, что во многих лабораториях занимаются генной инженерией. Например, в Форт-Детрике, где вооруженные силы США проводят исследования в области медицины. Ходили разговоры о сверхсекретной лаборатории американцев в одной из стран Южной Азии. В этой лаборатории готовили особую разновидность заразного конъюнктивита, ведущего к полной слепоте, а также необычную форму лихорадки Денге, убивающую в течение нескольких часов только мужчин и оставляющую в живых женщин. Видимо, в поисках противоядия от СПИДа нужно не сбрасывать со счетов возможность его искусственного происхождения, хотя профессор Хил, безусловно, прав: следует также тщательно изучить другие гипотезы появления этой болезни.

Что касается африканского происхождения СПИДа, то в действительности могло иметь место следующее: Заир, Руанда, как известно, излюбленные места встреч американских гомосексуалистов, которые и могли завезти LAV из США. А распространиться СПИДу в Африке, учитывая простоту нравов и низкий уровень санитарного просвещения, ничего не стоило.

Да и неизвестно, где больше заболеваний. Сейчас во всем мире зафиксировано около 60 тысяч заболевших СПИДом. Из них в США — 40 тысяч, в Англии — одна тысяча, две — во Франции. Что уж там остается на Африку... Та же картина с носителями вируса СПИДа. По данным Центра по борьбе с болезнями в США, в настоящее время носителями вируса являются 1,5 миллиона человек! Это страшная цифра! Ведь никто из них до конца жизни не может быть вылечен... Речь уже идет не об эпидемии, а о пандемии¹, которая может поразить в ближайшие 20 или 30 лет огромное количество людей

¹ Пандемия — эпидемия, охватывающая целые страны и материки.

на земном шаре! Нам надо срочно наметить пути по уничтожению СПИДа! Это главное!

Слово попросила Мари.

— Я хотела бы обратить внимание собравшихся, — начала она, — на еще один возможный вариант происхождения LAV. В 1968 году недалеко от американской военной базы в Туле, что в Гренландии, упал в море самолет В-52 с четырьмя атомными бомбами на борту. Бомбы не взорвались, но плутоний и тритий выделяются из них вот уже 20 лет. За это время среди персонала, обслуживающего базу, около ста человек заболели раком, 22 из них умерли. Заболевание это по своим признакам очень похоже на LAV, абсолютно такое же резкое ослабление иммунной системы, ведущее к одной из форм лейкемии...

Возможно, следует рассмотреть гипотезу: не вызвано ли появление новых смертельных вирусов длительной радиацией? Вирусов СПИДа, видимо, два-три, и для них характерны частые мутации. Если появление вирусов связано с радиацией, то они могли возникнуть сами в зонах, где существует постоянное сильное радиационное излучение. Впрочем, вирус могли создать и нечаянно, путем облучения лазером генетического материала. Все генетики работают с лазером, а он, как правило, вырабатывает мутации...

Следующим выступающим был швейцарский биохимик.

— Пока наиболее действенным средством защиты от СПИДа является санитарное просвещение, — грустно сказал он. — Лекарство, уничтожающее вирус, в ближайшие десять лет создано не будет, как утверждают многие наши коллеги. Я согласен с тем, что просвещение — дело крайне необходимое, поскольку СПИД распространяется главным образом через беспорядочные половые связи. И каждый обязан знать, что если раньше беспорядочные половые связи были аморальны, то теперь они становятся еще и смертельно опасны. К сожалению,

LAV передается также через зараженную донорскую кровь и шприцы.

Других путей заражения СПИДом, кажется, нет, во всяком случае, пока они нам неизвестны, хотя и ходят разговоры про пот и слюну. Я же молю бога, чтобы он не создал такого кровососа-насекомого, который оказался бы способным передавать от человека человеку вирус этой ужасной болезни. Самое страшное в СПИДе — скорость мутаций его вирусов. Сейчас она превышает скорость мутаций вирусов гриппа в пять раз. А это значит: если правительства всех стран не оставят свои игры в космические войны и не займутся всерьез, пока не поздно, СПИДом, его вирус может окрепнуть и будет передаваться воздушно-капельным путем. Я согласен и с тем, что правительства должны принять самые жесткие меры, чтобы изолировать заболевших СПИДом или носителей этого вируса. Хотя я не очень представляю себе, как можно изолировать полтора миллиона носителей вируса в США, тем более что, по некоторым данным, их четыре миллиона...

Но с чем я не согласен, так это с тем, чтобы ждать десять или больше лет открытия противоядия СПИДу. Наш долг — сделать это как можно быстрее. Конечно, уничтожить вирус труднее, чем его нейтрализовать. Поэтому мы и американцы идем сейчас по пути нейтрализации вируса. Мы работаем по принципу получения противоположиомиелитовой вакцины, которая не убивает вирус, а препятствует его воспроизводству. Для этого сейчас созданы путем синтеза три десятка аминокислот, такая искусственная молекула, которая, когда ее вводят в кровь, вызывает реакцию антител, способных нейтрализовать LAV. Это намного лучше, чем вакцина, приготовленная из «убитого» вируса, поскольку LAV настолько грозен, что даже, будучи «умерщвленным», может внезапно «ожить» и начать атаковать организм. Пока результаты обнадеживают. Искусственная молекула протеина из тридцати аминокислот вызывает у кро-

ликов, собак, некоторых видов обезьян, а также в пробирке, в крови человека, зараженного СПИДом, появление антител, нейтрализующих LAV.

Дискуссия продолжалась еще долго. Когда она, наконец, закончилась, Мари вдруг попросила меня:

— Виктор, ты не мог бы сейчас пойти со мной в театр? Я очень люблю Кальмана, а как раз сегодня идет «Королева чардаша», и, говорят, с молодой красивой исполнительницей роли Сильвии. Идти одной или с сопровождающими меня венграми не хочется. Так пойдешь?

— Несколько неожиданно, но я согласен. Предупредим хозяев, что вернемся поздно, перекусим сейчас где-нибудь в кафе по дороге в оперетту и пойдем дальше.

* * *

Времени было достаточно, и мы не торопясь пошли пешком по Пешту в противоположную от Дуная сторону. По моим наблюдениям, Мари сильно изменилась в последние месяцы. И в лучшую сторону. Впрочем, как и Анри... Хотя я держал девушку под руку, у меня создалось впечатление, что она забыла обо мне и думала о чем-то своем. Наконец она заговорила:

— Судя по всему, Поль отправит нас с тобой в разные лаборатории. Жорж думает, что ты будешь работать в «Каскаде», а я — в «Котрабартре». Видимо, Поль хочет, чтобы исследования по СПИДу велись параллельно в разных лабораториях.

— «Каскад», как я слышал, где-то в Южной Америке. А где «Котра...», как ты ее назвала?

— «Котрабартра». Я немного работала в этой лаборатории. Она построена в малоизвестном и труднодоступном районе горного массива Царатанана на севере Мадагаскара. «Царатанана» по-мальгашски — «прекрасная деревня», что не соответствует действительности. В этой местности нет ни деревень, ни людей. Там круто

обрывающиеся горы с буйной растительностью, а реки прерываются многочисленными водопадами. Красивые места. Это край легенд, вызывающий у туземцев суеверный страх. А «Котрабаратра» — «гром» на местном языке — предмет поклонения аборигенов, поскольку грозы там ужасные и молнии нередко убивают людей. Лаборатория «Котрабаратра» — небольшая, но хорошо оснащенная. Хорошо бы уговорить Поля направить туда Анри, — несколько нелогично закончила она.

— Так, а что тебе известно о «Каскаде»?

— Вторая лаборатория в Венесуэле. В первой, на берегу моря, мы с тобой были. В «Каскаде» стажировалась Колетт. Она рассказывала, что это огромная лаборатория, также спрятанная в диких, совершенно недоступных местах на юге страны. Там тоже горные плато с крутыми обрывами, но все это в больших размерах, чем на Мадагаскаре. По крайней мере обрывы там совершенно жуткие, по километру и глубже. И конечно, невероятные по красоте водопады. Отсюда и название лаборатории. Вокруг нее на сотни миль никаких следов дорог, селений, людей. В общем, это недалеко от тех мест, куда Конан Дойл поместил свой «Затерянный мир». Правда, по словам Колетт, динозавры и птеродактили там пока не попадались, хотя живность вокруг встречается уникальная.

Полагаю, что в этом отрезанном от человечества уголке Поль хочет провести основные эксперименты с LAV. В крайнем случае, если вирус и вырвется, распространяться ему будет негде.

— Ну знаешь! Считаешь, что мы там положим свои жизни на алтарь науки? Но у меня есть идея. Дарю бесплатно. LAV поражает только людей и шимпанзе. Других обезьян, тем более других животных он не трогает. Почему? В этом надо тщательно разобраться. Что помогает всем млекопитающим, кроме человека и шимпанзе, противостоять СПИДу? Если мы это определим, то сделаем лекарство!

— Идея годится. На Мадагаскаре я первым делом займусь изучением Т-клеток человека, шимпанзе и других видов обезьян. Смотри, подходящее кафе. Зайдем!

В кафе Мари снова продолжила разговор:

— Можно попробовать еще один путь борьбы с LAV. С помощью генной инженерии изъять из вируса те частицы, которые могут передавать болезни. Из оставшейся части вируса сделать вакцину, способную выработать у человека иммунитет... Все! Кончим говорить о СПИДе! Я с тобой слишком серьезная. Ты в девушках видишь ученых! Куда это годится! Лучше принеси-ка мне вон тот швейцарский шоколад, что выставлен в буфете.

— Понял! У тебя сердечная слабость... Срочно нужен... шоколад... в какао много калия, и оно хорошо влияет на силу сердечных сокращений...

— Что касается сердечной слабости, то я ведь девушка прямая, Виктор, и не скрываю, что твой друг мне очень нравится. А за какао скажи спасибо нам, женщинам.

— Спасибо! А за что?

— Как за что? А кому вы, мужчины, обязаны тем, что пьете какао и едите шоколад?

— Эрнану Кортесу, который привез от ацтеков бобы какао.

— Да, но почему он их привез? Потому что хотел угодить женщине — испанской королеве. Именно с ее легкой руки все придворные дамы Мадрида стали пить по утрам чашечку американского чокоатля, который потом переименовали в слово попроще — «шоколад».

— Вот так вы, женщины, всегда. Мужчина привез им шоколад, а заслуга в этом женщин. И слово «какао» тоже дал вам мужчина, поскольку Карл Линней был мужчиной, и это он сообразил, что вместо ацтекского «какауатль» проще произносить «какао»... И вообще, чем вы гордитесь? Что дали нам напиток, который после определенного возраста способствует подагре и камням

в почках из-за большого количества щавелевой кислоты в какао?

— Запрещенный прием, мой милый. Конечно, некоторым чревоугодникам мужского рода, которые пьют какао литрами и закусывают плитками шоколада... подагра обеспечена. Да и то при условии, что они еще круглосуточно едят бифштексы, запивая сухим вином. Так что не грехи на какао.

— Мой тренер говорил: дискутировать с эмансипированной женщиной — все равно, что боксировать с противником, находящимся в более тяжелой весовой категории...

— А что? Мы, женщины, должны уметь постоять за себя. Марлен Дитрих, к примеру, брала уроки бокса... Между прочим, у Хемингуэя...

— Пригодилось?

— Еще как! Однажды она так врезала Жану Габену, что тот очутился в сугробе...

— Интересная подробность из жизни Жана Габена! Этого я не знал.

Мари рассмеялась. Я взглянул на свою собеседницу. Задумчивость ее прошла, и она вела разговор в своей обычной шутиливой манере.

— Мари, что нужно женщине для счастья? — неожиданно задал я вопрос.

— Быть клушей и иметь свой выводок. Об этом мечтает каждая нормальная женщина, если только... — Мари как-то странно прищурилась. — Если только она не так красива и образованна, как я!..

— Что же, скромно и со вкусом!

— Или если она не совсем нормальная...

— Считаешь, что не надо иметь семью? Или женщина должна быть в ней лидером?

Мари вдруг сникла.

— Ничего не знаю, Виктор! Все опротивело! Повстречай я Анри раньше! Ты же видишь: я не подонок. Но вы, мужчины, все лезете и лезете ко мне на каждом

шагу! Пожалуй, только ты да Жорж не смотрите на меня пошло. А я тоже хочу иметь любимого мужа и детей от него!

Я положил руку ей на плечо.

— Пойдем! Все будет хорошо! А у Анри это серьезно. А когда он серьезно к чему-то относится, на него всегда можно было положиться...

Мы вышли из кафе, и я предложил проехать пару остановок в старом будапештском метро. Самом старом в Европе. С самыми маленькими вагончиками и самыми короткими поездами. Но Мари отказалась, ей хотелось дойти до театра пешком. Тогда через некоторое время мы свернули с оживленной улицы и пошли малолюдными переулками. Это была уже моя инициатива. Конечно, вести под руку такую очаровательную женщину было приятно: красивая, элегантная, с изумительной фигурой, она шла легким, упругим шагом, высоко подняв голову. И все это не было позой, грациозность и гордость были у нее в крови. Но я постоянно ощущал внимание к ней многих прохожих. На мою спутницу оглядывались не только мужчины, но и женщины.

«Ей действительно непросто, — подумалось мне. — К ее свежей, броской красоте со всех сторон тянутся руки, многие из которых очень грязные...»

Двое молодых спортивного вида парней, оба явно навеселе, двигались нам навстречу. Не скрывая искреннего восхищения, они уставились на мою спутницу. Они даже остановились посредине тротуара, чтобы лучше рассмотреть ее. Потом захлопали в ладоши. Я попытался аккуратно обойти ценителей красоты, когда один из них резко ударил меня в лицо. Автоматически сработали боксерские навыки, я слегка повернул голову и отшатнулся, ослабляя удар. Не сделай я этого, кастет раздробил бы мне челюсть. Так он только разодрал щеку, из которой хлынула кровь. Кроме того, я не удержал равновесия и упал на тротуар. Правда, успел сгруппироваться, чтобы не удариться затылком об асфальт.

«Спортсмены» между тем схватили Мари, собираясь ее куда-то тащить. Рядом взвизгнули тормоза подъехавшей машины. Я обхватил ногами ударившего меня и резко повернулся. Парень грохнулся на тротуар. Кажется, упал он менее удачно, чем я, потому что встать уже не смог. На его правой руке блестел массивный стальной кастет.

Двое выскочили из автомобиля и подбежали на помощь парню, схватившему Мари за руки. Одному из них по дороге пришла в голову мысль ударить меня в окровавленное лицо ногой. Это было уже слишком. Пока он заносил для удара свою правую ногу, я из всех сил дернул его рукой за левую. После этого он застонал уже в горизонтальном положении, в то время как я очутился в вертикальном и бросился к автомобилю. Поздно! Двое втолкнули отчаянно отбивавшуюся Мари в машину.

— Подлец! Негодяй! — сдавленно крикнула она кому-то.

Слева к стоявшей у тротуара машине подкатила еще одна, и я с ужасом понял, что Мари сейчас увезут. Сознывая, что опоздал, в слепой ярости кинулся я к автомобилю похитителей, который, взревев мотором, рванулся вперед, но метров через пять остановился. Я схватился за заднюю дверцу, открыл ее и со страшной силой ударил сверху руку, державшую направленный на меня пистолет. Грохнул выстрел, пуля ушла вниз, не причинив никому вреда. В тот же миг кто-то открыл заднюю дверцу автомобиля с противоположной стороны и буквально выбросил на мостовую человека, державшего Мари слева. Поскольку державший ее справа, после того как у него выбили из рук пистолет, сразу же заинтересовался мною, Мари немедленно выскочила в левую дверцу. Вся моя ярость воплотилась в короткий удар правой, нанесенный похитителю, оставшемуся на заднем сиденье. Он тут же обмяк. Явный нокаут. Мой тренер был бы доволен. Пальцы, правда, я повредил. Во время схватки

водитель автомашины навалился грудью на руль и не двигался. По-моему, он был без сознания.

— Виктор! — крикнули из второй машины. — Скорее к нам!

Я послушался почти автоматически. Может, потому, что Мари призывно махнула мне из автомобиля рукой. Машина резко взяла с места. Только тогда я рассмотрел рядом с собой, кроме Мари, испанца и еще двух наших охранников из Солони.

— Извините, — виновато заметил испанец, — не хотели вам мешать, вот и опоздали малость. Деликатность не всегда нужна.

Сидевший за рулем швед рассмеялся:

— Если бы ты не догадался парализовать лучевым пистолетом водителя той автомашины, они могли бы удрать!

— Да, нескладно получилось! — вздохнул испанец. — Мари уже втокнули в машину, и я замешкался: боялся задеть ее лучом. Тот шофер минут через десять придет в сознание. Хорошо, хоть Виктор не дал себя убить!

— Искренне присоединяюсь к вашему мнению! — не выдержал я.

— Все рассчитали! — заметил швед. — Там была еще одна автомашина. Стояла в начале переулка. Из нее выскочили первые двое. На, возьми аптечку и работай щеку!

Он протянул мне аптечку.

— Оянёк, оянёк, оянёк ангелок!¹ — вдруг запел я.

— Он что, спятил? — ни к кому не обращаясь, спросил испанец.

— Да нет, эту арию скоро будут петь в «Королеве чардаша», но, прости Мари, меня вряд ли пропустят в театр в этом костюме.

¹ Молоденькие девушки, молоденькие девушки, молоденькие девушки — вы ангелы! (*венг.*). Соответствует русскому «Красотки, красотки, красотки кабаре!».

Костюм мой действительно был залит кровью и измазан грязью.

— На сегодня театра достаточно, — подал голос третий охранник, датчанин.

— Один из нападавших, — сказала все еще дрожавшая Мари, — мой бывший поклонник, за которого я когда-то собиралась замуж.

— Жак? — уточнил я.

— Он самый!

Охранники почему-то не хотели иметь никаких дел с венгерской полицией (наверное, из-за засекреченного лучевого пистолета), поэтому постарались оставить в максимально короткое время максимально длинное расстояние между нами и местом происшествия. Когда я спросил их, почему они не взяли хотя бы одного пленника, чтобы уточнить, кто и зачем на нас напал, испанец (он был старшим) спокойно пояснил, что такой задачи перед ними не ставили. Их просили просто охранять Мари, добавил он, и они не подозревали, насколько это окажется сложным... К тому же, если бы взяли кого-нибудь, началась бы охота за нами...

— Само собой разумеется, — добавил швед, — никто из нас не думал, что в социалистической стране может быть организовано похищение.

— Короче говоря, прошляпили, — резюмировал я.

* * *

Последний день пребывания в Будапеште прошел в хлопотах. Я попрощался с Бори и ее мужем Андрашем, поблагодарил их за гостеприимство, поездил по магазинам, чтобы купить подарки моей матери, Жаклин и теще. И наконец, поехал в «Хилтон», где остановились Мари и охранники. Было решено, что лучше и надежнее будет, если я вернусь в Париж прямым рейсом вместе с ними.

Я думал о том, насколько скоро сможет человечество

одолеть СПИД. Если промедлит, последствия могут быть ужасными. Я подумал о том, что по высшей логике человеческого разума надо бросить большинство средств, сил и кадров, отданных гонке вооружений, на борьбу со СПИДом. Пока не поздно! Куртьё, конечно, сейчас объявит нам, что нейтрализация и уничтожение в человеческом организме LAV будет первоочередной проблемой всех научных сотрудников. Стоп! Почему он интересовался акулами? У них самая лучшая иммунная система! Никакой СПИД им не страшен! Может выработать лекарство против LAV на основе иммунных особенностей акул? Но тогда мне не стоит лететь в Венесуэлу, а вместе с Мари работать в «Котрабаратре». На Мадагаскаре раздобыть акул нетрудно. Впрочем, в Амазонке тоже водятся весьма любопытные рыбы. Надо будет все тщательно обдумать.

Разговор с оправившейся от потрясения Мари оказался неожиданно интересным. Она сообщила, что участвовавший в нападении ее бывший поклонник Жак связан с какой-то крупной фармацевтической фирмой.

— Во время нашей последней встречи, — заметила Мари, криво улыбаясь, — у меня возникло ощущение, что его во мне интересует не женщина, а иммунолог... С таким пылом задавал он мне вопросы, между прочим, о лентивирусах тоже... Меня, помню, это удивило, но поскольку он генетик, я решила, что увлеченность наукой заслоняет в нем мирские интересы... Теперь я думаю, что его фирма уже тогда занималась СПИДом. Он все спрашивал, не приходилось ли мне с помощью генной инженерии «перестраивать» вирусы таким образом, чтобы нейтрализовать их способность размножаться... На подобные вопросы, разумеется, я не отвечала.

«Так, так, — про себя заметил я, — «родная» «Триада», постоянно удостаивавшая нас своим вниманием, судя по всему, к нападению в Пеште отношения не имеет. Появился кто-то еще. Может, зверь покрупнее».

— Мари, — обратился я к ней вслух, — наверное,

твои «друзья-генетики» следили за нашим симпозиумом. И в качестве награды за усердие обнаружили тебя. Импровизируя, решили прихватить тебя с собой, чтобы ты смогла продолжить свои научные изыскания в их секретных лабораториях. Поль-то, оказывается, был прав, когда советовал тебе не высовывать своей красивой головки с территории Солони.

— Ты с ума сошел, Виктор! — неожиданно резко отреагировала Мари. — Не могу же я всю жизнь сидеть в Солони!

— Тут ты, пожалуй, права. Монастыри и закрытые научные лаборатории не для тебя. Но все же нам надо быть крайне осторожными. Раньше крали красивых девушек и физиков, теперь охотятся за генетиками и иммунологами. Счастье, что предусмотрительный Жорж послал с тобой охрану! И все-таки что же делать дальше?

— Как что? — почти беззаботно заявила Мари. — Ты женишься на Жаклин и уедешь с ней в Венесуэлу. Там вам будет спокойнее, да к тому же, может, и нащупаете путь борьбы с LAV. А я сама приду к Анри и попрошу его взять меня в жены. Обещаю ему быть отличной женой. Это я сумею. Если согласится, увезу его на Мадагаскар.

Она очаровательно улыбнулась:

— Ну скажи честно, неужели найдется мужчина, способный отказаться от моей руки?

Я взглянул на нее. За последние несколько часов лицо Мари заметно побледнело, под глазами были круги. И все же... Все же она была чертовски хороша. Совершенно искренне я произнес:

— Такого мужчины, Мари, не существует!

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Часть I. Путь на Запад через Восток	
Солонь — Париж — Солонь	7
Дели — Катманду — Сингапур	56
Токио и Никко	90
Париж — Солонь	104
Гваделупа, остров Шу и островок Авес в Ка- рибском море	117
Часть II. Путь на Друк-юл (рукопись)	
Париж — Ассам — Друк-юл	164
Пещеры грибоедов	178
Поселок Дру	192
Муссатанг	203
Друссия	226
Часть III. Путь на Восток через Запад	
Париж	242
Каир — Аден	250
«Офир»	273
Кувейт — Висбаден — Кельн	289
Прага	304
Эпилог	310

Суханов В. И.

С 91 Аватара : Фантаст. роман. — 2-е изд. — М. : Мол. гвардия, 1989.— 332[4] с., ил.— (Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-00305-5

Остросюжетный социально-фантастический роман, знакомящий молодого читателя с близкими и дальними странами, особенностями их исторической эволюции, а также с актуальными проблемами борьбы за мирное будущее планеты.

С 4702010201—216
078(02)—89 150—88

ББК 84Р7

1 р. 70 к.

МОЛОДОЯ ГВАРДИЯ

